

ДРЕВНОСТИ *СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

№ 9(21)

Горно-Алтайск
2018

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Горно-Алтайский государственный университет

**Научно-исследовательский центр
истории и культуры тюркских народов**

**Древности
Сибири и Центральной Азии
*№ 9(21)***

Горно-Алтайск
2018

УДК 902-904; 391
ББК 63.4

Древности Сибири и Центральной Азии [Электронный ресурс] : сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Соенов. – № 9(21). – Электрон. текст дан. (25 Мб). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – 114 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: РС, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; CD/DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с титул. экрана. – ISBN 978-5-91425-161-8.

Научное электронное издание

Редколлегия сборника:

В.И. Соенов, к.и.н., доцент (*ответственный редактор*);
С.В. Трифанова, к.и.н.; **Н.А. Константинов**, к.и.н.

Сборник научных трудов содержит результаты археологических и этнографических исследований в Южной Сибири и Центральной Азии, а также материалы, посвященные памяти первого профессионального алтайского археолога, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Александра Сазоновича Суразакова (10.12.1948 – 28.08.2018). Подготовлен и издан Научно-исследовательским центром истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета в рамках научно-исследовательского проекта «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена» (№ 33.1971.2017/4.6) проектной части госзадания Минобрнауки РФ.

Издание рассчитано преимущественно на специалистов. Может использоваться аспирантами и студентами исторических факультетов вузов, а также преподавателями, школьникам и всеми, кто интересуется древностями.

ISBN 978-5-91425-161-8

© **В.И. Соенов**, составление, оформление, макет, 2018
© Горно-Алтайский государственный университет, 2018

УДК 902-904

Соенов Василий Иванович

Кандидат исторических наук, доцент

Главный научный сотрудник

Руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов

Горно-Алтайский государственный университет, Россия

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 16, кв. 5

soyonov@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ДИНАМИКУ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА АЛТАЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ЧАСТЬ 1. ЭПОХА КАМНЯ И БРОНЗЫ¹

Аннотация. Этнокультурная история Алтая эпохи камня и бронзы представляет собой мозаичную картину перемещения разных групп населения, процесса смешения местных этнических и социальных объединений с мигрантами из дальних и ближних регионов Евразии. Первая человеческая культура, появившаяся здесь, принадлежала представителям Homo erectus, покинувшим Африку и через какое-то время достигшим Алтайских гор. Потомки этой миграционной волны обитали в регионе на протяжении почти всей первой половины раннего неоплейстоцена до глобального ухудшения природной обстановки. В период среднего палеолита, после очередной смены природно-климатических условий, происходит заселение Алтая другими подвидами людей: неандертальцами и денисовцами, которые в верхнем палеолите вытеснены новой волной мигрантов – людьми современного типа. В начале голоцена в связи с окончанием оледенения и изменением природно-климатического фона трансформируется и культура населения. Изучение эволюции каменной индустрии позволило исследователям сделать вывод о том, что на базе местной верхнепалеолитической культуры возникает микролитическая культура периода мезолита–неолита. В сложении и развитии неолитической культуры Алтая наряду с аборигенной основой, вероятно, участвовали другие этнокультурные компоненты. В поздненеолитических археологических материалах регистрируется проникновение в регион юго-западных мигрантов, а наличие восточно-евразийской гаплогруппы мтДНК А4 в генофонде обитателей Алтайских гор позволяет отметить иной, восточный, вектор притока населения. В начале периода ранней бронзы произошла масштабная миграция на Алтай представителей ямной общности из восточно-европейских степей. Возможно, пришлые группы постепенно смешались с местным энеолитическим населением, о чем говорит наличие памятников арагольского, улитинского и куротинского типов с отличными от афанасьевских культурными и этнографическими традициями. Для второй половины периода ранней бронзы выделены памятники алтайского варианта окуневской культуры – каракольской культуры, которая связана как с местными обитателями, так и с восточными и западными мигрантами. Потомки каракольцев без какой-либо принципиальной трансформации автохтонного антропологического типа участвовали вместе с другими группами населения в этнокультурогенезе раннескифского и пазырыкского времени, а затем – гунно-сарматского и тюркского. Итак, археологические материалы эпохи камня и бронзы свидетельствуют, что на протяжении тысячелетий на Алтае происходят различные миграционные и адаптационные процессы, оказывавшие прямое влияние на динамику этнокультурного развития, особенности формирования и трансформации традиций, а также на сложение оригинального автохтонного населения, сочетающего восточно-евразийские и западно-евразийские гаплогруппы в генофонде, европеоидные и монголоидные расовые черты в антропологическом типе.

¹ Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена» (№33.1971.2017/4.6) проектной части госзадания Министерства образования и науки РФ.

Ключевые слова: Алтай; археология; этнокультурные процессы; миграции; адаптация; древность; эпоха камня и бронзы.

Soenov Vasilii Ivanovich

The Candidate of Historical Sciences (PhD), Docent (Associate professor)

Principal Research Scientist

Head of Research Centre for History and Culture of the Turkic peoples

Gorno-Altai State University, Russia

649000, Gorno-Altai, Ulagashev St. 16-5

THE IMPACT OF MIGRATION ON THE DYNAMICS OF ETHNO-CULTURAL PROCESSES IN THE ALTAI IN THE ANCIENT AND THE MIDDLE AGES. PART 1. THE STONE AND BRONZE AGE

Abstract. The Altai ethnocultural history of the Stone and Bronze ages is a mosaic picture of the different groups population movements, the mixing process of a local ethnic and the social associations with migrants from distant and near regions of Eurasia. The first human culture that appeared here belonged to representatives of *Homo erectus*, who left Africa and after some time reached the Altai Mountains. The descendants of this migratory wave lived in the region for almost the entire first half of the Early Neo-Pleistocene before the global environmental degradation. In the Middle Paleolithic, after another change of climatic conditions, the Altai was populated by other subspecies of people: Neanderthals and Denisovan, who were displaced by a new wave of migrants in the Upper Paleolithic by modern humans. In the beginning of the Holocene the Great Ice Age was over and the natural and climatic conditions changed, resulting in the culture of the population was also transformed. The researchers studied evolution of the stone industry and came to the conclusion that the microlithic culture of the Mesolithic-Neolithic period of Altai arose on the basis of the local Upper Paleolithic culture. Probably other ethno-cultural components along with the aboriginal base participated in the creation and development of the Neolithic culture of Altai. Late Neolithic archaeological materials shows penetration of south-western migrants into the region, and presence of the East Eurasian haplogroup of mtDNA A4 in the gene pool of the inhabitants of the Altai Mountains allows us to note another, eastern, vector of population influx. At the beginning of the Early Bronze Age, there was a large-scale migration of representatives of a Yamnaya culture from the Eastern European steppes to the Altai. Perhaps, alien groups gradually mixed with the local Eneolithic population, as evidenced by the presence of monuments of the Aragol, Ulita and Kurota types with different from Afanasyevo cultural and ethnographic traditions. Monuments of the Altai variant of the Okunev culture – Karakol culture dating to the second half of the Early Bronze Age are highlighted in the Altai. They are connected both with local inhabitants, and with eastern and western migrants. The descendants of the Karakol group participated together with other groups of the population in the ethnoculturogenesis of the Early Scythian and Pazyryk times, and then – of the Hunno-Sarmatian and Turkic. These changes were occurred without any fundamental transformation of the autochthonous anthropological type. The archaeological materials of the Stone Age and Bronze Age show that within a millenniums various migration and adaptation processes have taken place in the Altai. They directly impact on the dynamics of ethnocultural development, peculiarities of the formation and transformation of traditions, and the formation of the original autochthonous population. It combines the East Eurasian and Western Eurasian haplogroups in the gene pool, Caucasoid and Mongoloid racial traits in the anthropological type.

Keywords: Altai; archeology; ethno-cultural processes; migration; adaptation; antiquity; the Stone and Bronze age.

Введение

Вся древняя и средневековая история человечества представляет собой очень сложную систему территориальных перемещений многочисленных или небольших этнических и социальных групп в разных направлениях. Причины миграций этих групп людей связаны с адаптивной стратегией в борьбе с изменением экологических, экономических и политических условий [Burmeister S., 2000, p. 43]. Массовое или даже групповое перемещение людей и приспособление мигрантов к новым условиям, их смешение с местным населением всегда приводило к значительным изменениям в обществе: формированию новых культур, этносов, политических структур и т.д. [Клейн Л.С., 1999, с. 52-71; Тихомиров К.Н., 2002 (электронный ресурс); Тишкин А.А., 2018, с. 296-308]. Поэтому изучение причин и хронологии конкретных миграционных импульсов, а также направлений движения того или иного древнего и средневекового населения является важнейшей частью современных археологических исследований, как элементов для осмысления и реконструкции культурно-исторических процессов.

Многолетнее изучение археологических памятников Алтая позволяет нам утверждать, что этнокультурная история региона представляет собой результат одновременного притока/оттока разных групп населения, процесса смешения местных этнических и социальных объединений с мигрантами из дальних и ближних регионов Евразии на фоне их адаптации или невозможности приспособления к условиям Алтайских гор. Не всегда удается археологам зарегистрировать перемещение той или иной группы населения в пространстве. Археологические культуры обычно резко сменяют одна другую, и корни каждой выявить довольно трудно, поскольку новые культуры нередко возникают на поликультурной основе. Вследствие этого, объяснение происхождения каждой культуры – чрезвычайно дискуссионный вопрос в науке [Клейн Л.С., 1999, с. 52-71]. Тем не менее, зафиксированы как факты переноса с Алтая устоявшихся местных традиций и изделий в другие регионы Евразии, так и факты получения извне культурных и хозяйственных традиций, комплексов артефактов и т.д. Причем регистрируются перемещения населения на очень большие расстояния, достигающие нескольких тысяч километров. Мы полагаем, что миграционные и адаптационные процессы у обитателей региона связаны с системами жизнеобеспечения, которые в первую очередь зависели от определенных колебаний природно-климатических условий в разных районах Алтая в каждый конкретный исторический период в контексте глобальных евразийских климатических процессов и изменений природной среды.

Приток населения извне обусловлен специфическим местоположением региона. Алтайские горы расположены на стыке южно-сибирской лесостепи и тайги, степей Казахстана и полупустынь Монголии [Атлас Республики Алтай, 2010; Республика Алтай. Географическое положение (электронный ресурс)]. Восточного вектора миграций на Алтай и обратного в Хакасию (через верховья Большого Абакана) и Тыву, скорее всего, не было из-за сложности преодоления Шапшальского хребта. Равнинный миграционный поток с остальных сторон, встречая преграду в виде среднегорных и высокогорных хребтов, разделенных глубокими долинами рек, был вынужден погаснуть и осесть на Алтае или обойти его. Отток населения из региона мы связываем преимущественно с невозможностью хозяйственной и физической адаптации к изменениям климатических условий или к ландшафтам местности, не исключая военно-политические, социально-психологические факторы или другие конкретные обстоятельства, вынудившие какие-то группы людей покинуть Алтай.

Эпоха камня и энеолита

Алтайские горы не являются местом возникновения человека, поэтому уже изначально их освоение явилось результатом миграции людей в раннем палеолите [Деревянко А.П., 2009б; 2015]. Первая человеческая культура, появившаяся на Алтае, принадлежала представителям *Homo erectus*, покинувшим пределы Африки и постепенно заселяя обширные тер-

ритории Евразии через какое-то время достигшим современных Алтайских гор, вероятно, через Переднюю и Среднюю Азию [Деревянко А.П., 2009а; 2017]. Если не учитывать Улалинку со спорной датировкой, на Алтае известен детально изученный памятник, безусловно содержащий материалы нижнего палеолита, – стоянка Карама, расположенная в долине р. Ануй на северо-западе Алтая [Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С. и др., 2005]. Стоянка многослойная, основная часть каменных орудий обнаружена в слоях среднего этапа нижнего неоплейстоцена. Наиболее древние культуросодержащие слои датированы 600-800 тыс. лет. Археологические материалы Карама представлены раннепалеолитическими индустриями галечного типа [Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2015, с. 7]. Судя по всему, природные условия были тогда благоприятны для жизни человека. В окрестностях Карама произрастали сосново-березовые леса с участием темнохвойных пород и широколиственных видов – вяза, граба, липы, дуба, маньчжурского ореха, лещины и шелковицы. Хозяйственная деятельность обитателей стоянки включала охоту на мелких и средних животных, поиск остатков добычи хищников, сборные съедобных растений. Хроностратиграфическая колонка Карама свидетельствует, что представители этой первой миграционной волны адаптировались к природно-климатическим условиям Алтая и обитали здесь на протяжении почти всей первой половины раннего неоплейстоцена. После холодного максимума, в связи с общим ухудшением природной обстановки, скорее всего, ранние гоминины ушли в районы с более умеренным климатом. Оставшаяся часть популяции, видимо, не смогла адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям, и прекратила существование [Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2015, с. 8; 2016, с. 8-9].

В период среднего палеолита происходит заселение Алтайских гор неандертальцами и денисовцами с более совершенной техникой обработки камня и более развитой материальной и духовной культурой, позволявшими им лучше адаптироваться к колебаниям климата на Алтае и просуществовать здесь длительное время. Открыто значительное количество памятников этого периода: многослойные долговременные пещерные стоянки (Усть-Канская, Страшная, Денисова, Сибирячиха и др.); стоянки открытого типа (Усть-Каракол-1, Ануй-2, Кара-Бом, Тюмечинский комплекс местонахождений и др.). Среднепалеолитические индустрии этих стоянок развивались в рамках единой культурной традиции, внутри которой выделены три основных технических варианта – денисовский, кара-бомовский и сибирячихинский [Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. и др., 2003; Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В., 2013, с. 89-103]. Денисовский вариант характеризуется приемами параллельного и радиального снятия заготовок, преобладанием орудий на средних и укороченных сколах, доминированием скребел в составе орудий. Кара-бомовский вариант представлен главным образом леваллуазской индустрией первичного расщепления в технике пластинчатого скола, в орудиях – остроконечниками и удлиненными сколами. Сибирячихинский технический вариант характеризуется радиальной технологией расщепления, преобладанием орудий мустьерского облика и большим количеством в составе инвентаря угловатых скребел. В пору среднего палеолита климат на Алтае был неустойчивый. Во время похолодания наступали морозы, ледник спускался с гор в долины. Теплолюбивые растения сменялись морозоустойчивыми кустарниками и хвойными деревьями. Во время потеплений ледник таял, начинали расти широколиственные деревья (дуб, граб, липа и т.д.). Травой, кустарниками, листьями деревьев питались мамонты, шерстистые носороги, олени, бизоны, зубры, антилопы, дзерены, архары, маралы, сарлыки, дикие лошади и другие животные, на которых охотились люди среднего палеолита. Неандертальцы и денисовцы в силу специфики своих культур, вероятно, в разной степени адаптировались к природно-климатическим условиям Алтая. Но оба подвида древних людей, являясь охотниками и собирателями, были вынуждены эксплуатировать одну экологическую нишу, что, естественно, вело к соперничеству за ресурсы. Однако неандертальцы и денисовцы не только конкурировали между собой, но и взаимодействовали, о чем свидетельствуют генетические данные из осадочных отложений в Восточной галерее Денисовой пещеры, указывающие на совместное существование этих двух видов в течение продолжительного времени [Дере-

вянко А.П., Шуньков М.В., 2015, с. 11; Slon V., Hopfe C., Weiß C.L., et al., 2017, p. 605-608 (электронный ресурс)]. Более того уже обнаружен первый случай их прямого скрещивания: результаты генетических исследований фрагмента кости из Денисовой пещеры показали, что кость принадлежала девочке примерно 13 лет, жившей около 50 тыс. лет назад, которая родилась от смешанного брака. Ее отец был денисовским человеком, а мать – неандерталкой [Slon V., Mafessoni F., Vernot B., 2018 (электронный ресурс)].

Верхний палеолит ознаменован приходом людей современного типа – кроманьонцев, повсеместно замещавших неандертальцев и денисовцев. Климат на Алтае оставался ледниковым, в горах ближе ко льдам были тундровые ландшафты. Здесь обнаружено более ста памятников, содержащих материалы верхнего палеолита: Кара-Бом, Кара-Тенеш, Усть-Каракол, Усть-Куюм, Усть-Сема, Тыткескень, Майма, Каратурук, Юстыд, Бигдон, Иульчак и другие. Основными производственными занятиями позднепалеолитических людей продолжали оставаться охота, собирательство и рыболовство, которыми занимались еще неандертальцы и денисовцы в среднепалеолитическую пору. Но в отличие от предшественников, кроманьонцы имели, по мнению антропологов, лучшую приспособляемость к условиям среды. Это могло быть благодаря их умению делать запасы еды путем консервации с использованием природных консервантов [Бужилова А.П., 2005, с. 59]. В позднепалеолитическое время произошел значительный прогресс в обработке камня, изготовление каменных орудий стало более удобным и быстрым: кроманьонцы изготавливали каменные пластины при помощи ретушеров. Характерной особенностью алтайской позднепалеолитической каменной индустрии является широкое использование скребел и скребков. Изделия верхнего палеолита имеют корни в среднем палеолите, что говорит о преемственности населения и техники обработки камня. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае происходило на основе последовательной трансформации технокомплекса среднего палеолита по двум самостоятельным линиям развития – усть-каракольской и кара-бомовской [Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2004, с. 12-40]. Преемственность населения подтверждается обнаруженными генетиками следами общей гибридизации кроманьонцев с неандертальцами и денисовским человеком [Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2016, с. 13].

Около 14-12 тыс. лет назад в мире произошли существенные климатические изменения в связи с окончанием плейстоценовой эпохи оледенения и началом голоцена. На Земле значительно потеплело, что привело к интенсивному таянию ледников. С раннеголоценовым потеплением на Алтае полностью исчезли многие виды крупных животных (мамонты, бизоны, пещерные медведи, львы и др.). Именно в ту пору на Алтае сформировались природно-климатические, фаунистические и флористические условия близкие к современным. Естественно, в период голоцена также как и ранее происходили колебания климата, но они не оказывали существенного влияния на изменение границ природных зон, происходили внутризональные изменения структуры ландшафтов [Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000, с. 3-22]. Анализ типов орудий и техники их изготовления свидетельствует о том, что в мезолите появляется технология изготовления наконечников стрел и подшлифовка рабочих частей изделий, а также происходит общее уменьшение размеров орудий и развивается микролитическая вкладышевая техника. Типологическое и функциональное исследование эволюции каменной индустрии мезолитических памятников Алтая позволило сделать вывод о том, что на основе верхнепалеолитической культуры возникает микролитическая культура периода мезолита–неолита [Кунгурова Н.Ю., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю., 1991]. Этот процесс трансформации культуры, по мнению исследователей, отражают памятники типа Маймы и Красной Горы [Кунгуров А.Л., 1993, с. 23].

Природно-климатические условия Алтая в период неолита стабилизировались и практически полностью приобрели современный вид. Неолитические поселенческие комплексы VI-IV тыс. до н.э. детально изучены на Средней Катуни [Кирюшин К.Ф., Кирюшин Ф.Ю., 2008, с. 6-12]. Материалы, полученные при раскопках памятников, интерпретированы по-разному: по мнению части авторов, в сложении неолитической культуры «... участвовало несколько этнокультурных компонентов, основным из которых не обязательно являлся ме-

стный мезолитический... » [Кирюшин К.Ф., Кирюшин Ф.Ю., 2008, с. 91], а, по мнению других авторов, неолитическая традиция сложилась на основе местного мезолита (Усть-Сема) и в течение всего неолита значительных изменений не претерпела [Кунгурова Н.Ю., 1995, с. 22]. В поздненеолитической среднекатунской культуре фиксируются технологические следы проникновения на Алтай в середине – второй половине V тыс. до н.э. какого-то нового населения с территории современного Восточного Казахстана и Средней Азии: появляются геометрические микролиты [Кирюшин К.Ф., Кирюшин Ф.Ю., 2008, с. 113].

Погребение периода позднего неолита раскопано в пещере Каминная, расположенной в северо-западной части среднегорного Алтая [Маркин С.В., 2000, с. 53-64]. Это наиболее ранний представитель анатомически современного населения Алтая, ставший доступным для палеогенетического исследования. Результаты секвенирования мтДНК индивида из этого погребения свидетельствуют о присутствии в составе генофонда населения восточно-евразийской гаплогруппы А4 [Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромащенко А.Г., 2011, с. 633-643]. Наличие данного компонента в генофонде позволяет отметить иной, восточный, вектор движения населения на Алтай, отличный от западного, фиксируемого в археологических материалах. Таким образом, как минимум с периода неолита, население Алтайских гор было смешанным, т.е. состоял как из западного, так и восточного компонентов.

Смешанный антропологический тип, характерный для погребенного в пещере Каминная, является автохтонным для Алтая. В более позднее время, в конце неолита–энеолита, он фиксируется у погребенного большемысской культуры в Нижнетыткескенской пещере-1, а затем – у населения окуневской/каракольской культуры периода ранней бронзы, пазырыкской культуры периода раннего железа [Чижишева Т.А., 2003, с. 100], булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени и тюркской культуры раннего средневековья [Поздняков Д.В., 2006, с. 19]. Таким образом, можно отметить, что, несмотря на большие хронологические разрывы между культурами позднего неолита–энеолита и бронзового века, это морфологическое своеобразие сохраняется на протяжении тысячелетий. Антропологические материалы II тыс. н.э. пока немногочисленны, но можно полагать, что наблюдаемое сочетание европеоидных и монголоидных расовых черт у современных коренных алтайцев связано с этим смешанным древним автохтонным компонентом.

Во второй половине IV тыс. до н.э. на Средней Катуне происходит формирование местного варианта большемысской культуры эпохи финального неолита–энеолита. Памятники, содержащие материалы этой культуры – Тыткескен-2 и 6, Усть-Курум, Нижнетыткескенская пещера-1, Чеба, Малый Дуган и др. Возможно, состав и специфика катунского варианта большемысской культуры связаны с миграцией в горы местного южносибирского населения из районов западно-сибирской лесостепи, на что указывают орнаментальные традиции и формы керамики [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 111, 114]. Полной смены предшествующего населения Средней Катуне, вероятно, не произошло: представители среднекатунской поздненеолитической культуры участвовали в формировании алтайского варианта большемысской культуры, поскольку в ее технологических традициях отмечается высокая степень устойчивости местных традиций мезолита–неолита [Кунгурова Н.Ю., 1998, с. 21].

Эпоха бронзы

На Алтае бронзовый век имеет хронологические границы в пределах конца IV – начала I тыс. до н.э., что соответствует суббореальному климатическому периоду голоцена. В целом, если не брать во внимание кратковременные отклонения, периоды ранней и развитой бронзы в регионе приходятся на теплый и влажный климат, но во второй трети II тыс. до н.э. климатический тренд меняется в сторону похолодания и весь период поздней бронзы на Алтае характеризуется холодным и влажным климатом [Schlutz F. & Lehmkuhl F., 2007, p. 108].

Для эпохи бронзы исследователи выделяют на Алтае несколько археологических культур и типов памятников. Начало периода ранней бронзы связано с возникновением и

развитием алтайского варианта афанасьевской культуры [Цыб С.В., 1983]. Изучение памятников этой культуры на Алтае имеет длительную историю и на сегодня известны десятки поселений и погребальных комплексов этой культуры, расположенные практически во всех районах, за исключением таежных участков в северо-восточной части региона. Поселений раскопано немного [Шульга П.И., 2015, с. 39], а на могильниках вскрыто более 230 объектов – курганов, оград-кромлехов и оград-стенок [Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф., 2014, с. 310]. Получено значительное количество инвентаря из этих памятников, а также серия радиоуглеродных дат образцов дерева, угля и кости из погребений [Орлова Л.А., 1995, с. 207-233; Степанова Н.Ф., 2009б, с. 154-159; Грушин С.П., 2009, с. 110-112; Поляков А.В., 2010, с. 158-171; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П. и др., 2010; Соенов В.И., Акимова (Вдовина) Т.А., Трифанова С.В., 2012, с. 166-172; Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф., 2017, с. 62-66; 2018, с. 14-22; Svyatko S.V., Polyakov A.V., Soenov V.I., et al., 2017, p. 65-75; Дашковский П.К., Степанова Н.Ф., 2018, с. 41-50; Poliakov A., Svyatko S., Stepanova N., 2018 (электронный ресурс); и др.]. Сегодня хронологические рамки афанасьевской культуры Алтая и Хакасии исследователями определяются разными периодами в пределах 31-25 вв. до н.э. [Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П. и др., 2010, с. 61; Соенов В.И., Трифанова С.В., 2015, с. 261-267; Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф., 2018, с. 14-22]. Если ранее появление афанасьевской культуры в Южной Сибири связывали как с миграцией населения из более западных районов, так и со стадийным переходом автохтонного неолитического центрально-азиатского населения к палеометаллам, то сегодня установлено, что оно вызвано масштабной западной миграцией. Основу афанасьевской культуры составили переселенцы из восточно-европейских степей: исследования структуры генофонда населения подтвердили генетическое единство афанасьевцев с представителями ямной культуры. Афанасьевское население по Y-ДНК принадлежит в основном к гаплогруппе R1b, по мтДНК – к гаплогруппам J, T, C, H, U, R [Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., et al., 2015, p. 167-172; Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., et al., 2018, p. 97-107]. Пока не удалось решить вопрос о степени участия в формировании афанасьевской культуры местных групп населения, выделяющихся антропологически и генетически [Чижишева Т.А., 2010, с. 259-273]. Возможно, пришлое палеоевропеоидное афанасьевское население в какой-то степени ассимилировало местное смешанное энеолитическое население, в т.ч. большемысцев, которые включали древних монголоидов [Ким А.Р., Чижишева Т.А., 1995, с. 102].

Для первой половины периода ранней бронзы исследователями выделены отличные от афанасьевских памятники арагольского, улитинского, куротинского типов [Степанова Н.Ф., 2009а, с. 391-395; 2010, с. 24-37; 2011, с. 284-286; Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф., 2014]. Они, вероятно, отражают процесс смешения населения с разными культурными и этнографическими традициями. Часть населения ранней бронзы, судя по археологическим материалам, автохтоны, проживавшие на Алтае еще с неолита и в какой-то мере сохранившие и развивавшие свою культуру на протяжении длительного времени, другая часть была пришлой и смешивалась с аборигенами, приспособившись к местным условиям [Степанова Н.Ф., 2011, с. 284-286]. До сих пор остается невыясненной дальнейшая судьба носителей афанасьевской культуры. Предположения об их миграции на территорию современного Синьцзян-Уйгурского автономного района в северо-западном Китае не нашла убедительного подтверждения, поскольку краниологические и генетические исследования показали близость мумий бассейна Тарима больше к представителям андроновской культуры, чем афанасьевской [Козинцев А.Г., 2008, с. 142-143; 2009, с. 133; Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., et al., 2018, p. 97-107]. Вероятными потомками грацильной части алтайских афанасьевцев «типа людей из Сальдыра», по данным краниологии, являются федоровцы Верхнего Приобья и Рудного Алтая [Козинцев А.Г., 2009, с. 134].

Для второй половины периода ранней бронзы на Алтае выделен алтайский вариант окуневской культуры – каракольская культура 26-23 вв. до н.э. Пока окончательно не выяснено происхождение населения этой культуры и его соотношение с населением более ранне-

го афанасьевского времени. Три² индивида из могильника каракольской культуры Каракол принадлежат к митохондриальной гаплогруппе Н [Чикишева Т.А., 2010, с. 271-272]. Недавние исследования геномов образцов представителей афанасьевской культуры Алтая и окуневской культуры Енисея показало, что прямой генетической преемственности между этими культурами не было, но по Y-хромосоме один индивид из окуневцев, как и афанасьевцы, принадлежал к гаплогруппе R1b. Остальное окуневское население по Y-ДНК принадлежит к гаплогруппам N и Q, по мтДНК – к гаплогруппам J, T, C, H, U, R, A, D [Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., et al., 2015, p. 167-172; Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., et al., 2018, p. 97-107]. До широкомасштабного сравнительного исследования образцов ДНК не представляется возможным установить уровень и силу связей окуневцев/каракольцев с афанасьевцами, арагольцами, улитинцами, куротинцами и другими. Если на Енисее, судя по археологическим данным и серии радиоуглеродных дат, происходило взаимодействие афанасьевцев и окуневцев в 26-25 вв. до н.э. [Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф., 2018, с. 14-22], то на Алтае такой факт не установлен. В определенной степени это является доказательством отсутствия периода сосуществования носителей афанасьевской культуры, куротинского, улитинского и арагольского типов с носителями окуневской/каракольской культуры. Представляется, что они проживали на Алтае последовательно [Соенов В.И., Трифанова С.В., 2015, с. 261-267]. Возникновение окуневской/каракольской культуры, возможно, связано с притоком с востока нового населения близкого к неолитическим жителям Алтая и Красноярско-Канского региона [Чикишева Т.А., 1995, с. 105], которое смешавшись с аборигенами, стало основой населения вариантов окуневской культуры в Хакасии и на Алтае. В целом, данные краниоскопии и краниометрии свидетельствуют о принадлежности енисейских окуневцев, родственных алтайским каракольцам, к местному сибирскому кругу популяций [Громов А.В., 1997а,б]. Каракольцы краниологически наиболее близки к южносибирской неолитической группе Верхнего Приобья – Усть-Иша и Иткуль [Чикишева Т.А., 2000, с. 139-148; Тур С.С., Солодовников К.Н., 2005, с. 35-47; Козинцев А.Г., 2009, с. 129]. Историческая судьба окуневцев/каракольцев до получения массовых результатов палеогенетических исследований окончательно не может быть установлена. Но, по мнению исследователей, часть потомков каракольцев участвовала в этногенезе населения Алтая раннескифского и пазырыкского времени вместе с представителями культуры бегазы-дандыбаевского круга [Чикишева Т.А., 2003, с. 100; Молодин В.И., 2003, с. 167], а затем – в этногенезе населения культур поздней древности и раннего средневековья [Поздняков Д.В., 2006, с. 19]. Интересным моментом является то, что более чем тысячелетний разрыв между окуневской/каракольской культурой и культурами раннего железного века не повлиял на автохтонный антропологический тип, и он «... без какой либо принципиальной трансформации...» вошел в состав населения пазырыкской культуры [Чикишева Т.А., 2003, с. 100].

Несмотря на длительное развитие археологии Алтая памятников заключительного этапа ранней бронзы (последняя четверть III тыс. до н.э.) не известно. Отдельные археологические находки свидетельствуют о том, что в период ранней бронзы из западно-сибирской лесостепи в северные низкогорья Алтая по долинам основных рек проникали носители елунинской [Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф., 1997, с. 36-41] и крохалевской керамических традиций [Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т., 1982, с. 18-23; Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф. и др., 2006, с. 49-50; Соенов В.И., Трифанова С.В., 2009, с. 149-154; и др.]; из Северо-Западной Монголии на юго-восточные участки Алтайских гор переходили носители чемурчекской культуры [Ковалев А.А., 2005, с. 178-184]. Также, очевидно, были какие-то миграции представителей иных культур или общностей [Кубарев В.Д., 2000, с. 31-35; 2006,

² Мы не можем учитывать результат гаплотипирования четвертого образца (митохондриальная гаплогруппа D), представленный в таблице Т.А. Чикишевой [2010, с. 271]. Образец идентифицирован, как происходящий из погребения каракольской культуры «Каракол, курган 82», но объекта с таким номером нет в памятниках данной культуры (см., например, свод памятников: [Кубарев В.Д., 2009]).

с. 82-84; Молодин В.И., 2002, с. 138; Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В. и др., 2004, с. 139; Bourgeois J., De Langhe K., Ebel A.V., et al., 2017, p. 17-31 (электронный ресурс)].

В изученности памятников более поздних этапов эпохи бронзы – развитой и поздней бронзы (II тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.) ситуация за последние годы изменилась незначительно. По неустановленной пока причине Алтайские горы в ту пору оставались незаселенными или малозаселенными. На северных и северо-западных окраинах региона исследованы слои с находками, свидетельствующими о проникновении ирменцев и корчажкинцев [Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 107-109; Молодин В.И., 2002, с. 138-139; Киреев С.М., Эбель А.В., Алехина Е.В. и др., 2002, с. 49-51; и др.], но в глубине Алтайских гор до сих пор не удалось выделить памятники развитой и поздней бронзы. Исключение составляют находки на ряде поселений в Средней Катуни. Например, на памятнике Кара-Тенеш обнаружено несколько фрагментов типичного андроновского сосуда и незначительное количество керамики, предположительно относящейся также к периоду развитой бронзы [Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф. и др., 2006, с. 52-54]. На юго-восточной окраине региона, в Чуйской котловине, обнаружены объекты монгун-тайгинской археологической культуры завершающего этапа поздней бронзы, несколько из которых раскопано [Савинов Д.Г., 1973, с. 235; 1994, с. 58; Суразаков А.С., 1988, рис. 5, 6]. Но в целом пока известны только случайные находки артефактов периода развитой и поздней бронзы [Членова Н.Л., 1976, с. 38; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 58; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992, с. 41; Соенов В.И., Эбель А.В., 1995, с. 56; Кочеев В.А., 1997, с. 173; и др.]. Между тем к востоку и юго-востоку от Алтайских гор, в Туве и Монголии, известны памятники мунх-хайрханской археологической культуры [Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2014, с. 194-225]³, а со всех остальных сторон – многочисленные памятники культур андроновской исторической общности, а затем – карасукской и ирменской культур.

Причины отсутствия на Алтае памятников развитой и поздней бронзы пока не удалось объяснить археологически. Возможно, природно-климатические условия региона стали непригодными для проживания социумов с присущими для того времени типами хозяйства. Поэтому произошел массовый отток населения в соседние регионы в последней четверти III тыс. до н.э., после чего обратное проникновение людей в глубину Алтайских гор до начала эпохи железа происходило эпизодически, о чем и свидетельствуют отдельные находки артефактов периода развитой и поздней бронзы, отмеченные выше. Версия о малонаселенности Алтая в II тыс. до н.э. – начале I тыс. до н.э. в связи с особенностями природной среды, не сочетающимися со скотоводческим хозяйством того периода, требует детальной реконструкции климата Центрального и Восточного Алтая второй половины голоцена с использованием современных методов. Корреляция изменений климатических условий и природной среды с хронологией археологических памятников и культур позволит нам проследить закономерности в периодах заселения и освоения или опустения региона в эпоху бронзы.

Заключение

Мобильность являлась нормой социального поведения человеческих сообществ в древности, поскольку от своевременности миграции зачастую зависела жизнь членов группы. Археологически не всегда удается зафиксировать перемещения групп населения. Но результаты миграционных процессов, выраженные в резкой смене культуры, а также в изменениях физических особенностей населения конкретного региона вполне четко отслеживаются ар-

³ В эпоху развитой бронзы, видимо, в Юго-Восточный Алтай проникали носители мунх-хайрханской археологической культуры, основной ареал распространения которой был восточнее [Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2014, рис. 1]. Каменные конструкции, сходные по внешним признакам с объектами этой культуры, известны нам в долинах рр. Бугузун, Бар-Бургазы и Юстыд в Чуйской котловине (например: [Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., 2003, с. 28-46]). Несколько близких к ним сооружений раскопано А.С. Суразаковым на р. Ирбисту [1988, с. 22-59].

хеологами и антропологами. Тем не менее, эти доказательства конкретных миграций всегда ставились под сомнение, если то или иное перемещение населения не было зафиксировано в древних письменных источниках и произведениях. Но сегодня использование современных методов палеогенетики, экспериментальной физики, аналитической химии, палеопаразитологии и др. обеспечивают надежное доказательство древних миграций. Конечно, в использовании каждого из них есть своя специфика, но эти методы дают нам широкие возможности для нового понимания динамики и содержания этнокультурных процессов в древности.

Археологические материалы из памятников Алтая эпохи камня и бронзы демонстрируют, что здесь временами, как и в других регионах Евразии, случалась резкая и полная эпохальная смена материальной и духовной культуры населения, которая отражалась в инвентаре, искусстве, остатках хозяйственной деятельности, элементах погребального обряда и т.д. Также постоянно происходили изменения в антропологическом и генетическом составе обитателей Алтая из-за индивидуальных/групповых перемещений и крупных волн миграционных потоков. Но, несмотря на это, на протяжении тысячелетий с неолита до этнографической современности, здесь сохранился оригинальный автохтонный компонент, сочетающий европеоидный и монголоидный расовые черты, также восточно-евразийские и западно-евразийские гаплогруппы. Антропологическая и генетическая преемственность части древнего и средневекового населения демонстрирует, что определенные группы людей, покинувшие регион, постоянно находились в орбите Алтайских гор и даже через многие столетия их потомки неизменно возвращались на родину праотцев, снова восстанавливая аборигенную популяцию.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1982. С. 52-77.
2. Атлас Республики Алтай. Новосибирск: Новосибирская картографическая фабрика, 2010. 84 с.
3. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
4. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
5. Громов А.В. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 1997а. С. 294-300.
6. Громов А.В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. СПб., 1997б. С. 301-345.
7. Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: АлтГУ, 2009. С. 110-112.
8. Дашковский П.К., Степанова Н.Ф. Инской Дол – памятник эпохи ранней бронзы в Западном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Том 46. № 1. С. 41-50.
9. Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009а. 232 с.
10. Деревянко А.П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии. Мат-лы Междунар. симп. (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009б. С. 5-28.
11. Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. 612 с.
12. Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. II: Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 884 с.

13. Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1(53). С. 89-103.
14. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 12-40.
15. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Развитие палеолитических традиций на Алтае и проблема становления человека современного вида // Традиции и инновации в истории и культуре. М.: Отд. ист.-филол. наук РАН, 2015. С. 7-12.
16. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Древнейшие археологические памятники Алтая и проблема становления человека современного типа // Развитие территорий. 2016. № 2(5). С. 6-15.
17. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.
18. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Кулик Н.А., Ульянов В.А., Чиркин К.А. Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 88 с.
19. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Наука, 1994. Часть 1. 262 с.
20. Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 3-22.
21. Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры-1 – первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул: АлтГУ, 1995. С. 95-117.
22. Киреев С.М., Эбель А.В., Алехина Е.В., Буржуа Ж., Дебен Б., Ван Хооф Л. Предварительные итоги исследования поселения Майма XII в 2000 г. // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 49-51.
23. Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескен-2 (Итоги работ 1988-1994 гг.). Барнаул: АлтГУ, 2008. 335 с.
24. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул: АлтГУ, 2010. 80 с.
25. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескен-2 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 23-28.
26. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Елунинский комплекс в устье р. Куюм // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1997. С. 36-41.
27. Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52-71.
28. Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 178-184.
29. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 194-225.
30. Козинцев А.Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4(36). С. 140-144.
31. Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4(40). С. 125-136.
32. Кочеев В.А. Новые находки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1997. Вып. VIII. С. 171-173.

33. Кубарев В.Д. Погребение эпохи бронзы у г. Жалгыз-Тобе // Обозрение 1994-1996. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 31-35.
34. Кубарев В.Д. Памятник эпохи бронзы у горы Шибе (Восточный Алтай) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 82-84.
35. Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
36. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 40-41.
37. Кунгуров А.Л. Культуры палеолита–мезолита Северного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1993. С. 22-24.
38. Кунгурова Н.Ю. Микролитические индустрии Средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: Наука, 1987. С. 31-57.
39. Кунгурова Н.Ю. Неолитические индустрии Катунь и озера Иткуль: Автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул: АлтГУ, 1995. 25 с.
40. Кунгурова Н.Ю. Технологические традиции населения большемысской культуры предгорной зоны Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 15-22.
41. Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае // Археология и этнография. Барнаул: АлтГУ, 1982. С. 18-23.
42. Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2(2). С. 53-64.
43. Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. С. 97-142.
44. Молодин В.И. Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск: СО РАН, 2003. Выпуск 1. С. 148-178.
45. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 256 с.
46. Орлова Л.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. Ч. 2. С. 207-233.
47. Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромашенко А.Г. Митохондриальная ДНК женщины из пещеры Каминная (Горный Алтай) эпохи позднего неолита // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2011. Том 15. № 4. С. 633-643.
48. Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. Ч.1. 233 с.
49. Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.
50. Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158-171.
51. Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V(XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. III. С. 62-66.
52. Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1(21). С. 14-22.

53. Республика Алтай. Географическое положение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altai-republic.ru/about-the-region/geographical-position/> (дата обращения: 20.08.2018).
54. Савинов Д.Г. Работы на Горном Алтае // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 235-236.
55. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.
56. Соенов В.И., Акимова (Вдовина) Т.А., Трифанова С.В. Радиоуглеродные даты погребений периода ранней бронзы на могильниках Нижний Айры-Таш и Озерное // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 166-172.
57. Соенов В.И., Трифанова С.В. Соотношение радиоуглеродных дат и археологических материалов поселения Чеба // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: АлтГУ, 2009. С. 149-154.
58. Соенов В.И., Трифанова С.В. К проблеме структурирования и хронологии археологических культур Алтая периода ранней бронзы // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 261-267.
59. Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А. Археологические памятники долины р. Бугузун // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 10. С. 28-46.
60. Соенов В.И., Эбель А.В. Случайные находки бронзовых изделий // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. № 1. С. 54-58.
61. Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009а. Т. XV. С. 391-395.
62. Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: АлтГУ, 2009б. С. 154-159.
63. Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул: Слово, 2010. С. 24-37.
64. Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: современное состояние изучения // Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. Том 1. СПб. – М. – Великий Новгород: Новгородский технопарк. 2011. С. 284-286.
65. Суразаков А.С. Ирбисту I // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 22-59.
66. Тихомиров К.Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири: эпоха бронзы – средневековье: Дис. канд. ист. наук. Омск: ОмГУ, 2002, 187 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/migratsionnye-protsessy-na-territorii-zapadnoi-sibiri-epokha-bronzy-srednevekove#ixzz5OQHfDgL1> (дата обращения: 20.08.2018).
67. Тишкин А.А. Особенности изучения миграций в археологии // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. Барнаул: АлтГУ, 2018. С. 296-308.
68. Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 1. С. 35-47.
69. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Дис. канд. ист. наук. Новосибирск: НГУ, 1983. 229 с.
70. Чикишева Т.А. Некоторые новые палеоантропологические материалы эпохи бронзы с территории Сибири // III Годовая итоговая сессия Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 103-106.
71. Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита–бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 139-148.
72. Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск: СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 63-120.

73. Чикишева Т.А. Антропологический аспект взаимодействия населения афанасьевской культуры с автохтонным населением на территории Горного Алтая // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 259-273.
74. Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 103 с.
75. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: НГУ, 2015. 336 с.
76. Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichevitz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. № 522. P. 167-172.
77. Bourgeois J., De Langhe K., Ebel A.V., Dvornikov E.P., Konstantinov N.A., Gheyle W. Geometric stone settings in the Yustyd Valley and its surroundings (Altai Mountains, Russia): Bronze Age 'virtual dwellings' and associated structures // *Archaeological Research in Asia*. 2017. Volume 10. P. 17-31 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352226716300885> (дата обращения: 23.08.2018).
78. Burmeister S. Archaeological Research on Migration as a Multidisciplinary Challenge // *Medieval Worlds*. 2016. № 4. P. 42-64.
79. Poliakov A., Svyatko S., Stepanova N. A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the "shorter" chronology // *Radiocarbon*. 2018. P. 1-21 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/radiocarbon/article/review-of-the-radiocarbon-dates-for-the-afanasyevo-culture-central-asia-shifting-towards-the-shorter-chronology/7B46137ABA060814916341B5772AB269> (дата обращения: 06.09.2018).
80. Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubézy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. № 167. P. 97-107.
81. Schlutz F. & Lehmkuhl F. Climatic change in the Russian Altai, southern Siberia, based on palynological and geomorphological results with implications on climatic teleconnections and human history since the middle Holocene // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2007. № 16. P. 101-118.
82. Slon V., Hopfe C., Weiß C.L., Mafessoni F., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewart J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., de Lumley H., Perrenoud C., Gušić I., Kućan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Matthias Meyer Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // *Science*. 2017. № 356(6338). P. 605-608. [Электронный ресурс]. URL: <http://science.sciencemag.org/content/early/2017/04/26/science.aam9695> (дата обращения: 23.08.2018).
83. Slon V., Mafessoni F., Vernot B., de Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // *Nature*. 2018. 22 August [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-018-0455-x#article-info> (дата обращения: 23.08.2018).
84. Svyatko S.V., Polyakov A.V., Soenov V.I., Stepanova N.F., Reimer P.J., Ogle N., Tyurina E.A., Grushin S.P., Rykun M.P. Stable isotope palaeodietary analysis of the Early Bronze Age Afanasyevo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2017. Volume 14. P. 65-75.

УДК 902/904

Константинов Никита Александрович

Кандидат исторических наук

Старший научный сотрудник Музейного комплекса

Горно-Алтайский государственный университет, Россия

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

nikita.knstantinov@yandex.ru

Вавулин Михаил Викторович

Младший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований

Томский государственный университет, Россия

634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд.042

E-mail: 0002004@inbox.ru

Зайцева Ольга Викторовна

Кандидат исторических наук

Заведующая лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт»

Томский государственный университет, Россия

634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд.042

E-mail: snori76@mail.ru

Урбушев Айдын Урматович

Младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и культуры

тюркских народов, Горно-Алтайский государственный университет, Россия

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

AidUrbushev@yandex.ru

**ОБСЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ДОЛИНЫ РЕКИ БОЛЬШОЙ УЛАГАН (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)¹**

Аннотация. В работе представлены предварительные результаты работ по обследованию археологических памятников в долине реки Большой Улаган. Изучались разнотипные и разновременные памятники, находящиеся в среднем течении реки у с. Балыктуюль. В 2018 году проведена аэрофотосъемка этого участка, благодаря которой получены данные, которые можно использовать для создания топографических планов археологических памятников и при картографировании объектов археологического наследия района. Полученные материалы позволили сделать предварительные выводы об особенностях пространственного расположения и планиграфии археологических памятников.

Ключевые слова: Алтай, Большой Улаган, археологические ГИС, ортофотоплан, разведки, петроглифы, курганы, оградки, балбалы.

Konstantinov Nikita Alexandrovich

Candidate of Historical Sciences (PhD)

Senior Researcher Scientist of Museum Complex

Gorno-Altai State University, Russia

649000, Gorno-Altai, Lenkina str., 1

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ №18-09-00709 «Комплексное изучение погребальной архитектуры царских курганов скифского времени Алтая на погребально-поминальном ансамбле в урочище Пазырык».

Vavulin Mikhail Viktorovich

Junior Researcher Scientist of Laboratory of social and anthropological research

Tomsk State University, Russia

634050, Tomsk, Lenin ave. 36, office 042

Zaitseva Olga Viktorovna

Candidate of Historical Sciences (PhD)

Head of the Laboratory of interdisciplinary archaeological research «Artifact»

Tomsk State University, Russia

634050, Tomsk, Lenin ave. 36, office 042

Urbushev Aidyn Urmatovich

Junior Researcher Scientist of Research Centre for the History and Culture of the Turkic Peoples

Gorno-Altai State University, Russia

649000, Gorno-Altai, Lenkina str., 1

**ARCHAEOLOGICAL SURVEY IN THE VALLEY OF BOLHSOY ULAGAN RIVER
(EASTERN ALTAI)**

Abstract. Since 2017, archaeological survey has been carried out in the Bolshoi Ulagan valley in the Eastern Altai. We studied the monuments located near Balyktuyul village in the middle course of the river Bolshoi Ulagan. In 2018, aerial photography of this area was made. Obtained aerophotography data can be used to create topographic plans of archaeological monuments and to mapping the archaeological sites of the area. The results allowed to draw preliminary conclusions about the features of the spatial location and planigraphy of archaeological monuments of different time and types.

Keywords: Altai, Bolshoi Ulagan valley, archaeological GIS, orthophoto, survey, petroglyph, kurgan, enclosure, balbal.

Археологические памятники в долине реки Большой Улаган достаточно рано попали в поле зрения различных исследователей и путешественников, поскольку здесь проходил один из путей из Северного Алтая на юг. Материалы, полученные во время проведенных тут раскопок, сыграли исключительную роль на этапе накопления материальных источников и первых обобщений по древним и средневековым периодам истории региона. Многие из них до сих пор не теряют свою актуальность и вряд ли утратят еще долгие годы. Но нужно отметить, что в постсоветский период значительных археологических работ в этом районе практически не проводилось.

Ситуация изменилась лишь в последние два года, когда на Пазырыкском могильнике возобновились полевые исследования силами совместной археологической экспедиции Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа. Кроме земляных работ на Пазырыке, ведется обследование окрестностей, направленное на поиск и фиксацию памятников (рис. 1; 2). В 2018 году к этой работе подключилась команда Томского государственного университета, которая провела аэрофотосъемку участка долины общей площадью 27,5 кв. км. Полученные данные позволяют в той или иной степени охарактеризовать особенности топографического и взаимного расположения археологических объектов долины, а также сделать некоторые выводы о сохранности памятников. В этой работе будут представлены предварительные результаты этого направления работ.

История изучения долины реки Большой Улаган.

Изучение памятников долины реки Большой Улаган началось во второй половине XIX века. Одной из первых работ, посвященных древностям Восточного Алтая, стала статья Н.М. Ядринцева, который в 1878 и 1880 гг. совершил поездки по Алтаю. Во время поездок исследователь зафиксировал разнообразные археологические памятники [Ядринцев Н.М., 1883].

Значительная часть его публикации содержит сведения о памятниках по долинам рек Чулышман, Башкаус, Улаган (Большой Улаган) и южной части Телецкого озера. Целый ряд памятников, главным образом курганных могильников и изваяний, зафиксирован в долинах рек Большой Улаган и Башкаус [Ядринцев Н.М., 1883, с. 193-194]. Спустя год, в 1881 году памятники практически по тому же маршруту осмотрел А.В. Адрианов [Тишкина Т.В., 2010, с. 74]. Нужно отметить, что в нескольких местах по долине Большого Улагана исследователь встречал следы недавних грабительских раскопок курганов. В 1888 году памятники по реке Большой Улаган были обследованы экспедицией Й.Р. Аспелина. Исследователем отмечено большое количество захоронений и ряды балбалов, а также зарисовано каменное изваяние [Appelgren-Kivalo H., 1931, abb. 317; Тишкина Т.В., 2010, с. 63].

Судя по всему, первые научные раскопки в долине проведены в 1890 году Н.С. Гуляевым. Тогда он раскопал курган со рвом и с «аллеей из 12 камней». Костяк погребенного человека лежал головой на север. В погребении найдены железные удила и нож [Отчет императорской археологической комиссии, 1901, с. 84]. Вероятнее всего, его раскопки были произведены на Усть-Балыктуюльском могильнике.

Начало масштабным полевым работам в Восточном Алтае положили исследования, проведенные в 1924 году силами Алтайской экспедиции этнографического отдела Русского музея (г. Ленинград). Именно тогда был открыт Пазырыкский могильник. В рамках экспедиции С.И. Руденко раскопал на памятнике одну или две раннесредневековые поминальные оградки и одну каменную насыпь, не содержащую следов погребения. А.Н. Глухов (псевдоним Л.Н. Глушкова) исследовал впускные этнографические погребения в насыпях больших курганов. Также в этот год С.И. Руденко изучил два каменных круга на реке Балыктуюль, два афанасьевских кургана в урочище Арагол и две оградки на левом берегу реки Большой Улаган в урочище Мешейлык [Руденко С.И., 1926; 1953; Гаврилова А.А., 1965, с. 6].

В 1929 году Алтайской экспедицией под руководством С.И. Руденко было вскрыто еще четыре афанасьевских кургана и три кургана скифского времени в Араголе, два афанасьевских кургана на р. Балыктуюль. Также были раскопаны две каменные насыпи без погребений и ям на Пазырыкском могильнике. Главным же итогом раскопок этого года стало исследование Первого пазырыкского кургана, проведенное М.П. Грязновым [Грязнов М.П., 1950; Руденко С.И., 1953, с. 41]. В связи с последовавшими известными событиями в стране и военным временем, полевые работы здесь прекратились почти на два десятилетия.

Наиболее масштабные работы в Улаганском районе в целом и на Пазырыкском могильнике в частности, были проведены в послевоенные 1947-1949 гг. [Руденко С.И., 1953]. В 1947 году начаты раскопки кургана 2, однако завершить исследование кургана за один сезон не удалось. В 1948 году завершено изучение кургана 2 и раскопаны курганы 3 и 4. В 1949 году раскопаны большой курган 5 и курганы 6, 7 и 8. В 1948 году в работах экспедиции принимал участие Л.Н. Гумилев, обследовавший раннесредневековые памятники в долинах рек Большой Улаган и Башкаус [Гумилев Л.Н., 1959, с. 108-110, 112].

В 1967 году С.С. Сорокин произвел раскопки четырех объектов (13, 21, 23 и 24) на Пазырыкском могильнике. Были исследованы два кургана гунно-сарматского времени и два ритуальных кургана, в одном из которых находилось погребение лошади с железными удилами [Сорокин С.С., 1977; Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадолов Л.С., 2018]. Также в этот год производились работы на могильнике Усть-Балыктуюль (Балыктуюльский могильник, Балыктуюльское могильное поле). Был снят план памятника и раскопаны четыре объекта: два кургана гунно-сарматского времени (курганы 225 и 227), каменная насыпь без погребения (курган 160) и поминальное кольцо (объект 548). Опубликованы лишь результаты исследований курганов гунно-сарматского времени [Сорокин С.С., 1977]. Информация обо всех раскопанных объектах, а также описание состояния больших раскопанных курганов на Пазырыке содержится в полевом отчете, хранящемся в научно-отраслевом архиве ИА РАН [ИА РАН, Р-1, №3536].

В 1968 году улаганский краевед В.Ф. Чумакаев открыл несколько местонахождений петроглифов в долине реки Большой Улаган. Позднее информация об этих памятниках бы-

ла опубликована вместе с археологом С.С. Сорокиным [Сорокин С.С., Чумакаев В.Ф., 1971]. Кроме того, В.Ф. Чумакаев собирал сведения и о других памятниках древности у с. Балыктуюль. Так, в частности, он указал В.Д. Кубареву на местонахождения каменных изваяний [Кубарев В.Д., 1984].

Со второй половины 1970-х гг. работы в этом районе заметно активизировались. Так, в 1977 году у села Балыктуюль Н.М. Зиняковым были раскопаны четыре сыродутные печи, по мнению автора раскопок, являющиеся одними из самых ранних железоплавильных печей Алтая [Зиняков Н.М., 1978, с. 231]. В 1978 году С.С. Зяблицкий обнаружил разрушающееся поселение на правом берегу реки Балыктуюль. В 1979 году разведочным отрядом АлтГУ был произведен осмотр поселения и сбор подъемного материала, позволившего отнести памятник к эпохе ранней бронзы. Также этим отрядом был зафиксирован ряд археологических памятников в окрестностях с. Балыктуюль [Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д., 1980; НА ИА РАН, Р-1, №7797]. В 1980 году экспедицией АлтГУ были произведены раскопки на поселении Балыктуюль [Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982; Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф., 2014, с. 36]. Также в 1978 году разведочные работы, направленные на поиск и фиксацию древнетюркских изваяний у села Улаган, проведены под руководством В.Д. Кубарева. Исследователем были изучены изваяния в балыктуюльском музее, происходящие из сборов у села [Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М., 1979, с. 239].

В 1980 году на Пазырыкском могильнике проводил разведочные работы Л.С. Марсадолов, обследовавший шупом северо-восточную часть периферии кургана на предмет выявления задернованных каменных конструкций. Также был зафиксирован ряд могильников, местонахождений петроглифов и каменное изваяние в окрестностях сел Улаган и Балыктуюль [Марсадолов Л.С., 1981, с. 196; НА ИА РАН, Р-1, №10192].

В 1981 году в Улаганском районе начал работать Алтайский отряд Южносибирской экспедиции Кемеровского госуниверситета под руководством А.С. Васютина. Главной целью работ было изучение раннесредневековых поминальных оградок. В 1981 году в ходе работ у с. Балыктуюль обследованы могильники с поминальными оградками и зафиксировано местонахождение петроглифов в местности Дялбак [Васютин А.С., 1983].

В 1982 г. археологическим отрядом Горно-Алтайского областного краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина) под руководством В.А. Кочеева проведены разведки по рекам Большой Улаган и Чулышман. В ходе исследований был обнаружен ряд могильников, петроглифических местонахождений и оросительных каналов [Суразаков А.С., 1983, с. 165; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 17, 21; Вдовина Т.А., 2007, с. 145].

В 1985, 1987 и 1988 годах на Пазырыкском могильнике проведены полевые работы А.М. Илюшиным. Тогда был снят план памятника и произведены раскопки не менее полутора десятков объектов. Кроме того, в урочище Сары-Кобы, находящемся выше Пазырыка по течению р. Большой Улаган, исследователь зафиксировал еще три могильника и провел там раскопки нескольких объектов [Илюшин А.М., 1987; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997].

В 1985 год Ю.Т. Мамадаковым в западной части Усть-Балыктуюльского могильника, обозначенной как могильник Усть-Балыктуюль-3, раскопаны четыре кургана гунно-сарматского времени [Мамадаков Ю.Т., 1985]. В рамках этих работ С.В. Цыбом также выполнен глазомерный план памятника, который был разделен на три группы.

С тех пор долгие годы значительных работ в долине не проводилось, за исключением незначительных ознакомительных работ [Бюллетень полевых исследований..., 2002]. Археологические исследования возобновились в 2017 году, с начала работ на Пазырыкском могильнике совместной археологической экспедиции ГАГУ и Государственного Эрмитажа [Константинов Н.А. и др., 2018]. В 2018 году работы экспедиции на Пазырыкском могильнике продолжились. Кроме раскопочных работ на Пазырыке, параллельно ведутся работы по обследованию памятников в среднем течении долины реки Большой Улаган. Также в 2018 году произведены раскопки железоплавильных печей на окраине села Балыктуюль совместной российско-японской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Университета Эхиме.

Методика аэрофотосъемки.

Аэрофотосъемка осуществлялась с помощью беспилотного воздушного судна самолетного типа Geoscan 201. Для получения трехмерной модели местности и дальнейшего картографирования памятников археологии использовалась технология цифровой фотограмметрии. Фотофиксация велась с помощью камеры Sony RX1. Разрешение камеры 24 Мп (6000x4000) при полноразмерной 35 мм матрице (35.8x23.8 мм) и объективом с фокусным расстоянием в 35мм. Площадь съемки составила 27,5 кв. км, на которой фиксировался перепад высот более 360 м. Для достижения разрешения не менее 10 см на пиксель необходимо было вести съемку с превышением в 300 м над самой высокой точкой рельефа в соответствии со стандартными расчетами для применения технологии цифровой фотограмметрии.

Территория съемки была разбита на две части для проведения двух полетов, не превышающих 120 минут каждый с условием перекрытия изображений в 50% по курсу полета и в 70% между галсами. Расстояние между галсами составило 150-160 м. Курс галсов ориентировался по рельефу. Всего при съемке было создано 3007 снимков, перекрытие между двумя частями съемки – 400 м.

Обработка данных проводилась в программном обеспечении Agisoft Photoscan. Для ускорения первого этапа обработки – выравнивания фотографий, – использовалась функция преселекции пар изображений по предварительной привязке центров фотографирования для каждого снимка. Координаты были получены из бортового навигационного ГНСС приемника.

Географическая привязка всей площади съемки в географическую систему координат осуществлялась с помощью пяти опорных точек – маркеров. Проверка точности фиксации осуществлялась с помощью ещё семи контрольных маркеров. Координаты контрольных точек были получены с помощью геодезических двухчастотных двухсистемных ГНСС приемников Topcon HiPer+ с использованием метода Precise Point Positioning [Войтенко А.В., 2011].

Для дальнейшей обработки вся площадь съемки с помощью программного сценария (скрипта) была поделена на отдельные квадраты со стороной в 1 км и перекрытием между квадратами в 1%. Всего было создано 28 блоков. Дальнейшая обработка производилась на максимально возможном качестве в пакетном режиме (автоматически для всех блоков в проекте). В результате построения плотных облаков точек были получены данные в размере около 350 млн. точек на один блок (1 км²). В связи с тем, что дальнейшая работа с облаками точек или трехмерными моделями такого размера может быть затруднена, на их основе были построены карты высот и ортофотопланы. Итоговые данные были экспортированы в формат GeoTiff.

Для дальнейшей обработки вся площадь съемки с помощью программного сценария (скрипта)² была поделена на отдельные квадраты со стороной, примерно, в 1км. И перекрытием между квадратами в 1%. Всего было создано 28 блоков. Дальнейшая обработка производилась на максимально возможном качестве в пакетном режиме (автоматически для всех блоков в проекте). В результате построения плотных облаков точек были получены данные в размере, около, 350 млн. точек на один блок (1 км²). В связи с тем, что дальнейшая работа с облаками точек или трехмерными моделями такого размера может быть затруднена, на их основе были построены карты высот и ортофотопланы. Итоговые данные были экспортированы в формате GeoTiff для дальнейшей работы с географическими информационными системами.

Топография и планиграфия археологических объектов.

Значительным отличием района исследований от других физико-географических провинций Алтая является наличие широких водораздельных пространств в сочетании с глубоко врезынными долинами [Маринин А.М., Самойлова С.Г., 1989, с. 95]. Этот район характерен довольно густыми насаждениями лиственницы, которым в большей степени подвержены северный склон долины и участки прилегающих к нему береговых террас. Низкие береговые

² http://wiki.agisoft.com/wiki/Split_in_chunks.py1

террасы имеют типичную сухую степную растительность. Такой тип растительности наблюдается на террасовидных уступах правобережных склонов долины реки Большой Улаган. Именно на этих участках наблюдаются значительные скопления разновременных археологических объектов. Самым значительным по количеству и концентрации древних и средневековых каменных сооружений является участок правого берега Большого Улагана выше устья р. Балыктуюль – так называемое Балыктуюльское могильное поле или могильник Усть-Балыктуюль [Сорокин С.С., 1977], который неоднократно обследовался разными исследователями. В этом месте каменные конструкции занимают все правобережье долины от берега до подошвы склона (рис. 3). Также археологические памятники располагаются на других участках долины: на береговых террасах; в логах, выходящих в долину; на пологих склонах; на террасовидных уступах склонов долины.

Курганы эпохи ранней бронзы в долине Большого Улагана раскапывались С.И. Руденко, М.П. Грязновым, В.С. Адриановым в 1924 и 1929 гг. на могильниках Арагол, Балыктуюль и Ян-Улаган [Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф., 2014, с. 35-36, 106, 107, 108]. В 1979-1980 гг. разведки в этом районе проводил М.Т. Абдулганеев, который также обследовал памятники эпохи ранней бронзы на правобережье реки Большой Улаган. Он зафиксировал курганы, внешне напоминающие афанасьевские, в районе урочища Арагол и ниже по течению реки [Абдулганеев М.Т., 2006]. Также во время этих работ были произведены аварийные раскопки афанасьевского поселения Балыктуюль, находящегося на окраине села, на левом берегу р. Балыктуюль [Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., 1982]. Зафиксированные могильники эпохи ранней бронзы, в отличие от большинства погребальных памятников более поздних периодов, располагались, как правило, не на широких просторных участках долины, а на относительно узких участках правобережья долины.

Курганные могильники скифского времени весьма многочисленны в среднем течении реки Большой Улаган. Цепочки курганов пазырыкской культуры распространены повсеместно на обоих берегах реки, как на низких береговых террасах, так и на более высоких террасах, возвышающихся над рекой. Объекты этого времени располагаются в цепочки, вытянутые, как правило, по линии север-юг, с отклонениями, обусловленными ориентировке на сезонные точки восхода и заката солнца (рис. 4). Также имеются цепочки курганов скифского времени, устроенные в линию параллельно течению реки. Крупные пазырыкские курганы составляют планиграфические центры памятников, вокруг которых устраивались объекты последующих периодов.

Довольно оригинальное топографическое расположение и планиграфию демонстрирует знаменитый Пазырыкский могильник. Урочище Пазырык представляет собой ложбину, состоящую из двух ступенчатых уступов, на которых располагаются каменные конструкции (рис. 5). К югу от уступов начинается довольно крутой спуск к пойме реки Большой Улаган. Пазырыкский могильник, таким образом, состоит из двух участков, выделяющихся топографически. Северная часть памятника, расположенная на краю вытянутого верхнего уступа – лога, состоит из четырех «царских» курганов пазырыкской культуры (курганы 1-4), составляющих условную цепочку, вытянутую примерно по линии юг–север. Крупные курганы в цепочке расположены условно «попарно»: курган 2 расположен вблизи кургана 1; курган 4 расположен вблизи кургана 3, на некотором удалении от первых двух курганов. Такое планиграфическое расположение не характерно для памятников скифского времени. К западу от больших курганов находятся ряды поминальных колец из вертикально вкопанных плит и ритуальных выкладок. К востоку от больших курганов фиксируются стоящие в ряд стелы (балбалы). У крайнего северного кургана 8, расположенного рядом с дорогой, зафиксирована небольшая цепочка каменных конструкций первой половины I тыс. н.э.

На нижнем уступе располагается еще один «царский» объект – курган 5, который является планиграфическим центром этой части памятника. С западной стороны объекта располагаются связанные с ним поминальные кольца и выкладки. К западу от кургана также имеются курганы меньших размеров и выкладки скифского времени, большая часть из которых раскопана в разные годы. С южной стороны кургана 5 прослеживаются ряды небольших каменных кладок – погребальные конструкции, относящиеся к постскифскому времени.

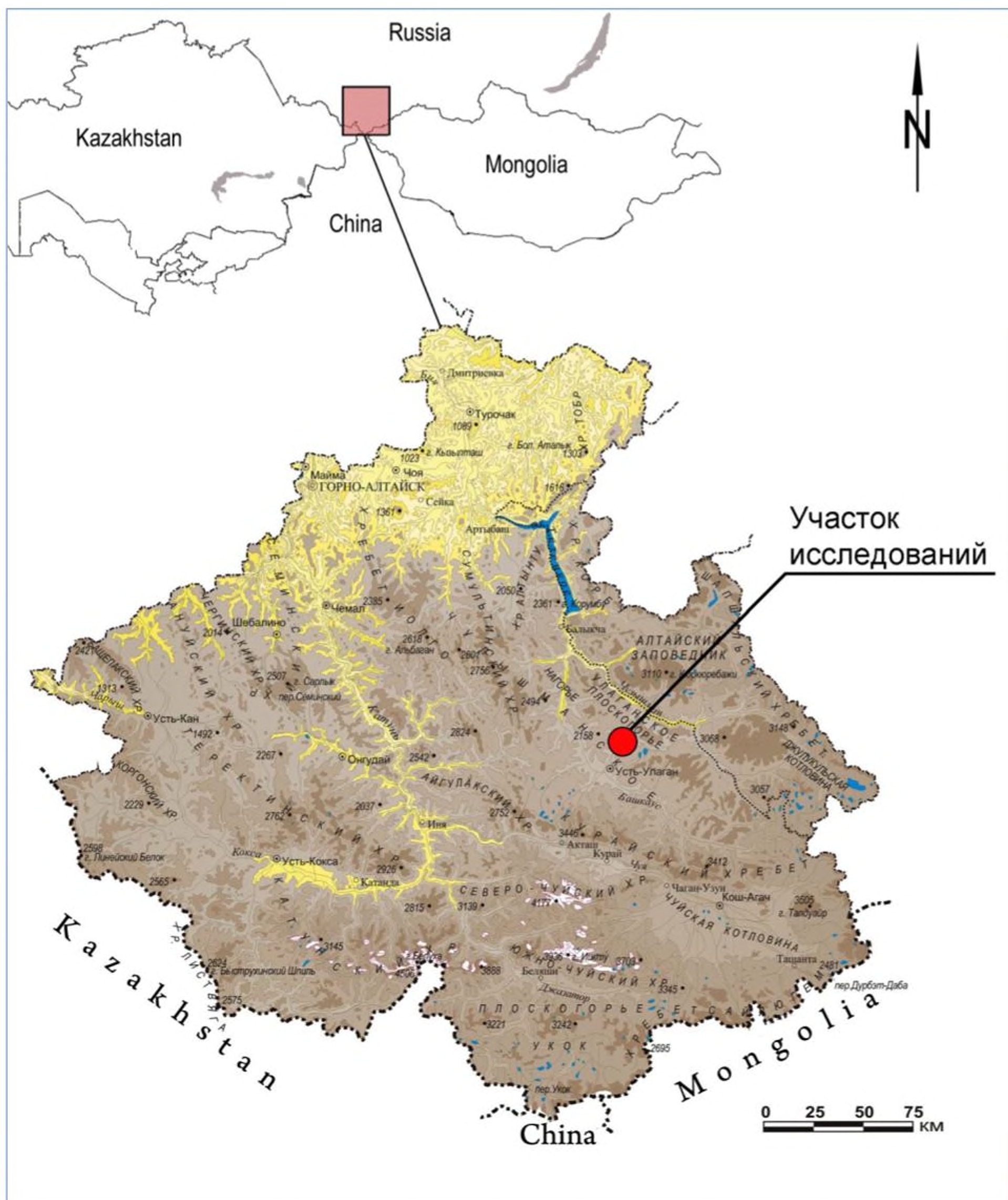

Рис. 1. Обследованный участок на карте Республики Алтай.

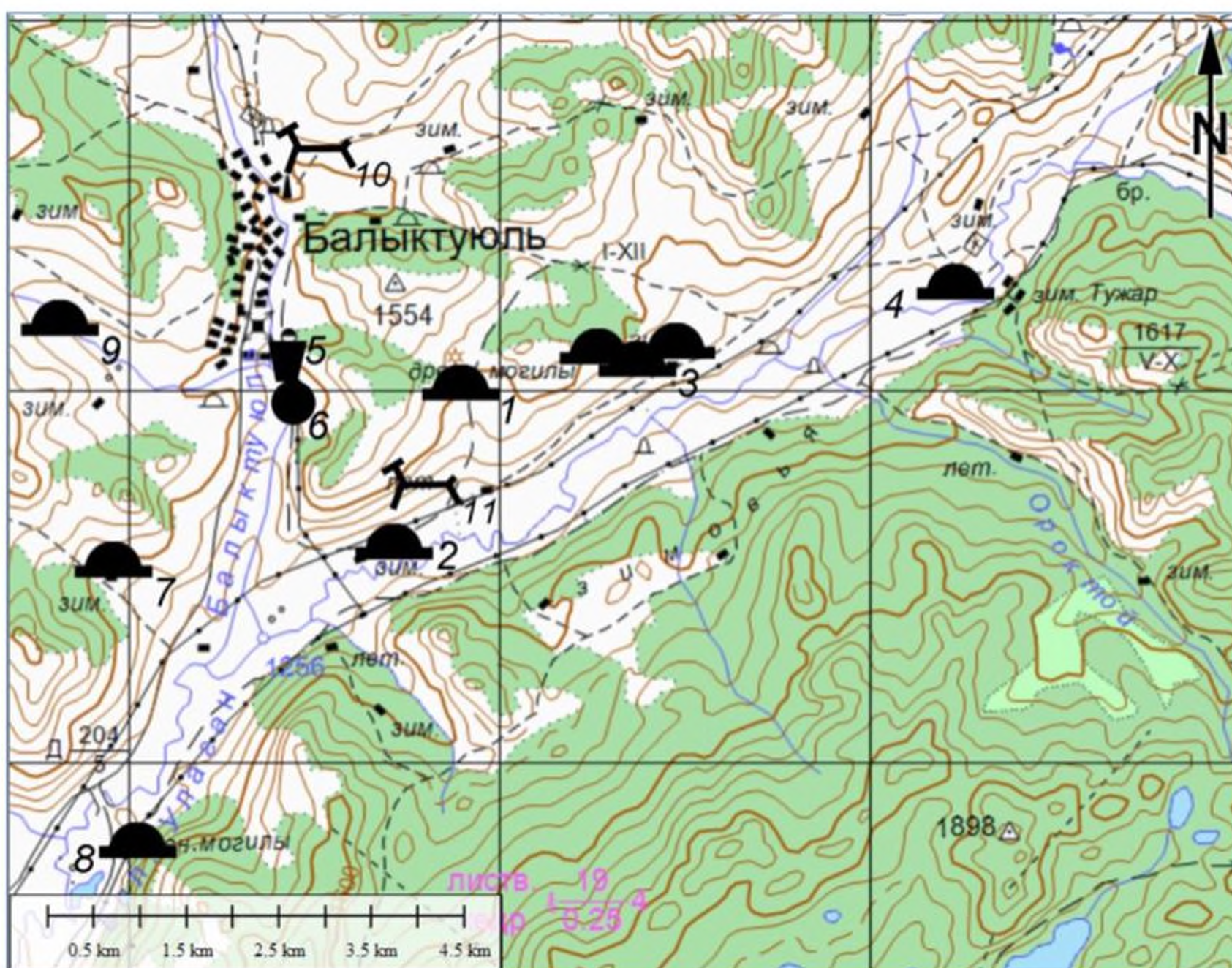

Рис. 2. Памятники в окрестностях села Балыктуюль. Могильники: 1 – Пазырык; 2 – Усть-Балыктуюль, 3 – Сары-Кобы-I-III, 4 – Тужар, 7 – Кыргызак, 8 – Мешейлык, 9 – Пак-Балык; петроглифы: 10 – Дялбак, 11 – Теле-Тыт; 5 – железоплавильные печи Балыктуюль; 6 – поселение Балыктуюль.

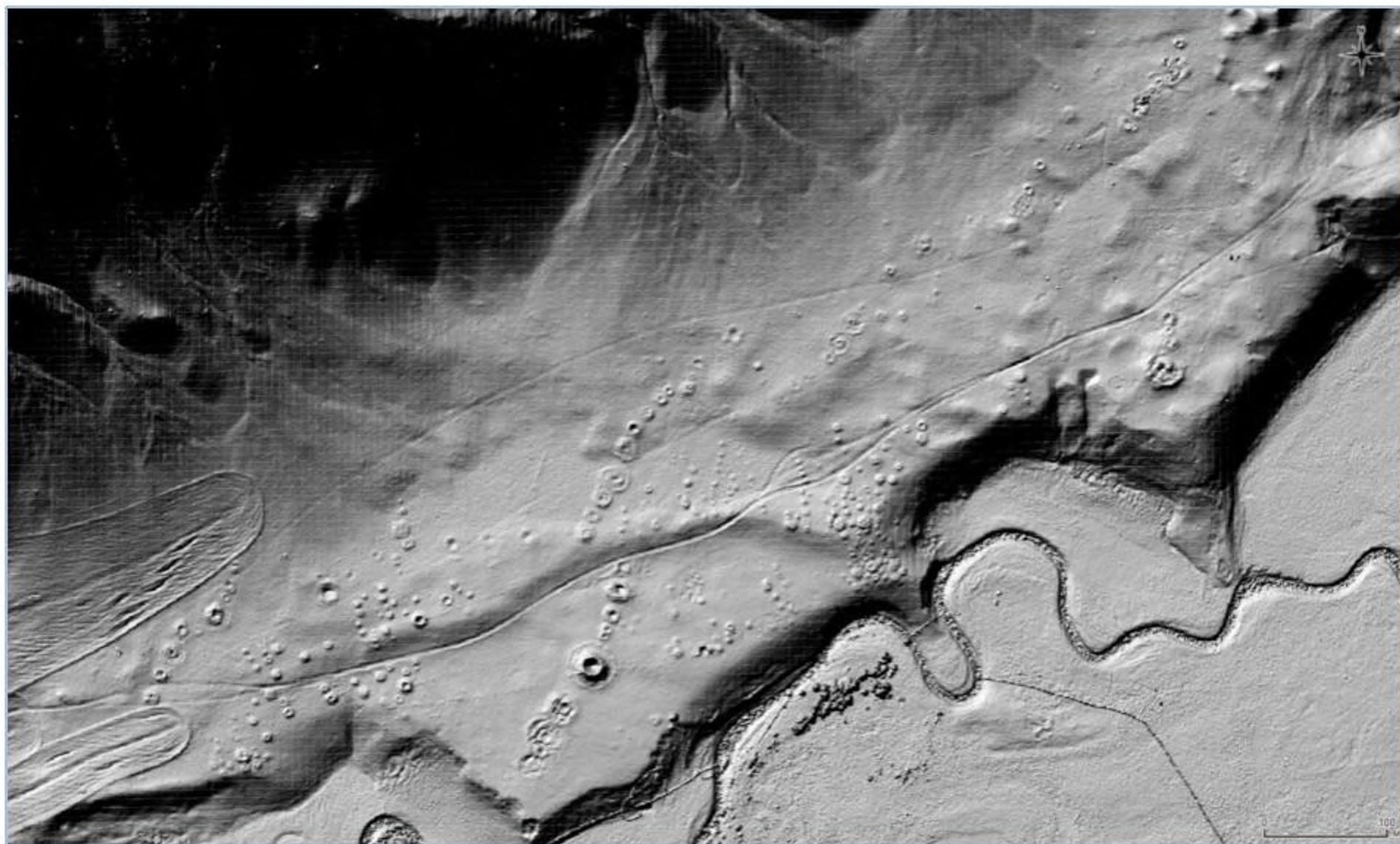

Рис. 3. Ортофотоплан участка долины реки Большой Улаган.

Рис. 4. Цепочка курганов раннего железного века.
Усть-Балыктуюльский могильник. Снимок с дрона.

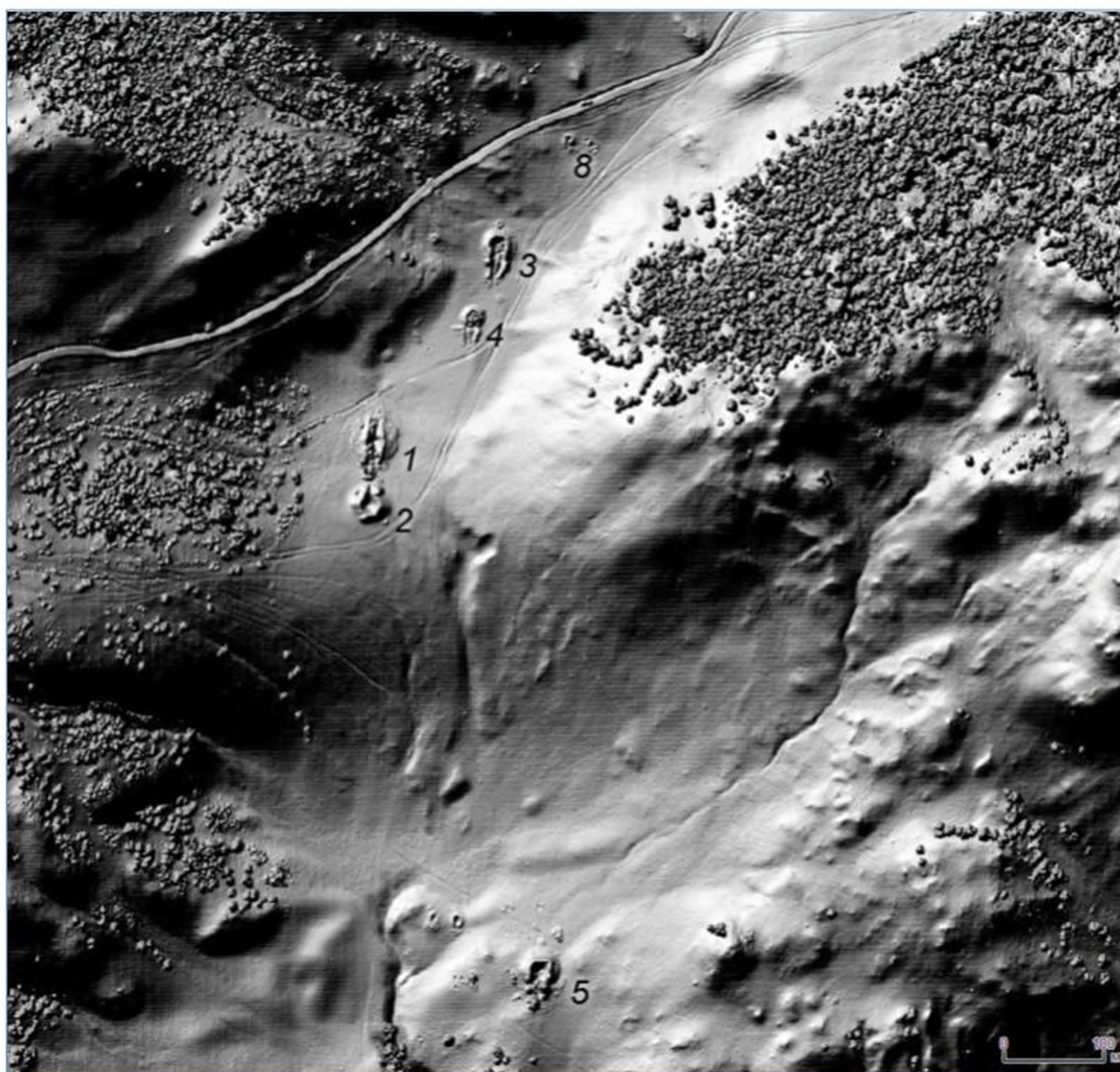

Рис. 5. Ортофотоплан Пазырыкского могильника.
Цифрами отмечены номера объектов.

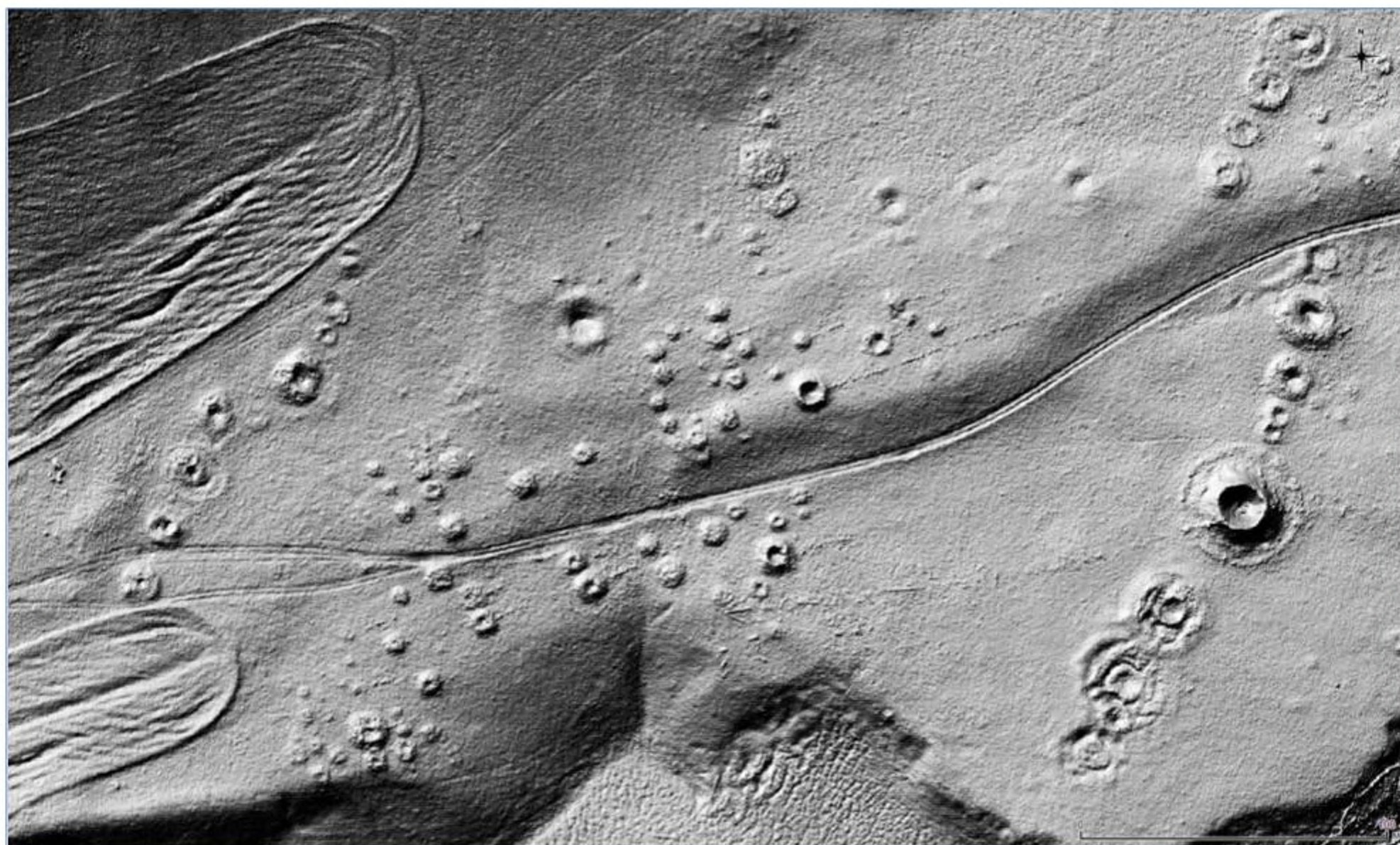

Рис. 6. Скопление раннесредневековых объектов между цепочек курганов скифского времени. Ортофотоплан восточной части Усть-Балыктуюльского могильника.

Рис. 7. Объекты эпохи раннего средневековья. Усть-Балыктуюльский могильник. Снимок с дрона.

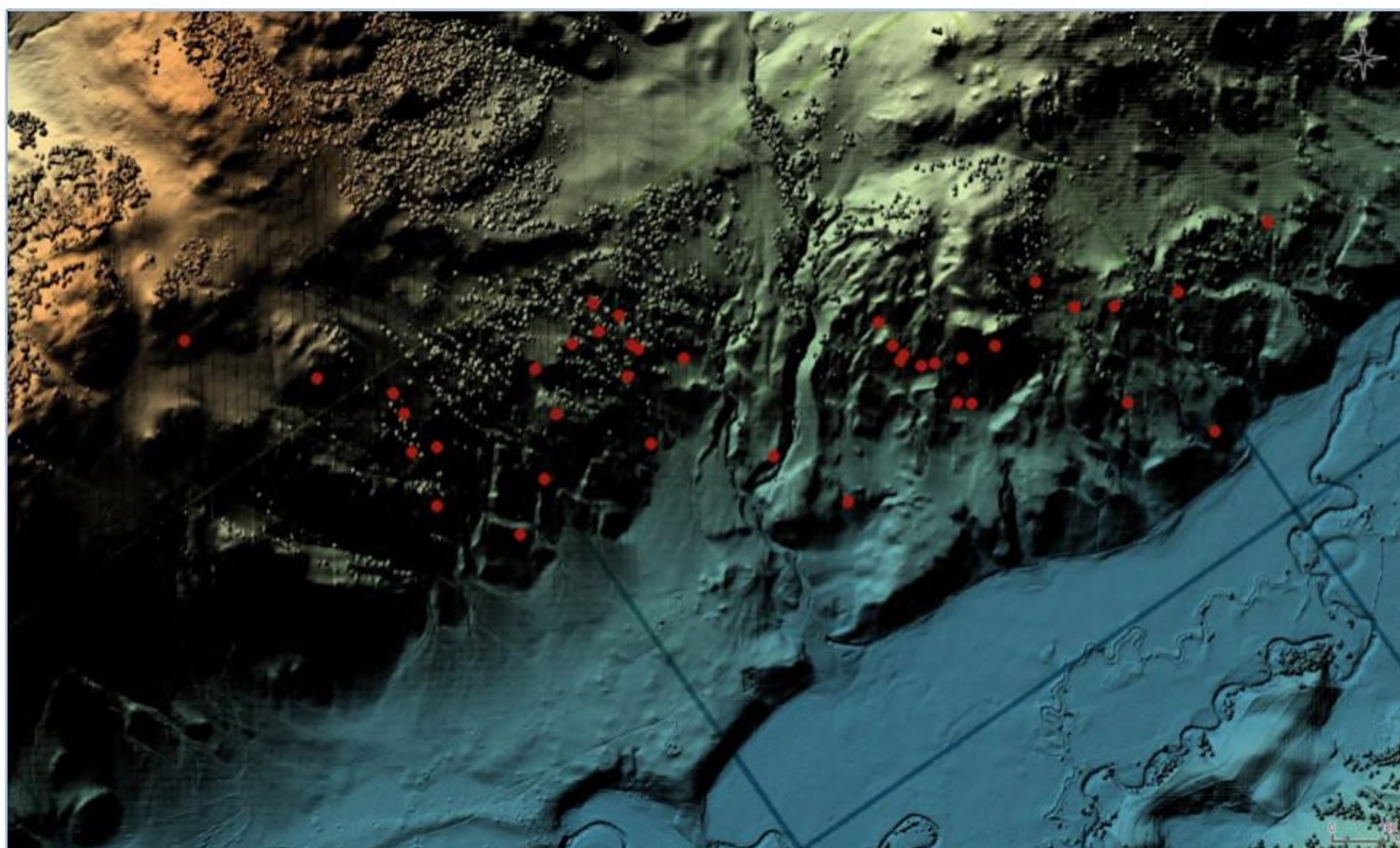

Рис. 8. Местонахождения петроглифов на склоне долины реки Большой Улаган между урочищами Сары-Кобы и Теле-Тыт.

Рис. 9. Выбитые изображения на валуне. Сары-Кобы.

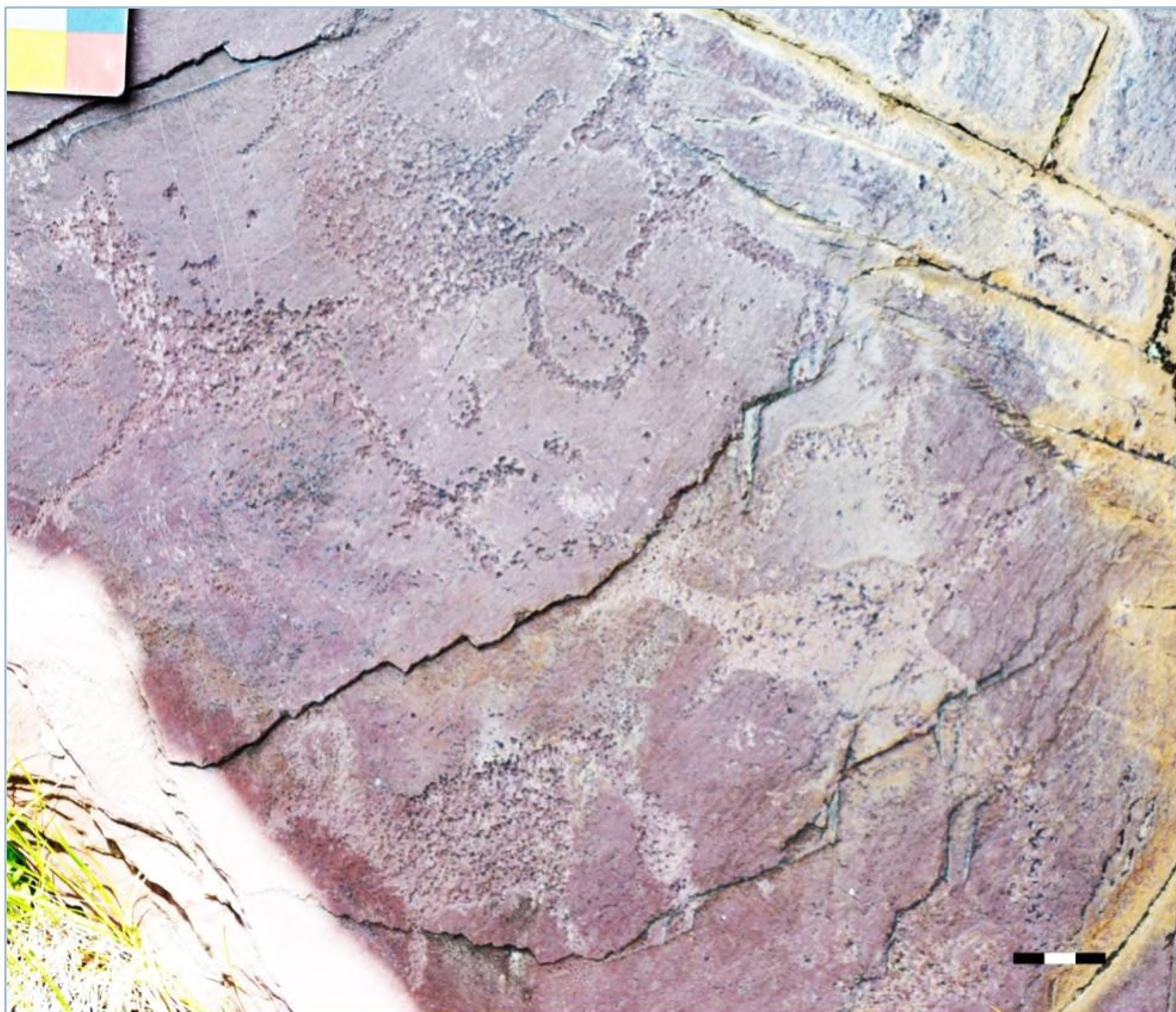

Рис. 10. Выбитые изображения на скальном выходе. Сары-Кобы.

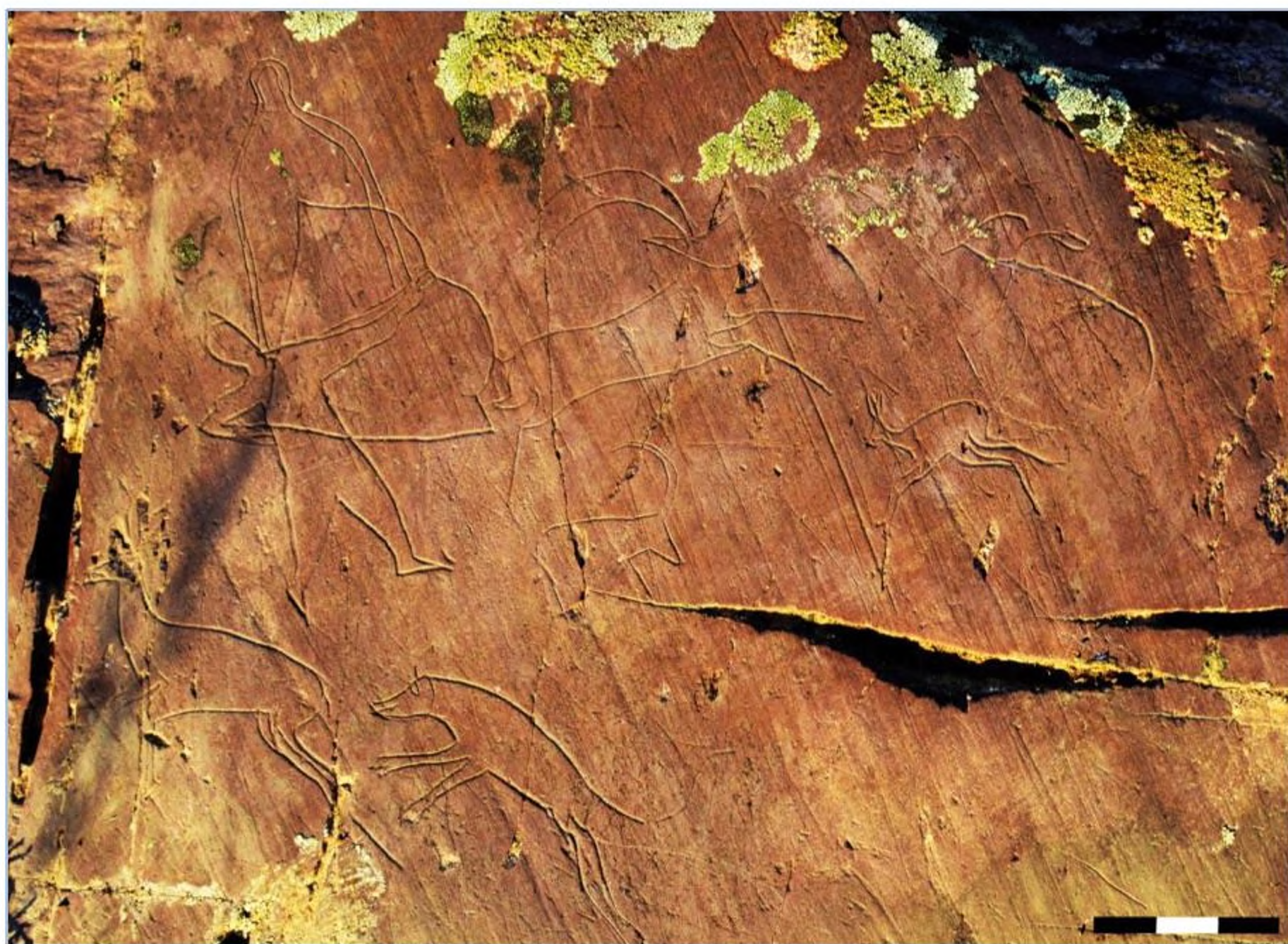

Рис. 11. Гравировки эпохи раннего средневековья. Дялбак.

Рис. 12. Выгравированная сцена боя эпохи раннего средневековья. Дялбак.

Таким образом, Пазырыкский могильник расположен в закрытом укромном урочище, огражденном довольно крутым склоном от долины, по которой изначально проходил основной путь. Поскольку на этом памятнике находятся крупнейшие курганы скифского времени Восточного Алтая, можно предположить, что в скифское время для умерших представителей высшей знати этого района предпочитали устраивать гробницы в укромном месте. Другие погребальные памятники этого периода, имеющие курганы меньших размеров, как правило, расположены на открытой местности.

Объекты предтюркского периода могильника Усть-Балыктуюль, раскопанные в 1967 году С.С. Сорокиным [1977, с. 57], находились в восточной части памятника, к востоку от курганов скифского времени, на близкой к берегу части террасы, то есть на значительном расстоянии от подножья склона долины. Судя по всему, в том же скоплении находились и раскопанные в 1985 году Ю.Т. Мамадаковым [1987, с. 259] курганы этого времени. Более ранние погребения, датирующиеся рубежом эр, раскапывались С.С. Сорокиным [1977, с. 65] вблизи большого Пятого пазырыкского кургана. Судя по всему, эти объекты находились с южной стороны Пятого кургана. Также погребения гунно-сарматского времени раскапывались на Пазырыке А.М. Илюшиным во второй половине 1980-х гг. [Илюшин А.М., 1987; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997].

Достаточно уверенно на памятниках выделяются объекты эпохи раннего средневековья. Несколько тюркских поминальных оградок раскопаны в разных пунктах по долине реки Большой Улаган – Пазырык, Мешейлык и Сары-Кобы [Гаврилова А.А., 1965, с. 6; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997]. Как правило, раннесредневековые объекты не образуют отдельных памятников, они устраивались рядом с крупными курганами скифского времени. Однако на Усть-Балыктуюльском могильнике прослеживаются значительные группы таких объектов. По данным С.С. Сорокина [1977, с. 57], здесь выделяются три значительных обособленных скопления квадратных оградок и округлых насыпей с рядами балбалов (рис. 6; 7). Объекты развитого и позднего средневековья, известные в этом районе, пока представлены лишь впускными погребениями.

Необходимо также отметить комплекс железоплавильных печей, расположенных на правом берегу р. Балыктуюль в 3 км выше устья. По мнению Н.М. Зинякова, первого исследователя этого памятника, печи являются одними из самых ранних на Алтае [Зиняков Н.М., 1978, с. 231]. Печи устроены на краю высокой террасы, недалеко от поселения афанасьевской культуры.

Отдельным направлением работ в среднем течении реки Большой Улаган стал поиск и фиксация памятников наскального искусства. На предмет наличия петроглифов был детально обследован участок правобережья долины от урочища Сары-Кобы до урочища Теле-Тыт (рис. 8). В этом месте наскальные рисунки, как правило, располагаются в верхней и средней части южного склона долины. Петроглифы находятся разрозненно, не образуя крупных скоплений. Они нанесены на небольшие скальные выходы и валуны. На названном участке зафиксирован 41 пункт с наскальными рисунками. Встречаются изображения, выполненные как выбивкой, так и прочерчиванием (рис. 9; 10). Датировка петроглифов различна и занимает широкий хронологический диапазон от эпохи бронзы до этнографического времени.

В местности Дялбак на правом берегу реки Балыктуюль, в 5,5 км к северу выше устья [Васютин А.С., 1987; Константинов Н.А., Урбушев А.У., 2018] располагается компактное местонахождение гравированных рисунков, расположенных в верхней части склона. Изображения, нанесенные на горизонтальные плиты девонского песчаника, относятся к раннему средневековью (рис. 11; 12). В этом местонахождении все рисунки выполнены техникой гравировки.

Заключение.

Таким образом, в долине реки Большой Улаган сосредоточено значительное количество разнотипных археологических памятников. Работы по фиксации и поиску древних и средневековых объектов в этом районе продолжаются. На сегодняшний день необходимо активизировать работы по поиску поселенческих комплексов, поскольку на данный момент зафик-

сировано только однослойное поселение афанасьевской культуры. Проведенная высокодетальная аэрофотосъемка может быть использована для решения целого ряда задач: создания и уточнения топографических планов археологических памятников, построения моделей микрорельефа поверхности археологических памятников, выявления и картографирования ранее неизвестных археологических объектов, а также послужить в дальнейшем основой для создания ГИС «Археологические памятники реки Большой Улаган».

Благодаря тому, что в долине Большого Улагана на сегодняшний день главным образом расположены пастбищные и сенокосные угодья, каких-либо значительных непосредственных антропогенных угроз сохранности памятникам не наблюдается. Существенной и реальной угрозой является неконтролируемое посещение туристами, направляющимися по популярному маршруту в долину реки Чулышман. Этому в первую очередь подвержен Пазырыкский могильник, на котором пока не создана необходимая инфраструктура, но он внесен во все экскурсионные программы в этом районе [Константинов Н.А., Степанова Е.В., 2018]. Сейчас эта проблема решается путем музеефикации территории памятника и создания условий для организованного показа пешим группам. В перспективе причиной разрушения объектов археологического наследия может стать размыв краев береговых террас, поскольку река постепенно меняет русло. Водной эрозии также подвержены железоплавильные печи Балыктуюль, разрушаемые в весенний период талыми водами, стекающими с горного склона.

Учитывая вовлеченность Пазырыкского могильника в туристическую деятельность, необходимо оформить его территорию в форме историко-культурного заповедника. Целесообразно включить в территорию заповедника и другие памятники, демонстрирующие основные типы древних и средневековых объектов и характерные археологические ландшафты горных долин Алтая. Таковыми памятниками могут быть Усть-Балыктуюльский могильник, железоплавильные печи Балыктуюль и поселение эпохи ранней бронзы Балыктуюль.

Библиографический список

Отчеты

1. Абдулганеев М.Т. Отчет о работе разведочного отряда Алтайского государственного университета в Улаганском и Кош-Агачском районах Горно-Алтайской автономной области в 1979 г., Онгудайском районе в 1980 г. НА ИА РАН, Р-1, №7797.
2. Васютин А.С. Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 году. НА ИА РАН, Р-1, №8571.
3. Илюшин А.М. Отчет о результатах раскопок на могильнике Пазырык в Улаганском районе Горно-Алтайской автономной области в 1985 году. НА ИА РАН, Р-1, №11408.
4. Илюшин А.М. Отчет о результатах раскопок на могильниках Пазырык, Сары-Коба I-II и разведок в бассейне реки Улаган Улаганского района Горно-Алтайской автономной области в 1987 году. НА ИА РАН, Р-1, №11940.
5. Илюшин А.М. Отчет о результатах раскопок на могильниках Сапогово в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области и Сары-Коба I-III, Пазырык в Улаганском районе Горно-Алтайской автономной области в 1988 году. НА ИА РАН, Р-1, №12835.
6. Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых работах в горном Алтае в 1985 г. НА ИА РАН, Р-1, №10704.
7. Марсадолов Л.С. Отчет о работе Горно-Алтайского отряда Алтайской археологической экспедиции в 1980 году. НА ИА РАН, Р-1, №10192.
8. Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской археологической экспедиции о работах, проведенных летом 1967. г. НА ИА РАН, Р-1, №3536.

Литература

9. Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катунь и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 4-19.

10. Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д. Разведки в Горном Алтае // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 184-185.
11. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадииков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1982. С. 52-57.
12. БВС Геоскан 201 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.geoscan.aero/ru/products/geoscan201/base> (дата обращения: 06.11.2018).
13. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III-VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
14. Бюллетень археологических исследований 2002 года в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 2002. 24 с.
15. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
16. Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в горном Алтае // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 192.
17. Войтенко А. В. Определение пространственных координат точек земной поверхности с использованием метода Precise point positioning и оценка точности полученных результатов // Автоматизированные технологии изысканий и проектирования. 2011. № 1. С. 71-74.
18. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
19. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: ГЭ, 1950. 92 с.
20. Гумилёв Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-туго // Советская археология. 1959. №1. С. 105-114.
21. Зиняков Н.М. Исследование памятников чёрной металлургии в Горном Алтае // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 231-232.
22. Илюшин А.М. Исследования в долине р. Чулышман // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 204.
23. Илюшин А.М. Исследования на Пазырыке // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 241-242.
24. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157-169.
25. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987-1988 гг. // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 93-103.
26. Константинов Н.А., Степанова Е.В., Музеефикация Пазырыкского могильника: задачи, этапы, проблемы // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина» / Отв. ред. Р.М. Еркинова. Горно-Алтайск, 2018. С. 47-50.
27. Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А., Шаблавина Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В. Работы на Пазырыкском могильнике в 2017 году // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Вып. 13: Материалы XIII международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 24-27 апреля 2018 года. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. С. 30-34.
28. Константинов Н.А., Урбушев А.У. Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 270-272.
29. Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. Раскопки могильника Межелик // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 109-132.
30. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
31. Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 212-213.

32. Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус. // Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 237-239.
33. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 124 с.
34. Мамадаков Ю.Т. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 259.
35. Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. Барнаул: БГПИ, 1987. 110 с.
36. Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 195-196.
37. Отчет императорской археологической комиссии за 1889 год. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1901. 191 с. 7 табл.
38. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.: АН СССР, 1953. 402 с. 120 табл.
39. Руденко С.И. Погребение человека каменного века в восточном Алтае // Природа. 1926. №5-6. С. 108-109.
40. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37-52.
41. Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадолов Л.С. Впускное захоронение монгольского времени из комплекса Пазырык (по материалам раскопок С.С. Сорокина в 1967 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №3. С. 96-107.
42. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: ГЭ, 1977. Вып. 18. С. 57-67.
43. Сорокин С.С., Чумакаев В.Ф. Наскальные изображения в районе Пазырыка // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1971. Вып. X. С. 140-146.
44. Суразаков А.С. О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском НИИИЯЛ // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 163-166.
45. Сценарий по разделению объема обработки на меньшие части, для программы Agisoft Photoscan [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wiki.agisoft.com/wiki/Split_in_chunks.py (дата обращения: 06.11.2018).
46. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860-1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 287 с.
47. Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей // Труды Московского археологического общества. М., 1883. Т. 9. Вып. 2, 3.
48. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Helsingfors, 1931. 48 p. 71 p. (abb.).
49. Pushkarev, A.A., Zaytceva, O.V., Vavulin, M.V., Skorobogatova, A.Y. 3D recording of a 19-century Ob river ship / A.A. Pushkarev, O.V. Zaytceva, M.V. Vavulin, A.Y. Skorobogatova // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2016. Vol. XLI-B5. P.377-381.
50. Sony RX1r professional compact camera with 35 mm sensor. Full Specifications and Features [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sony.com/electronics/cyber-shot-compact-cameras/dsc-rx1-rx1r/specifications> (дата обращения: 06.11.2018).

УДК 902/904

Оборин Юрий Владимирович

Независимый исследователь

660132, г. Красноярск, пр. 60 лет СССР, 45-285

oborin.yur@yandex.ru

ЖЕЛЕЗНЫЕ ТОПОРЫ "ХУННСКОГО ТИПА". (НОВЫЕ НАХОДКИ)

Аннотация. Цель настоящего сообщения – объединить и ввести в научный оборот новые материалы из сборов, сделанных в последние годы на территории Хакасско-Минусинской котловины. В работе представлены пятнадцать железных проушинных топоров рубежа эр.

Ключевые слова: железные топоры; хуннское время; Минусинская котловина; Средний Енисей.

Oborin Yury V.

Independent researcher

45-285, 60th Anniversary of the USSR Avenue, Krasnoyarsk, 660132, Russia

IRON AXES OF THE "XIONGNU TYPE". (NEW FINDS)

Abstract. The purpose of this report is to summarize and introduce into scientific circulation the new materials collected in recent years in the Khakassia-Minusinsk Hollow area. Fifteen iron axes which have been randomly found on the territory of the Krasnoyarsk Krai and Khakassia are described in this report. The finds date back to the II-I centuries B.C.

Keywords: iron axes; Xiongnu period; Minusinsk Hollow; middle areas of the Yenisei.

Эпоху, в которую развивалась тагарская культура, принято называть ранним железным веком. Однако железные изделия на городищах и курганах этого времени почти не представлены. Железные орудия на территории Южной Сибири появляются лишь на последних этапах тагарской культуры – сарагашенском, тесинском (IV-III вв. до н.э., II-I вв. до н.э.). Во многом это связано с обилием легкодоступных медных руд региона и высоким уровнем бронзолитейного производства, которое с лихвой удовлетворяло потребности местного населения.

Первоначально железные изделия копировали бронзовые образцы. Прослеживается преемственность форм от бронзовых орудий к железным, тем самым устанавливается местное происхождение этих предметов [Дэвлет М.А., 1966, с. 8]. Например, железные ножи с кольцевидным навершием, по форме повторяющие бронзовые, тоже можно сказать о железных кинжалах, долотах, удилах и т.д. Освоение железа привело к серьезным изменениям в тагарском и посттагарском обществах. Железные орудия прочно вошли в обиход сельского хозяйства, быта, охоты, вооружения и постепенно вытеснили бронзовый инвентарь.

Особняком в ряду ранних железных орудий стоят проушенные топоры так называемого "хуннского типа". Видимо, это название происходит не столько от принадлежности этих топоров к кругу хуннских орудий, сколько от времени их бытования. Это колунообразные железные топоры с проухом, краткое и емкое описание которых дал Л.Р. Кызласов – рубящий неширокий клин, к которому затем приварен проух из согнутой железной пластины. Бородки, как у современных топоров, не было [Кызласов Л.Р., 1960, с. 163].

Технологические особенности изготовления таких топоров выделяют их из общего ряда подобных изделий Южной Сибири. Кратко остановимся на конструктивных особенностях производства этих орудий. Первоначально выковывался клин, т.е. лезвие будущего топора. Далее отковывалась пластина, шириной равной ширине клина, которая сгибалась, образуя будущую проушину топора. На последнем этапе клин и пластина соединялись в одно целое посредством кузнечной сварки. Суть кузнечной сварки состоит в том, что при нагреве и деформации происходит сближение металлических поверхностей свариваемых предметов, между атомами кристаллических решеток которых начинают действовать мощные силы притяжения, происходит взаимопроникновение и "сваривание" поверхностных слоев. Необходимо обратить внимание на форму проушины, которая представляет собой усеченный эллипс. Такая проушина позволяет надежно закрепить топорище и препятствует его проворачиванию.

Впервые о находке подобного топора сообщается по результатам раскопок (в 1940-46 гг.) холма с развалинами Ташебинского дворца (I в. до н.э.) под г. Абаканом [Кызласов Л.Р., 1960, с. 163; Вадецкая Э.Б., 1992, с. 10]. Еще одиннадцать топоров "хуннского" типа были найдены в 1950 г. в составе Аскыровского вещевого клада у пос. Аскыровка Усть-Абаканского района Хакасии [Кызласов Л.Р., 1960, с. 163]. Три аналогичных топора найдены в составе Потрошиловского клада [Кызласов Л.Р., 2001, рис. 17, 19, 20]. Подобное орудие представлено в экспозиции Минусинского регионального краеведческого музея (инв. №7906).

В 2011 г. в пади Харасуг на правом берегу р. Уйбат в семи км северо-западнее аала Чарков Усть-Абаканского района Хакасии был найден клад бронзовых и железных вещей. Уйбатский клад уверенно датируется заключительным, тесинским этапом тагарской культуры и относится ко II-I вв. до н.э. [Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В., 2013, с. 126-136]. В составе этого клада был один целый топор и клин еще одного топора.

Два аналогичных топора найдены вместе с парой железных кинжалов в кладе, закопанном в насыпи кургана 1 могильника Бай-Даг-I (Республика Тыва), который был исследован Саянской экспедицией ИАЭТ СО РАН в полосе строительства железной дороги Курагино – Кызыл. Эти находки отнесены к хунно-сяньбийскому времени [Худяков Ю.С. и др., 2012, с. 208-210, рис. 2, 3].

За последние десять лет произошло значительное расширение источниковой базы, касающейся материалов из случайных сборов. Большую роль в этом сыграли новые технологии в области коммуникаций и цифровой фотографии, давшие возможность относительно полно выявлять появление новых находок в области археологии. Основной материал (метрические данные, район обнаружения и фотографии) получен автором в результате личных контактов с коллекционерами, а также в процессе мониторинга различных интернет ресурсов краеведческо-поисковой направленности.

Публикуемые ниже орудия относятся к категории случайных находок, собранных на территории южных районов Красноярского края и Республики Хакасия (рис. 1).

В 2011 г. в пади Харасуг при дообследовании места находки Уйбатского клада обнаружен тайник, в составе которого были топор (рис. 2 – 1) и тесловидное орудие. Длина топора составила 17,8 см. Предметы находились в земле на небольшой глубине в 20-ти м южнее от места обнаружения Уйбатского клада.

В 2011 г. в Сухобузимском районе Красноярского края на урочище д. Малый Балчуг при проведении земляных работ был найден топор (рис. 2 – 2). Длина топора 17,5 см, вес 844 гр. Находка передана в Сухобузимский районный музей.

Еще один топор был найден в 2012 г. на берегу оз. Большой Косоголь, в двух км южнее д. Косоголь в Ужурском районе Красноярского края (рис. 2 – 3). Длина топора составляет 17,3 см, вес – 843 гр.

В 2012 г. в окрестностях с. Камышта Аскизского района Хакасии был найден железный топор (рис. 2 – 4), длина 18,8 см.

В 2012 г. на западном берегу оз. Шира (Ширинский район, Республика Хакасия) найдены два топора хорошей сохранности (рис. 2 – 5). Длина первого топора – 20 см, второго – 18,6 см.

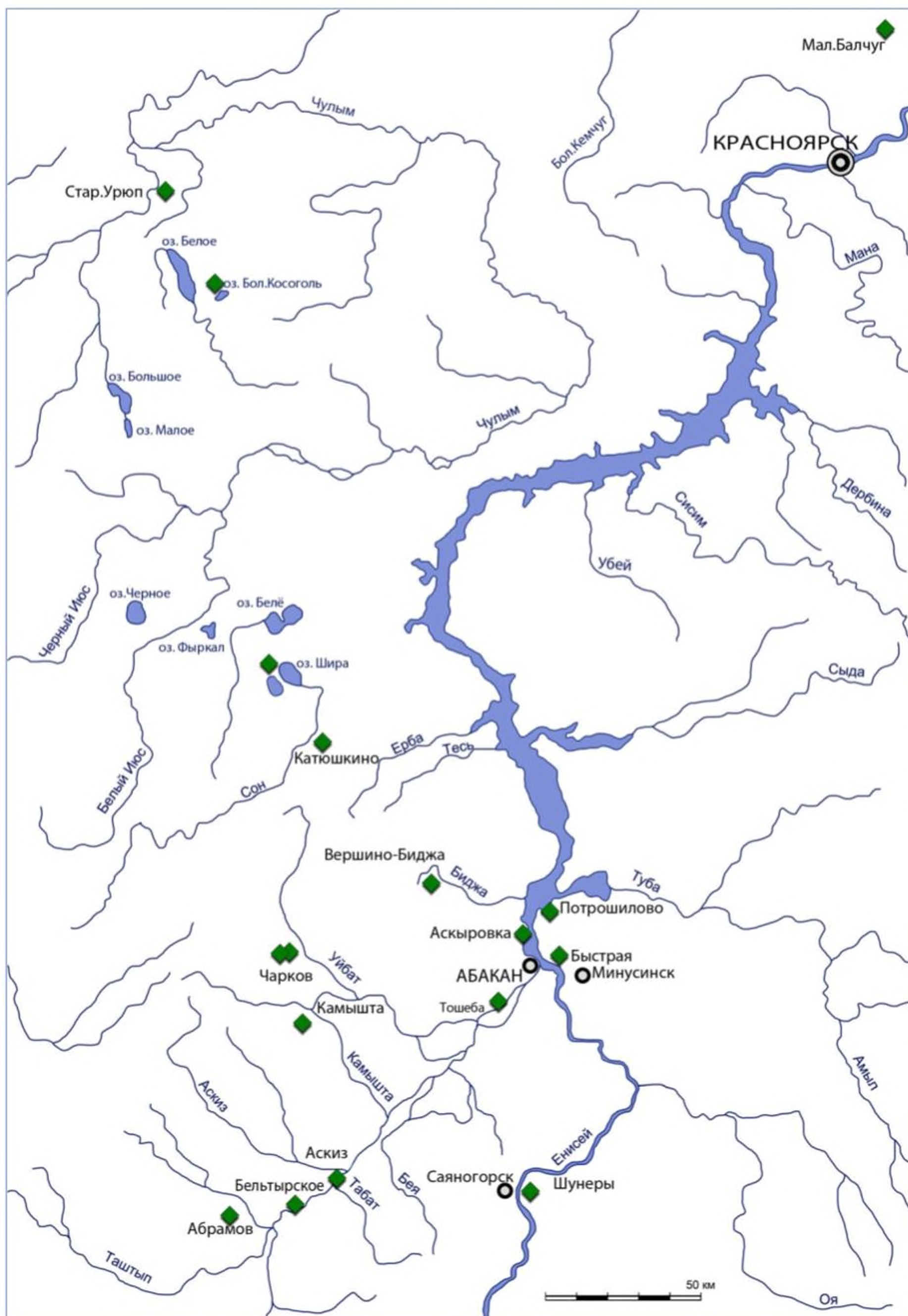

Рис. 1.
Карта южных районов Красноярского края и Хакасии. Места находок.

Рис. 2.

1 – падь Харасуг, аал Чарков; 2 – д. Малый Балчуг; 3 – оз. Большой Косоголь;
4 – с. Камышта; 5 – оз. Шира; 6 – д. Старый Урюп; 7 – д. Катюшкино.

Рис. 3.
1 – ст. Аскиз; 2 – аал Абрамов; 3 – д. Быстрая; 4 – д. Шунеры;
5 – д. Вершино-Биджа; 6 – с. Бельтырское.

Летом 2012 г. на краю пашни на правом берегу р. Урюп в двух км восточнее д. Старый Урюп в Ужурском районе Красноярского края был найден топор (рис. 2 – б). Длина топора 17,6 см, вес – 1050 гр.

В районе д. Катюшкино (Ширинский район Хакасии) осенью 2012 г. найден топор (рис. 2 – 7). Обстоятельства находки неизвестны. Длина топора 15,5 см, вес – 762 гр.

Осенью 2012 г. в двух км на юг от ст. Аскиз (Аскизский район Хакасии) местными жителями был обнаружен небольшой тайник, состоящий из двух топоров (рис. 3 – 1). Длина первого топора – 19,5 см, вес – 1310 гр., второй топор – длина 19,5 см, вес – 1013 гр.

В 2016 г. на р. Есь недалеко от аала Абрамов в Аскизском районе Хакасии найден железный топор (рис. 3 – 2). Его длина – 17,5 см.

В 2016 г. в окрестностях д. Быстрая Минусинского района Красноярского края во время сельхоз. работ был найден топор (рис. 3 – 3). Длина топора – 19,5 см, вес – 970 гр.

В 2017 в двух километрах южнее д. Шунеры Шушенского района Красноярского края на берегу р. Енисей был найден топор (рис. 3 – 4), длина – 18,5 см, вес – 880 гр.

В 2017 окрестностях д. Вершино-Биджа (Усть-Абаканский район Хакасии) был найден топор (рис. 3 – 5). Его длина составляет 14 см, вес – 460 гр.

В том же 2017 г. в районе села Бельтырское в Аскизском районе Хакасии местным жителем был найден железный топор (рис. 3 – 6). Его длина составляет 16,5 см. Из линейки представленных выше орудий этот топор выделяет слегка расширенное вниз лезвие.

Представленные топоры, видимо, имели локальное распространение на Среднем Енисее. Значительная часть находок топоров "хуннского" типа происходит из вещевых кладов или тайников, в составе которых представлены железные предметы как бытового назначения (заступы, пешни, удила), так и вооружения (наконечники копий, кинжалы).

Если не учитывать сильно корродированные экземпляры представленных топоров, то можно определить их средний размер: длина – 18 см, ширина – 5 см, вес – около 1 кг. Однако форма железных топоров не была статична; менялись размеры лезвия и проушины, иногда целенаправленно расковывался клин (рис. 3 – б). Все это приводило не только к возникновению новых форм, но и функций. Технология сварки проушины с рабочей частью инструмента была характерна еще для двух типов железных орудий – это заступы [Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В., 2013, рис. 12] и молоты [Кызласов Л.Р., 2001, рис. 13]. К сожалению, типология и хронология этих железных артефактов пока не разработаны.

В рамках более широких территориальных, хронологических и технологических параллелей можно отметить находки железных топоров из Прикамья [Руденко К.А., 2014, с. 55-56]. Однако при всей схожести технологии изготовления именьковских топоров щербетьского и тетюшского типов (V-VII вв.) есть и большое отличие – к заготовке клина приваривалась согнутая пластина, которая образовывала проух, второй конец этой пластины вытягивали до образования лезвия.

В заключении следует заметить, что описанные выше топоры "хуннского" типа можно рассматривать в качестве "узко датирующих" артефактов при обсуждении абсолютной и относительной хронологии для многих вещевых кладов хуннского времени Среднего Енисея [Бородовский А.П., Ларичев В.Е., 2013, с. 56], [Кунгурова Н.Ю., Оборин В.Ю., 2013, с. 126-136]. Крайнюю дату их бытования можно определить рубежом II-III вв.

Автор выражает глубокую благодарность за помощь Бородовскому А.П., а также всем, кто помогал в сборе материала для этой публикации.

Библиографический список

1. Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.
2. Вадецкая Э.Б. Стратиграфия холма с развалинами китайского дворца под г. Абаканом // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: КрасГУ, 1992. Том II. С. 8-11.

3. Дэвлет М.А. Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: АН СССР, 1966. 23 с.
4. Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2(54). С. 126-136.
5. Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: «Восточная литература». 2001. 176 с.
6. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.
7. Руденко К.А. Клад железных топоров с Тетюшского II городища в Татарстане эпохи раннего средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 1. С. 42-60.
8. Худяков Ю.С., Митько О.А., Борисенко А.Ю., Тетерин Ю.В. Клад железного оружия хуннского времени на могильнике Бай-Даг-1 (в долине реки Ээрбек в Тыве) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7. С. 206-212.

УДК 902/904

Кунгурова Наталья Юрьевна

Кандидат исторических наук

Директор ООО «Сибирская археологическая служба», Россия

656010, г. Барнаул, ул. 80-й Гв. Дивизии, д. 56, кв. 11

kungurova@mail.ru

ГОРОДИЩА БИИ И ВЕРХОВЬЕВ ОБИ

Аннотация. В статье публикуются материалы городищ и поселений I пол. I тыс. н.э., расположенных на р. Бия и в верховьях Оби. В научный оборот введены ранее не публиковавшиеся планы и характеристики поселений, подготовлен свод основных видов керамики, указаны точные датировки. Целью работы является определение особенностей культуры населения и временных рамок существования городищ, изменений их структуры. Поскольку систематизация материалов проводится впервые, представлены полные и общие сведения о планиграфии посёлков и орнаментальных традициях керамики.

Ключевые слова: городища; керамика; орнамент; одинцовский; фоминский этапы; датировка; комплекс.

Kungurova Natalia Urievna

The Candidate of Historical Sciences (PhD)

Head of the «Siberian Archaeological Service»

Russia 656010, Barnaul, 80 Guards Division St., 56-11

THE HILLFORTS ON THE RIVER BIYA AND UPPER OB

Abstract. The article publishes materials of hill-forts and settlements I half I thousand AD. They live along the banks of the river Biya and the upper Ob. Previously unpublished plans and characteristics of the settlements were introduced into the scientific circulation, a set of basic types of ceramics was prepared, exact dates were indicated. The purpose of the research is to identify the peculiarities of the culture of the ancient population and the timeframe for the existence of settlements, changes in their structure. Since the systematization of materials is now to take place for the first time, has given us complete and general information about the planigraphy of the settlements and the ornamental traditions of ceramics is presented.

Keywords: hill-forts; ceramics; ornament; Odintsovo; Fominsky stages; dating; complex.

Введение

Вдоль правобережной террасы реки Бия и верховий Оби распространены бийские городища начала I тыс. н.э., связанные с историей Великого переселения народов, со второй волной миграции самодийского кулайского населения со Средней Оби на юг Сибири. Они представляют собой взаимосвязанную цепочку такого вида памятников, растянувшуюся на 56 км, и насчитывающих около 40 укрепленных и неукрепленных поселений в составе 4-х групп, образующих своеобразную пограничную линию между лесостепными равнинными пространствами и горами Алтая. В горах и предгорьях Алтая и Салаира их нет. В территорию бийских городищ включаются: Бийская группа, Иткульская, чемровско – одинцовская,

енисейско-бехтемирская группы городищ и поселений, сообщающихся между собой артерией р. Бия Они являются продолжением большого комплекса городищ барнаульского Приобья и отделяются от них расстоянием более 150 км выше по Оби. Ниже устья Чемровки и городища Фоминское в 24 км находится одинцовское (VII – VIII вв. н.э.) городище Акутиха-1 (рис. 6 – 4). Целью данной публикации является ввод в научный оборот и обобщение материалов лишь по городищам, расположенным по реке Бии на участке правобережной территории между устьями правых притоков Бии – р. Чемровка в верховьях Оби и р. Бехтемир. Географически территория характеризуется как равнина Бие-Чумышского плато (Бийско-Барнаульская впадина), расположенная на стыке с Предалтайской равниной (рис. 1).

Физико-географическая область

Берега Бии практически полностью покрыты лесом до слияния с Катунью, прерываясь обводнёнными изгибами старого русла с характерным обрывистым обнажением Бийской террасы (IV). Сосновый бор занимает вторую – «боровую» и отчасти третью террасы (II, III). Ниже впадения р. Чемровка лес распространяется на обширных пространствах правобережья Оби шириной до 60 км, длиной около 100 км, образуя непроходимую тайгу с болотами и озёрами. В глубине террасы, в 30-34 км от русла р. Обь, на окраине этой тайги, находится озеро Иткуль, связанное с Обью руслами р. Уткуль и р. Чемровка. На Бие городища расположены на правобережной бийской второй «боровую» террасе, достигающей высоты от 12 м до 40 м. Терраса сложена мощными песчаными и суглинисто-песчаными аллювиальными отложениями позднего плейстоцена. Соответственно, рельеф формировался, и продолжает формироваться посредством эрозионно-аккумулятивной эоловой дефляции песчаного слоя, в результате которой образовались дюны и гряды растянутые в направлении восток – запад, довольно высокие в прибрежной линии. При этом рост таких барханов отмечается не повсеместно, и толщина наносов меняется, порой проявляя фрагменты культурных слоёв. Гряды сменяются эрозийными низинами в глубине террасы. Разница высотных колебаний поверхности их достигают 20-30 м в правобережье Бии. Такие особенности рельефа ландшафта использовались при устройстве городищ и образовали исторический ландшафт.

История исследования

На городищах по р. Бия раскопки не проводились, и материал для точного датирования не получен. При этом часть Бийских городищ-4, -7, Бийское городище-6 были разрушены техникой, и в отвалах появилась керамика. На месте установки опоры ЛЭП в примыкании к Городищу-4 обнаружено погребение, исследованное Б.Х. Кадиковым (БКМ) и предварительно датированное XII – XIII вв. н.э. по мелкому раздвоенному плоскому наконечнику стрелы. Погребение связали с безынварным Бийским городищем-3, предположительно датировав и его монгольским временем. Вблизи городищ-3, -5 находятся курганы (4 шт.) с небольшими округлыми насыпями (высотой до 0,3 – 0,5 м) с узкими ровиками по периметру. Многие годы (в 30 – 40-х гг., 60-х гг.) в береговых осыпях и в разрушениях около сёл Фоминское и Малоугренинское, в заречной части г. Бийска – Воробьёвке сотрудниками Бийского краеведческого музея (М.Д. Копытовым, С.М. Сергеевым, А.П. Марковым, Колокольниковым, позже Б.Х. Кадиковым) производились сборы керамики. Коллекция с Бийских городищ-7 и -8 собрана С.Ю. Исуповым с учащимися Бийского лицея в 90-х гг. С осыпью Городища-2 и в разрушениях под ЛЭП на Городище-4, на Городище-7 периодически нами поднималась керамика впоследствии переданная в БКМ. Около с. Енисейское многие поселения, в том числе поселения Енисейское-12–14 выявлены М.Б. Козликиным. За несколько лет в процессе мониторинга, проводимого НПЦ «Наследие» Алтайского края, мной были отсняты планы большинства городищ и поселений от р. Чемровки до р. Бехтемир и внесены в генплан г. Бийска и схемы территориального планирования Бийского района [Кунгурова Н.Ю., 1997; 1997а; 2010; 2011].

В научной литературе городища отнесены к одинцовскому и фоминскому этапам верхнеобской культуры. Однако однозначного определения их культурно-хронологической принадлежности нет, – существуют разные мнения. Исследователями принята схема периодизации и датировки этапов верхнеобской культуры, предложенная М.П. Грязновым [1956, с. 112] и изменённая в соответствии с накопленными материалами. Он полагал, что культура верхнеобских племён не представляла собой продукт местного развития и была принесена извне, с северо-запада, из среды древних угорских племён и является результатом широкого расселения в лесной и лесостепной полосе Сибири культурно-родственных племён [Там же, с. 140]. Т.Н. Троицкая сделала заключение, что фоминская группа памятников появилась в Верхнем Приобье в I – III вв. н.э. [1979, с. 47, 49] как результат второй волны продвижения населения со средней Оби носителей кулайской культуры. Это расселение охватило территорию правобережья р. Бия, на берегах которой были основаны городища с керамикой, орнаментированной в несколько изменённой кулайской (саровской) традиции с элементами фигурного рубчатого штампа и уплотнённой печатной гребёнки [Там же, с. 44]. Л.А. Чиндина, говоря о передвижении групп населения кулайского субстрата в пределах Сибири, указывает, что саровский культурный тип (с «уточкой») появляется на Средней Оби не ранее II века до н.э., дальнейшее его существование занимало период до IV в. н.э. Время фоминской культуры Ю.В. Ширин относит к рубежу II-III – IV вв., синхронно первому этапу таштыкской культуры (II – IV вв.) [2003, с. 114]. Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков, проведя анализ материалов поселений и могильников верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье, выделили этапы: первый – одинцовский этап верхнеобской культуры – V – VI вв., тимирязевский этап верхнеобской культуры – VII – нач. VIII в., юрт-абалыкский – втор. пол. VIII – IX вв. [Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 83]. При этом верхняя граница верхнеобской культуры – середина VIII в. н.э., позже третий этап также был отнесён к этой культуре, благодаря чему верхняя дата установлена на IX в. н.э. Истоки орнаментальной традиции верхнеобской керамики восходят к позднекулайскому этапу лесостепного варианта кулайской культуры [Там же, с. 66].

Исследованные некоторые городища Большого и Малого Иткуля были датированы и отнесены к фоминскому этапу [Абдулганеев М.Т., 1997; 2001]. Другие исследователи [Казakov А.А., Кунгуров А.Л., 1993, с. 229] рассматривают материалы бийских городищ в Верхнем Приобье как совмещение двух групп посуды, свидетельствующее о возможном варианте «взаимодействия двух различных, но родственных групп населения – кулайского и одинцовского». Выделены группы керамики и на иткульских городищах [Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., 1990, с. 107-108], и в результате они были датированы I – VII вв. н.э. и большей частью отнесены к одинцовскому времени. При этом группы керамики соотносились с типами городищ и их особенностями, но их планы не представлены. А.А. Казаков выделил «сошниковский» период как период одинцовской культуры, датировав его второй половиной IV – первой половиной V в. н.э. [1998, с. 195, 196], обосновав датировку в соответствии с полученными из поселения Сошниково-1 на озере Малый Иткуль радиоуглеродными датами (515±20 г. н.э., 310±25 г. н.э.) и таким образом удревнив нижнюю дату одинцовской культуры. При этом набор признаков для сошниковского этапа одинцовской культуры пока ограничен только раскопанным участком городища Сошниково-1 [Казakov А.А., 1998] и полученной из него керамикой, отличающейся от одинцовской и фоминской посуды. Сошниковская посуда – открытая не профилированная, край венчика не выделен, в отличие от одинцовской ближнеелбанской [Грязнов М.П., 1956, табл. XI]. Одинцовская посуда Новосибирского Приобья тоже имеет свои характерные особенности, отличающиеся от сошниковской выделенным профильным утолщённым венчиком с внутренним орнаментированным срезом и орнаментом [Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 2004, рис. 27-31] (рис. 11). В орнаментации сошниковской посуды из 12 образцов на пяти сосудах определяется повторяющийся элемент – пояс, выполненный двойными горизонтальными оттисками гребенчатого штампа, подчёркивающий основание орнаментальной композиции – наклонных оттисков тонкого длинного гребенчатого штампа, расположенных в «ёлочку» [Казakov А.А., 1998, рис.7 – 1,2; рис. 8 – 3-5] (рис. 10).

Надо сказать, что элемент подчёркивающего или разделительного пояса с двойными горизонтальными оттисками встречается и на фоминской посуде БЕ – 7, мог. 25, мог. 35, мог. 6 [Ширин Ю.В., 2003, табл. VIII – 6; XII – 5; Грязнов М.П., 1956, табл. L – 2, 6, 7], и нигде среди опубликованной одинцовской не фигурирует. При этом авторы не рассматривают сошниковскую посуду как вариант фоминской, поскольку сошниковский этап остаётся не исследован.

Таким образом, постановка вопроса об отнесении сошниковского периода к одинцовской культуре с датировкой (конец IV – нач. V в.) поднимает вопросы в части особенностей фоминской орнаментации и её отличий от одинцовских тенденций. Переходный фоминско-одинцовский период практически не исследовался, а любой культурный пласт, в том числе сошниковского периода, подразумевает конкретную культурную среду, объединённую территорией и группой памятников. Принимая точку зрения А.А. Казакова о рамках датировки городища Сошниково-3, попытаюсь проанализировать особенности материалов городищ на Бие и в верховьях Оби. Известные с 30-х гг. и вновь выявленные во время разведок объекты были отсняты и систематизированы.

Бийские городища и поселения, и их структурные особенности

От устья р. Чемровка до устья р. Бехтемир в правобережье Бие-Оби протяжённостью 56 км насчитывается более 20 городищ и поселений (рис. 1) [Абдулганеев М.Т., 1997]. К этому участку относятся городища на левом берегу Бии: Воробьёвка (или 2-й км Смоленского тракта) и «7-й км Смоленского тракта». К зоне Бийской территории примыкает большая группа из более десятка Иткульских городищ и поселений, распространённых по р. Чемровка – Уткуль и на озере Иткуль, отстоящем от Оби на 30-34 км.

В 0,3 км по правобережью Оби чуть выше устья Чемровки на боровой террасе высотой 25 м находится *поселение Усть-Чемровка-4*. От него остался ряд из четырёх западин прямоугольно-овальной формы размерами 8x5-7 м, большей частью разрушенных берегом. Общая длина – 50 м [Кунгурова Н.Ю., 2011] (рис. 4 – 2).

Городище Фоминское. Представляет собой центральное укреплённое городище и внешний неукреплённый посёлок (рис. 4 – 1). Всего насчитывается 38 западин [Кунгурова Н.Ю., 1997]. Городище овальной формы с двенадцатью западинами вдоль длинных стен по 6 штук у каждой, размерами 8x12 м – 10x13 м обнесено укреплением – рвом и внешним валом с входом с запада. Размеры укреплённой части 77x58 м. Ров шириной 2 м, глубиной 0,8 м, вал шириной 3-4 м, высотой 0,5-0,8 м. По центральной оси расположены подковообразный и круглый ровики шириной 1 м, окружающие круглые холмики диаметром 3 м. В конструкции входа находится ровик шириной 2 м, пересекающий вал и ров городища. Городище дополнено внешними западинами, состоящими из ряда в 9 западин и двух групп: из пяти и двенадцати западин. Длина ряда – 125 м. Последняя группа выстроена в форме прямоугольника. Среди западин отмечены ровики (8 шт.): подковообразные с внутренним уступом и овальные, диаметром или длиной до 10 м. Общая длина посёлка – 250 м, ширина – 90 м. В разрушениях берега обнаружена керамика.

Также имеются сборы с дюн материалов, сделанные в 1918 г., 1924 г., 1926 г. (БКМ, кол. № 4263, № 50), включающие предметы и керамику, орнаментированную гребенчатым штампом с мотивом «ёлочка», наклонные ряды, «уточка», полулунные вдавления. Возможно, к этому комплексу городищ относилось *кладбище* с трупосожжениями, название которого М.П. Грязнов дал фоминскому этапу верхнеобской культуры [Грязнов М.П., 1956, с. 126]. Место его расположения, как и дюн, в районе с. Фоминского не уточнено.

В 5,5 км выше Фоминского городища на террасе Оби высотой до 20 м расположено городище *Одинцовка-2* вначале (в 1985 г.) принятое за поселение.

Поселение (городище) Одинцовское-2 состояло из 15-16 западин в двух рядах, длиной 140 м, обнесённых по северному склону гряды эскарпом (Кунгурова Н.Ю., 2011) (рис. 4 – 3). Эскарп выполнен особым способом: вместо обводной ступени, на склоне под каждым жилищем – ниже их на 1,5-2 м были сделаны шесть последовательных выемок длиной до 5-8 м

шириной 1-1,5 м с вертикальным срезом внутренней стенки – каждая. Ров не сохранился, один ряд западин снесён при строительстве автодороги. Западины жилищ ориентированы вдоль гряды и террасы, их размеры 12х9-10 м.

Одинцовское городище-1 находилось на повороте боровой террасы, огибавшей низинную пойму. На городище действовал песчаный карьер, а затем в результате строительства городище было полностью снесено. Судя по зафиксированным в начале 80-х гг. остаткам, городище имело овальную форму с западинами, окружено рвом и валом. Из него, названного как объект «Одинцовская дюна» в 1939 г., была получена коллекция керамики (Кол. № 185, № 869 БКМ) (рис. 4 – 4; 9 – 3).

Погребение, исследованное в 1930 г. С.М. Сергеевым и М.Д. Копытовым, по названию которого дано было наименование одинцовского этапа верхнеобской культуры [Грязнов М.П., 1956, с. 109], не было документировано и место не известно. Выведение стереотипов культуры затем проводилось на основе материалов погребений Ближних Елбанов (БЕ-12, БЕ-14) (рис. 10).

Выше, в 12 км по реке от Одинцовского городища-1, находится группа именно *Бийских городищ-1–8* (далее по тексту – *Городища-1–8*), которые занимают высокую бортовую террасу протяжённостью в 3,5 км. Городища имеют одинаковую структуру: форму укреплений, ров и вал, форму жилищных западин. Городища-1 и -6 – в настоящее время полностью уничтожены, часть *Городищ-7* и -4 разрушена. На всех городищах, кроме пятого и восьмого, имеются участки разрушений, где была собрана одинаковая в типовом отношении керамика.

Бийские городища-7 и -8 занимают мысообразный выступ высокой боровой террасы – полуостров, окружённый с трёх сторон руслом реки и старичной заводью, занятой отстойниками [Кунгурова Н.Ю., 1997]. Городища представляют собой группы жилищных западин с укрепленными центрами и пристроенными к ним жилищами (рис. 3 – 3). Укреплённая часть *Городища-7* овальной формы, окружена двойным рвом. Размеры 82х65 м. Внутри неё – 16 западин прямоугольно-овальной формы размерами 7-9х6 м по 6 шт. на каждой стороне и мелкие западины, из которых 3 ямы (1х1 м) – вдоль восточной стороны (остальные – срыты). На соседней гриве располагается ряд из шести аналогичных западин – общей длиной – 75 м, расположенный параллельно рядам западин в укрепленной части. Береговая неукрепленная часть с жилищами, или, возможно, с ещё одним укреплением была снесена при устройстве котлована тира. В 70 м западнее располагается второе укрепленное *Городище-8*, обнесённое рвом. Жилищные западины устроены вдоль рва по 4 и 6 шт. на каждой, всего – 12 шт., занимают стороны подковообразного гривного возвышения так, что середина – ниже их на 1 м. Размеры укрепленной части 55х43-45 м. Западины размерами 6х5 м и 3х3 м расположены рядами, как и в городище 7, аналогичны по форме. За пределами укрепления прослеживаются западины. Они располагаются вдоль берега параллельно рядам в укрепленной части и нечётки. Один ряд заполняет понижение, продолжающееся от центра подковообразного возвышения в укрепленной части. Ещё две подквадратные западины 3х3 м находятся в 47 м к западу от рва. Северная часть и центр полуострова пусты. В осыпи берега собрана многочисленная керамика. Надо отметить, что в системе постройки жилищ вокруг более низкого участка эти городища близки между собой и городищам оз. Иткуль.

Выше по террасе р. Бия через заводь от этих городищ следуют такие же городища, занимающие участок свыше 2 км.

Городище-6 находилось в 200 м от полуострова с городищами -7 и -8 на западном окончании боровой террасы (высота – 40 м) на узкой гряде, ограниченной с трёх сторон крутыми высокими склонами. Городище включало ров и ряд из 6 западин, аналогично другим городищам. Оно было полностью разрушено карьером. Из разрушений происходят коллекции керамики (сборы 1964 – нач. 1970 гг. кол. №№ 185, 179), (рис. 7), частью опубликованные [Казаков А.А., Кунгуров А.Л., 1993].

Городище-5 расположено в 150 м от *Городища-6* на той же террасе, представляет собой укрепленное поселение овальной формы, окружённое рвом и внешним валом с 15-ю жилищными западинами (рис. 3 – 2). Ров шириной 3 м, вал шириной 3 м, на склоне эоловой гряды

имеет вид эскарпа (ступени). Размеры 75x50 м. Жилищные западины располагаются двумя рядами вдоль краёв берега и края гряды. В одном ряду – 7 западин, в другом – 5 шт., в центре – три мелких. Их размеры: 9-8x7 м, 8x8 м, 7x7 м, 4x4 м.

Городище-4 расположено в 70 м от городища 5 на той же террасе, представляет собой укрепленное поселение овальной формы, окружённое двумя рвами и двумя валами общей шириной – 8 м (рис. 2 – 2). Размеры городища – 70x50 м. С северо-восточной стороны, возможно, находилась неукрепленная часть поселения, поскольку при срытии этого участка при установке опоры ЛЭП-500 было снято большое количество керамики, а в 20 м обнаружено вышеупомянутое погребение человека. С этой же стороны зафиксированы остатки только одного рва. В городище находятся 10 западин прямоугольной формы, расположенные двумя рядами по 4 и 5 шт. Размеры западин – 8-9x7 м, 6x6 м, 4-5x5 м.

Городище-3 – самое крупное из всех, располагается в лесу на внутренней террасе с ложбиной в центре (рис. 3 – 1). Оно находится в 190 м к северу от городища-4. Городище овальной формы, окружено рвом и валом, с северной стороны по крутому склону проходит эскарп, выполненный по классическим правилам: врезана ступень с вертикальной внутренней стенкой. При обрушении стенки были выявлены остатки вертикальной столбовой опоры. Размеры городища: 130x95 м, ширина рва – 4 м. Жилищные западины в основном расположены в один ряд по северной – высокой стороне вдоль эскарпа – 12 шт. Они прямоугольной формы, глубиной до 0,8-1 м, размерами 8-9x5-6 м. Всего в городище 23 западины, они построены вокруг центральной низины глубиной 5-6 м. В разрушениях (лыжной трассы, дороги, осыпях) керамика не найдена.

Городище-2 (Радищева 10) находится в 360 м от городища 3 и в 560 м от городища 4, занимает крайний выступ общей боровой террасы, включает 5 западин, расположенных в один ряд (рис. 2 – 1). С западной стороны сохранился ров, другие стороны разрушены осыпью. Размеры городища – 85x40 м, размеры западин 7-9x5-6 м. В осыпи найдена керамика, ажурная кулайская бляха.

Поселение ул. Прибыткова состоит из пяти жилищных западин подквадратно-овальной формы, расположенных плотно в небольшой ландшафтной ложбине (до 30 см глубиной). Размеры западин 7,5x7,5 м, 9x9 м, 4x4 м (рис. 3 – 4). Датировка не известна.

Городище-1 находилось на той же террасе в окончании бора примерно в 0,3-0,4 км выше поселения ул. Прибыткова, разрушено постройками, не документировано – имеются только сведения.

Напротив Бийских городищ-2–4 к востоку от них на левом берегу р. Бия на второй боровой террасе (до 7-10 м высотой) расположено *городище «7-й км Смоленского тракта»*. Городище окружено рвом. С южной стороны виден вход, конструкция которого состояла из симметричных валов шириной до 2,5 м, окружавших западины. Жилищные западины внутри городища размещались рядами по три – под прямым углом. Они – прямоугольно-овальной формы размерами 9-10x9-10 м и три мелкие западины. Одна из них была внутри холмика, к ней примыкал мелкий фигурный валик. С юга к городищу прилегал ряд из четырёх аналогичных западин. Сохранившиеся размеры городища 45x45 м. Береговая часть городища разрушена при строительстве Смоленского тракта.

Место сборов керамики сотрудниками БКМ в 30 – 40-х гг. с разрушающегося городища указывается как «*Воробьёвка*» и ул. Кожзаводская в заречной (левобережной) части г. Бийска в 3 км выше предыдущего городища на той же боровой террасе. Место застроено, не исследовано.

Далее минуя застройку г. Бийска и обрыв IV Бийской террасы городища известны в 15 км от Бийского городища-1 выше по правому берегу р. Бия на выступе террасы, ограниченном руслом Бии и поймой древней заводи изгиба реки, заполненной родниками и протоками. *Городище Малоугренёвское* устроено на берегу заводи (Кунгурова Н.Ю., 2005, рис. 3 – 1) (рис. 6 – 2; 5 – 4). Южная его сторона была закрыта песчаной грядой высотой до 2-х м. Северная сторона окружена рвом. Внутри городища прослеживается 8 подквадратно-овальных западин размерами 6x6 м, расположенных хаотично и вдоль рва. Возможно, западная часть

городища была разрушена фермой и дорогой, южная часть со стороны возвышения гряды - карьером. Размеры 90x70 м. Материалы не известны. Коллекция керамики из городища «Малоугренёвское», собранная до 70-х гг. могла происходить из разрушений городища, названного «дюнной» стоянкой (Кол. № 873, № 869 БКМ). Не исключено, что коллекция получена при разработке указанного карьера. Часть керамики, хранящейся в БКМ как Малоугренёвская, происходила из боровой террасы, где находились поселения разных эпох, а также в районе Мокрого Яра (в 4-х км выше). Она отличается от керамики I пол. I тыс. н.э.

Поселение Енисейское-14 находится в 7 км выше по Бие от городища Малоугренёвского, исследовалось нами в 2008-2010 гг. [Кунгурова Н.Ю., 2011] (рис. 5 – 3). Состоит из 6 западин, образующих ряд, вытянутый вдоль кромки берега. С напольной стороны их ограничивает небольшой вал, сформированный выкидом. Речной обрыв высотой до 13 м осыпается вместе с жилищами. Длина поселения – 70 м, ширина – до 15 м. Западины подпрямоугольно-овальные, в центре двух имеется – бугорок. Размеры жилищ 10-12x9 м, 9x7 м. Материалы не известны.

Поселение Енисейское-12 находится на краю бора в 1,6 км от поселения Енисейское-14, состоит из 13 подпрямоугольных западин, распределённых в форме утюга [Кунгурова Н.Ю., 2010] (рис. 5 – 2). В центре поселения находятся ещё семь мелких западин (3x3 м). Западины размерами 8-9x7 м, 10x10 м – с выступом – бугорком в центре. В разрушении стенки одного из жилищ видна прокалённая почва. Размер поселения – 90x50 м. Поселение не датировано.

Жилищные западины поселений Енисейское-14 и Енисейское-12 близки между собой по форме и наличию бугорка в центре, имеют чёткую врезку ямы и контуров, что позволяет предположить их более поздний период, чем у западин поселения Енисейское-13 или Бийских городищ. Фрагменты керамики, найденные М.Б. Козликиным при обнаружении поселения Енисейское-12, близки по орнаменту фоминским (городище Фоминское), но не достаточны для полной интерпретации.

Поселение Енисейское-13 (рис. 5 – 1) находится на краю бора (ул. Центральная, дом ½) в 0,2 км от поселения Енисейское-12, состоит из четырёх западин, расположенных в ряд. Длина ряда – 45 м, по керамике из разрушений датируются перв. пол. I тыс. н.э. [Кунгурова Н.Ю., 2010].

В районе фермы и многослойного поселения *Енисейское-1* находилось кулайское поселение. В связи с тем, что поверхность его перепахана, западины могли быть уничтожены. При этом здесь найдена керамика и остатки культурного слоя кулайской культуры, датированного по остаткам угля 1-2 вв. до н.э.

От Енисейского-1 в 4 км вверх по течению реки на борту руслового изгиба боровой террасы до 12 м высотой располагается *городище Енисейское-17*, возвышающейся над древней обводняемой заводью р. Бия. Состоит из четырёх групп западин, сгруппированных на эоловых гривах по 11 (17/I), 8 (17/II), 5 (17/III) штук и одной крайней западины (17/IV) (рис. 6 – 1). Западины подпрямоугольной и квадратной формы (9x9 м, 8x8 м), размещаются хаотично. Лишь в группе 17/I они построены в прямоугольник, как на городище Фоминском. С Фоминским и с 7-м км Смоленского тракта, это поселение сближает наличие бугорка – выступа внутри жилищ, напоминающего площадку входа. В группе 17/II имеется дополнительный ровик. От рва сохранился лишь участок с западной стороны городища, но он в большей части разрушен дорогой. Керамика не найдена, но обнаружен железный втульчатый наконечник пещни I пол. I тыс. н.э.

Городище Бехтемирское находится в 5 км выше по Бие от городища Енисейское-17 в районе кладбища у с. Стан-Бехтемир, в 0,5 км к западу от села [Казаков А.А., Исупов С.Ю., 1990, с. 109]. Сборы керамики от 1929 г. обозначены как «Стан Бехтемир – дюна». Городище овальной формы длиной 73 м, шириной – 43 м, примыкает к краю боровой террасы р. Бия (план снят М.Т. Абдулганеевым). Окружено рвом глубиной до 0,5 м, шириной до 3 м, внутри его – овальные западины 11 шт. диаметром – 6-8 м, самое большое – в центре – диаметром 12 м глубиной 0,6 м. Жилища расположены плотно друг к другу, не образуют рядов. С восточной стороны в примыкании к городищу дюна разрушена дорогой, с запада – кладбищем, к нему примыкают западины детинца.

Енисейские городища растянуты на 3,7 км. Они с востока отделены от бехтемирского участка террасы древней заводью Бии шириной в 4 км.

Анализ структуры поселений

Таким образом, на участке Бии от устья Чемровка до р. Бехтемир выделяются группы Бийских городищ овальной формы с одинаковой структурой, характеризующиеся следующими условиями: расположением на высокой боровой террасе, одинаковыми размерами жилищных западин, устроенных рядами вдоль укрепленной линии. Укрепленная линия представляет собой ров и внешний вал, на склоне может быть эскарп. Аналогичные им: городище Одинцовское-1, Городища-1–4 Большого Иткуля. Городище Сошниково-3 с Малого Иткуля отличается от Бийских упрощенной структурой (огорожено рвом с входами, жилищные западины находятся в центре хаотично) [Казаков А.А., 1998, рис. 1].

Линейные городища: городище Одинцовское-2, поселения Усть-Чемровка-4, Енисейское-13 также могут быть близки первой группе, но их материалы не исследованы.

Городище Фоминское и городище 7-й км Смоленского тракта имеют близкое сходство с городищами первой группы, отличаются внутренним бугорком или уступом в жилище, фигурными валиками, выделенным в укрепительной линии входом. Они представляют собой более позднюю, чем остальные группу. С ними можно сравнить ещё более позднее – одинцовское городище Акутиха-1 (рис. 6 – 4). Эти городища устроены обособленно.

Городище Енисейское-17 отличается от группы Бийских городищ, но близко городищу Фоминскому наличием внутреннего бугорка – уступа в некоторых жилищах и прямоугольной планировкой групп жилищ. Городище также обособлено, но комплексное, включает четыре компактные группы на эоловых грядах.

Поселения Енисейское-12 и Енисейское-14 наиболее близки друг другу по строению жилищ с бугорком в центре и четкой врезке. Они аналогичны по строению жилищ с бугорком в центре городищу Акутиха-1, относимому к позднему периоду одинцовского этапа верхнеобской культуры [Очерки, 1994, с. 412-413].

Керамика

Из Бийских городищ получена керамика. Она однородна для всей группы Бийских городищ-2–8.

<i>Орнамент (количество)</i>	<i>Гор.4</i>	<i>Гор.6</i>	<i>Гор.7-8</i>	<i>Заречье</i>	<i>Малоуг.</i>	<i>Одинц.1</i>	<i>Фоминск.</i>
Уточка	6	8	6		4	1	
Псевдоуточка (искажен.)	6	2	2	1			
Ногтевой штамп	6	6	4		1		1
Скобчатый штамп		3	9	4			
Гребенчатый штамп:							
чуть скошен	3	14	5			2к 1	2
ёлочка	4	12	7				5
вертикальный (ср., к.)		6	9к	1к	1		3 1к
крупные оттиски	1	1					
зигзаг поперечный	1	2	2				
Гладкий штамп: (ср., к.)	1к	3	1к			1к	1к
Ямки наклонные	1			1зуб			
Ямки геометрические			1				
Ямки круглые	1	8	18	3		1	1
Защипы		2	2		1		

Горизонтальные оттиски	1	6	4	1			1
Мелкие оттиски зубч.		4	8				
Жемчужины		1					
	31	78	79	11	7	6	15

Венчики, форма	Гор.4	Гор.6	Гор.7-8	Заречье	Малоуг.	Одинц.	Фоминск.
Открытая или чуть скошена	21	42	24	5	5	3	3
С выделен. профилем:							
короткий	2	3	2		1		
средний	2		3	5		2	3
высокий		7	3		2		5

Самую типологически выдержанную группу керамики представляют Бийские городища-2–8. Для неё характерна открытая посуда: открытые горшки с прямыми стенками, высокие чаши, низкие чаши и мелкие питьевые сосуды. Венчики – прямые, немного отогнутые, чуть вогнутые внутрь. При этом толщина венчиков равномерна, либо утолщена горловина. Соотношение утолщений не ясно и не относится к видам орнаментации и формам посуды. Небольшая, примерно, третья-четвёртая часть – это сосуды с выделенной профилированной шейкой, переходящей в выпуклые бока. Высота шейки делится на короткую, среднюю, высокую.

Высокая шейка может достигать до пятой – шестой части высоты крупного сосуда, или половины мелкого. С помощью короткой шейки выделена верхняя часть – венчик. Сосуды с высокой шейкой сближают сосуды с профилем одинцовской керамики. Венчики у такой керамики, как правило, орнаментированы, либо украшены рядом ямок.

Среди керамики встречаются сосуды с очень тонкими (до 2-3 мм) стенкам. В среднем толщина стенок – 5-6 мм. Небольшое количество посуды имеет стенки толщиной 8 мм.

46% венчиков орнаментированы, остальные – без орнамента. Профили края венчиков: округлые и уплощённые. На уплощённых – виден небольшой внешний выступ, иногда – внутренний и внешний. Керамика – из плотного теста, хорошо обожжена, имеет оранжевый, либо серо-коричневый, иногда – чёрный цвет. В составе теста всех сосудов виден просеянный песок – кварц и слюда. Один сосуд – закрытая банка, украшен жемчужинами в сочетании с ямками и овальными скобами, встречающимися в другой керамике как основной элемент орнаментации. В его тесте не видно песка и слюды.

Орнамент. Для всех Бийских городищ характерен орнамент: уточка, либо псевдоуточка. Уточка наносилась рубчатым, либо гребенчатым фигурным штампом. К псевдоуточке относим орнамент «ломаная уточка», выполненный оттисками короткого прямого штампа. Псевдоуточка также может быть нанесена волнообразным орнаментиром, либо в виде оттисков изогнутых форм, только напоминающих уточку. В коллекциях Бийских городищ-4, 6–8 уточка участвует в 38,7%, 12,8%, 10%, от всей керамики, в Бийском городище-2 найдены фрагменты аналогичной керамики. По подсчётам Т.Н. Троицкой, уточка на кулайской керамике БЕ-VII, БЕ-IV I – II вв. н.э. составляет – 11,2%, ёлочка – 16-19% [Троицкая Т.Н., 1979, 42-44].

Ещё один распространённый вид орнаментации – скобчатый, и близкий ему ногтевидный штамп. Аналогичная манера такого орнамента, как из городища 7, встречена на сосуде из фоминского погребения-1 могильника Ирмень-2 [Ширин Ю.В., 2003, табл. XXXIX – 2]. Скобчатый орнамент – разного вида: мелкие полукруглые врезки, крупные овальные врезки, в форме полумесяца. Этот орнамент составляет 11,5%, 16,4%, 19%. Гребенчатый штамп – основной вид орнамента, представлен в 29%, 40-44% из общего числа орнаментов в керамике городищ. Гребенчатая орнаментация подразумевает ряды из оттисков чуть наклонного штампа и слагает конфигурацию «ёлочка», реже встречаются вертикально поставленные оттиски короткого гребенчатого, рубчатого, плоского штампов. На Бийских

городищах-7–8, 4 найдены фрагменты открытых сосудов, орнаментированные в одной манере: зигзагом в два ряда, либо ёлочкой, либо рядами наклонного, вертикального гребенчатого штампа. Они же украшены двумя рядами ямок, расположенных в шахматном порядке. Аналогичный сосуд найден в фоминском погребении № 6 из БЕ-7 [Ширин Ю.В., 2003, табл. VIII – 6]. Ряды зигзага украшали фоминский сосуд из поселения Казанково V/1 [Ширин Ю.В., 1999, с. 28, 29, рис. 4 – 7]. На 80-90 % керамики общий элемент орнаментации – ряд ямок. На открытых сосудах часто ямки не включены в орнаментальные пояса из оттисков гребенчатого орнамента или уточки. Ещё одна особенность орнаментации керамики из Бийских городищ – это горизонтальные оттиски гребенчатого штампа, составляющие горизонтальный пояс, разделяющий орнаментацию, либо, чаще всего, подчёркивающий основание орнаментального поля. Такой элемент орнаментации был на сосуде с высоким горлом из Городища-7. В Городищах-6 и 7–8 встречена серия открытых сосудов, орнаментированных одинаковым штампом в стиле «ёлочка» с нижним пояском из двойных горизонтальных оттисков этого штампа (рис. 7, 8). Также выделяется группа открытых сосудов, украшенных в том же сюжете: ёлочка, ямки, нижний поясок, тонким длинным гребенчатым штампом. Эти сосуды представляют сошниковский тип керамики (рис. 10 – 1) [Казаков А.А., 1998, рис. 7, 8]. Среди орнаментации встречены зацепы, короткие – мелкие оттиски зубчатого или лунчатого штампа. Один сосуд из Городища-6 орнаментирован двумя рядами мелких треугольных оттисков, между которыми – ряд из ямок. Близко по стилю орнаментирован сосуд из Сошниково-1 (рис. 10 – 3) [Там же, рис. 6 – 2].

На Бийском городище-7 обнаружены фрагменты керамики с вдавлениями полулунной формы и короткими реберчатыми оттисками – лунками в один – два, три ряда и рядом ямок. На этих сосудах профилирован венчик. Аналогичный по стилю орнаментации венчик из Бийского городища-6 с полулунными и скобчатыми оттисками. Края таких венчиков орнаментированы. Особенностью орнамента является волнообразная конфигурация орнаментальных рядов. Подобная особенность в орнаментации характерна для майминской керамики (Ушлёп-5, Курлап) II – V вв. Полулунные и скобчатые оттиски характерны и для одинцовской керамики.

Профилированные сосуды с выделенным горлышком и выпуклыми стенками, орнаментированные в манере одинцовской керамики, представлены в наборе посуды Бийских городищ как цельный комплекс, использующийся вместе с посудой, орнаментированной уточкой и гребенчатым штампом в конфигурации «ёлочка». Тот и другой не могли быть привнесены в одно и то же городище, и даже серию городищ в разное время, либо представителями разных культур – наслоения отсутствуют.

При выяснении сходства орнамента на керамике, обнаруженной на городищах Одинцовском-1 и Малоугренёво и керамики из Бийских городищ, одним из маркирующих признаков является уточка. На городище Одинцовском-1 прослеживается уточка, близкая уточке из Бийского городища-4. На Малоугренёвском городище уточка крупная, выраженная (рис. 8 – 2). На одном сосуде уточка преобразована в лошадку с выделенной мордой и ушами. Также участвует ногтевидный штамп. Интерес представляют сосуды с высокой шейкой и выпуклыми стенками. Один орнаментирован аналогично Бийским городищам, строками гребенчатого штампа, но другой – близок формам и орнаменту одинцовской керамики: здесь ямочки – самостоятельная зона на сосуде, и волна из оттисков трёхзубого штампа.

В коллекции керамики из левобережного Заречья (Воробьёвка) г. Бийска имеются сосуды, аналогичные группе керамики из Бийских городищ-6 и 7 с вдавлениями полулунной формы или короткими реберчатыми оттисками – ямками в один – два, три ряда с ямками. Такая керамика среди малочисленной коллекции преобладает.

Идентична по орнаментации и форме посуды керамика из городищ Большой Иткуль-1–3 и Малый Иткуль-1 [Абдулганеев М.Т., 2001, рис. 3; 1997].

Бийские городища (бийская группа) по отмеченным выше признакам близки иткульским городищам: Городищам-I–IV на Большом Иткуле. На них присутствуют те же группы керамики, что и на Бийских городищах, в том числе – с элементом «уточка», гребенчатым штампом.

Керамика из Фоминского городища отличается от керамики Бийских городищ тем, что представлена приземистыми горшками с профилированным венчиком и выпуклыми стенками 8 шт. из 11 шт. (рис. 9 – 2) В основном она по краям орнаментирована. Орнамент плотный, однообразный с преобладанием гребенчатой ёлочкой, только на двух открытых сосудах – вертикальные и наклонные оттиски украшают два ряда. Присутствуют открытые сосуды с прямой формой венчика. По толщине стенок 3-5 мм керамика близка бийским городищам. Среди керамики не встречена уточка (или псевдоуточка) (при этом, нельзя путать материал с керамикой с дюн у с. Фоминское, где уточка распространена в орнаментации приземистых горшков). Один сосуд – с полулунными врезными скобовидными оттисками, характерными для одинцовской посуды. При этом характерная для одинцовской традиции керамика также не обнаружена. Обращаясь к М.П. Грязнову, горшки, приведённые им в книге [1956, рис. 19, с. 126], из могильника с трупосожжениями у с. Фоминского, соответствуют представленной здесь керамике. Но один из сосудов из погребений украшен двумя рядами псевдоуточек. На всех остальных – гребенчатый штамп и полулунные вдавления. Один из сосудов, орнаментированный рядами «ёлочки», с пояском в основании близок сосуду из городища Фоминского, и также аналогичен сосуду из одинцовского погребения БЕ-ХII [Там же, табл. XXXI – б], но у последнего более профилирован венчик, и в этом он больше схож с сосудом из городища Фоминского. М.П. Грязнов указал, что керамика из погребений у с. Фоминского не совсем типична для фоминского этапа.

Итог анализа и выводы

Ссылаясь на датировки бийских городищ с озера Иткуль, можно установить время функционирования всего комплекса городищ на р. Бия и оз. Иткуль. Образцы из поселения Сошниково-1 на Малом Иткуле дали датировки 515 ± 20 г. н.э., 310 ± 25 г. н.э., даты из городища Малый Иткуль-1 – (260 ± 25 г. н.э.) 2 пол. III в. н.э., Городища-III на оз. Большой Иткуль по радиоуглероду (325 ± 20 г. н.э.) 1 пол. IV в. н.э. Кроме того, исследователи датируют Татарские могилки (Уманский, 1974) и БЕ-VII не позднее IV вв. Окончание фоминского этапа (культуры) относят к IV в. н.э. (до этого времени используется в орнаментации и уточка). Сходство структуры посёлков, керамики Городищ-I-IV Большого Иткуля с Бийскими городищами-2-8 указывает на их однородность. Таким образом, Бийские городища-2-8, также как и иткульская группа, относятся ко второй половине фоминского этапа – 2 пол. III – 1 пол. IV вв. н.э. Вторая дата из Сошниково-1 также совпадает с этим периодом. Из характеристик формы, структуры Бийских городищ-2-8, отсутствия не связанных с ними пристроек, можно заключить, что комплекс Бийских городищ единовременный, не разбитый и не нарушенный иными наслоениями, перестройками – городищами или поселениями. Это также подтверждает типовой состав керамики и виды орнаментации, включающий набор однородных признаков. К единому комплексу относятся такие же городища: Одинцовское-1, Малоугренёвское городище, городище, либо поселение Воробьёвка (в заречной части г. Бийска). Комплекс, состоящий из городища Фоминское и могильника у с. Фоминское, М.П. Грязнов отнёс к фоминскому этапу, но с нетипичными признаками. Можно с уверенностью утверждать сходство орнамента с Бийскими городищами-1-8 лишь дюнные находки. Фоминское городище отличается от Бийских городищ наличием бугорка – ступеньки в некоторых жилищных западинах, а также конструкцией входа, мелких холмиков, ровиков, овальных валиков неясного назначения, которых в Бийских городищах нет. Эти элементы присутствуют в городище «7-й км Смоленского тракта», Городище Енисейское-17, в поселениях Барнаульского Приобья: Утопша-2 [Кунгурова Н.Ю., 2011; Бородаев В.Б., 1991, с. 51], Кислянский Рыбак-1 [Карпов М.В., 2015]. В городище Кислянский Рыбак-1 непрофилированная керамика близка по орнаментации керамике из Фоминского городища. Керамика Утопши-2 была интерпретирована В.Б. Бородаевым как фоминская [Бородаев В.Б., 1991, табл. 1 – 7,8].

Непонятно отношение датировки и культуры поселений у с. Енисейское: Енисейское-12 и Енисейское-14, продолжавших строительные традиции фоминских городищ. Такая

преемственность традиций у населения может быть связана с внесением, полученным в рамках самой культурной общности. При этом основные принципы орнамента не изменились, хотя древний пласт в виде кулайских элементов начал произвольно меняться и затем исчезать. Не исключено, что эти изменения прошли в течение двух поколений (менее одного века). Во время экспедиции по изучению остатков материальной культуры кумандинцев, мы столкнулись с непониманием значения элементов изображений и орнамента, утерянного за период двух-трёх поколений, если брать за поколение 50 лет. Внесённые в орнамент русские сюжеты отождествлялись со своими.

Возможно, на данном этапе отражено влияние на культуру фоминского этапа волны, на основании которой формировалась майминская культура в северных предгорьях Алтая и в Салаире. Не нужно исключать и такую возможность, что в фоминских комплексах правобережья Бии отложились разные вариации культур, вобравшие в себя элементы верхнеобской и кулайской культур, которые могли представлять собой не последующие друг за другом этапы, строго сменяющие друг друга в условный промежуток времени, а группы, влиявшие друг на друга или ассимилирующиеся, осевшие на крайних рубежах обширной, занимаемой ими территории, археологически ограниченной правобережьем Бии.

Так могла сложиться и сошниковская локальная группа. Сошниковская керамика, отнесённая А.А. Казаковым к переходному этапу одинцовской культуры, отличается от керамики Бийских городищ-1–8 и Городищ-I–IV Большого Иткуля формой сосудов и отсутствием многих видов декора, характерных для всего бийского комплекса. Но при этом нельзя не заметить, что посуда с используемыми в сошниковской посуде элементами и стилем орнамента находится в составе керамических коллекций всех городищ (рис. 7; 8; 10) Бии в рамках этого временного периода. В свою очередь, для одинцовской керамики открытые формы сошниковской посуды и мотив орнамента – горизонтальный поясок в основании орнаментального поля, не характерны. Для сравнения представлены образцы керамики из одинцовских памятников, расположенных как в территориальной близости к бийским городищам: БЕ-12, БЕ-14, Акутиха-1 (рис. 10), так и в Новосибирском Приобье (рис. 11). Л.А. Чиндина пишет, что второй, позднекулайский период, охватывающий II – I вв. до н.э. – V в. н.э. характеризуется массовыми миграциями кулайцев, занявшими таёжные и лесные территории, и лесные боры Верхнего Приобья, длившимися не менее 200 лет [1984, с. 123]. Тогда сложилась огромная кулайская общность с локальными вариантами на юге. Эта поликультурная среда внесла свою лепту и в формирование майминской культуры, поселения которой известны в предгорьях Салаира и Алтая. На керамике майминской культуры использованы элементы и стили декора, применявшиеся в традиции бийских городищ. Территория распространения бийских городищ периода 2 пол. III – 1 пол. IV вв. н.э. оказалась строго ограниченной: с юга – руслом реки Бия – Обь, с востока – огромной долиной Нени, с запада – лесным массивом. Фактов распространения этого населения на соседние территории (Катунь, левобережье Нени) археологически не выявлено за исключением чумышского коридора, объединяющего запад и восток кулайской ойкумены.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. № 2. С. 53-61.
2. Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 103-110.
3. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Иткульских озёр // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1990. С. 104-108.
4. Бородаев В.Б. Новые археологические материалы из окрестностей с. Бобровка Первомайского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, Топчих. Типогр., 1991. С. 50-53.

5. Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М., Л.: АН СССР, 1956. № 48. 228 с.
6. Казаков А.А. Городище Сошниково 1 // Древние поселения Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 192-205.
7. Казаков А.А., Исупов С.Ю. Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1990. С. 109-112.
8. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 219-231.
9. Карпов М.В. Отчёт «Археологическое исследование в Бийском и Первомайском районах Алтайского края в 2014 г.». Барнаул, 2015. 56 с. (с. 24-29).
10. Кунгурова Н.Ю. Проблема городищ в районе г. Бийска // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1997. С. 43-46.
11. Кунгурова Н.Ю. Отчёт «Об обследовании предгорной археологической экспедицией поселения Усть-Кажа-1 в Красногорском районе Алтайского края летом 1996 г.». Барнаул, 1997а. (Бийские городища-7, 8, Фоминское).
12. Кунгурова Н.Ю. Древнейшее прошлое района // Бийский район: История и современность. Том 1. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 6-40.
13. Кунгурова Н.Ю. Научный отчёт. «Разведочные работы Предгорного археологического отряда НПЦ «Наследие» в Алтайском крае летом 2009 г.». Барнаул, 2010. 40 с. (Енисейское-12–13, 17).
14. Кунгурова Н.Ю. Отчёт «Разведочные работы Предгорного археологического отряда НПЦ «Наследие» в Алтайском крае летом 2010 г.». Барнаул, 2011. 40 с. (Енисейское-14, Одинцовка-2, Усть-Чемровка-4, Обские Плёса-5, Утопша-2, 3).
15. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. Том I. Кн. I. Томск: ТГУ, 1994. 485 с.
16. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 128 с.
17. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. 152 с.
18. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1974. № 48. С. 136-149.
19. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.
20. Ширин Ю.В. Многослойное поселение Казанково V // Кузнецкая старина. Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 1999. № 4. С. 25-44.
21. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.
22. Ширин Ю.В. Поселения фоминской культуры в Кузнецкой котловине и в Горной Шории // Кузнецкая старина. Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 2005. № 7. С. 28-45.

Список сокращений

БКМ – Бийский краеведческий музей.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ныне Горно-Алтайский научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова).

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

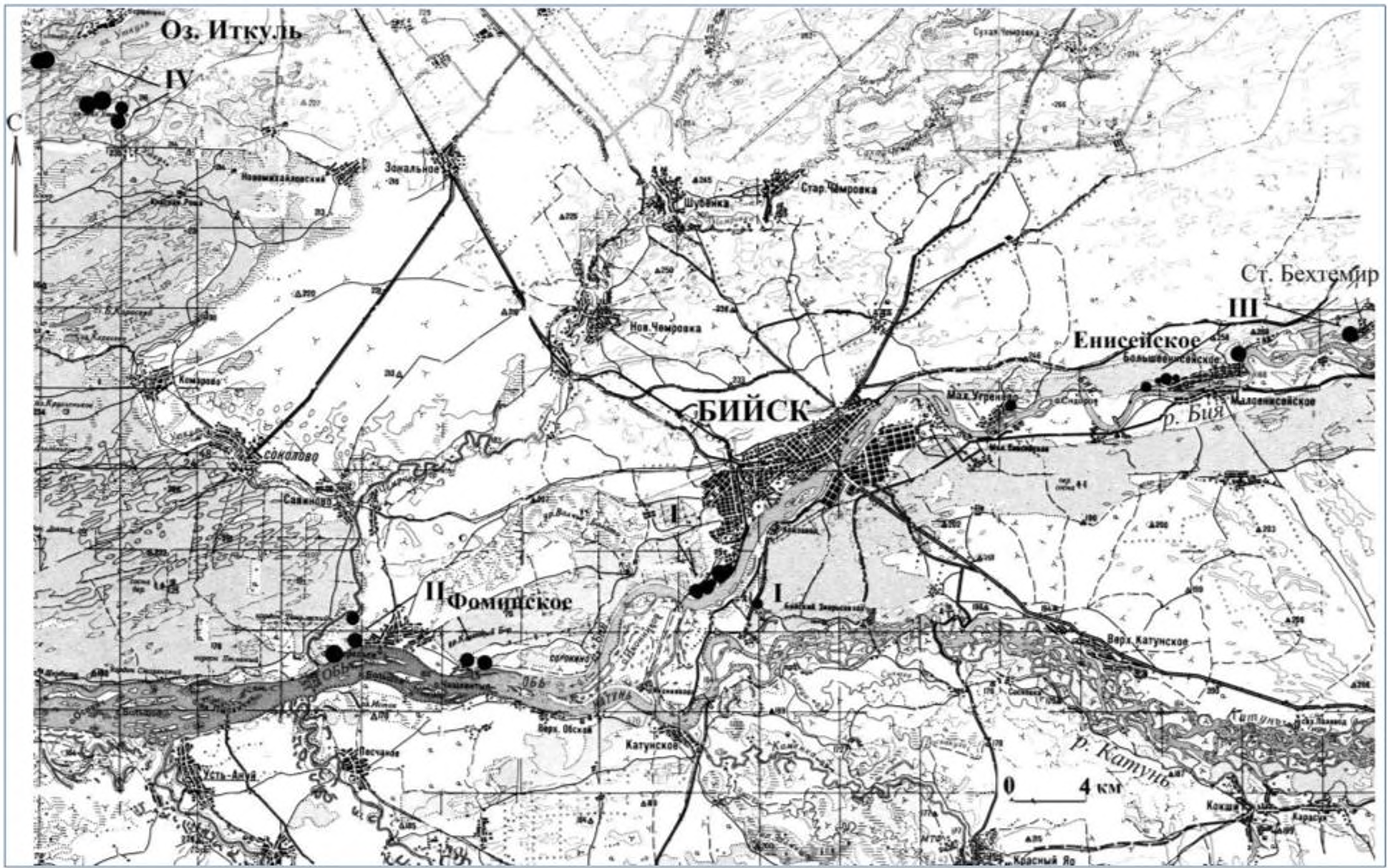
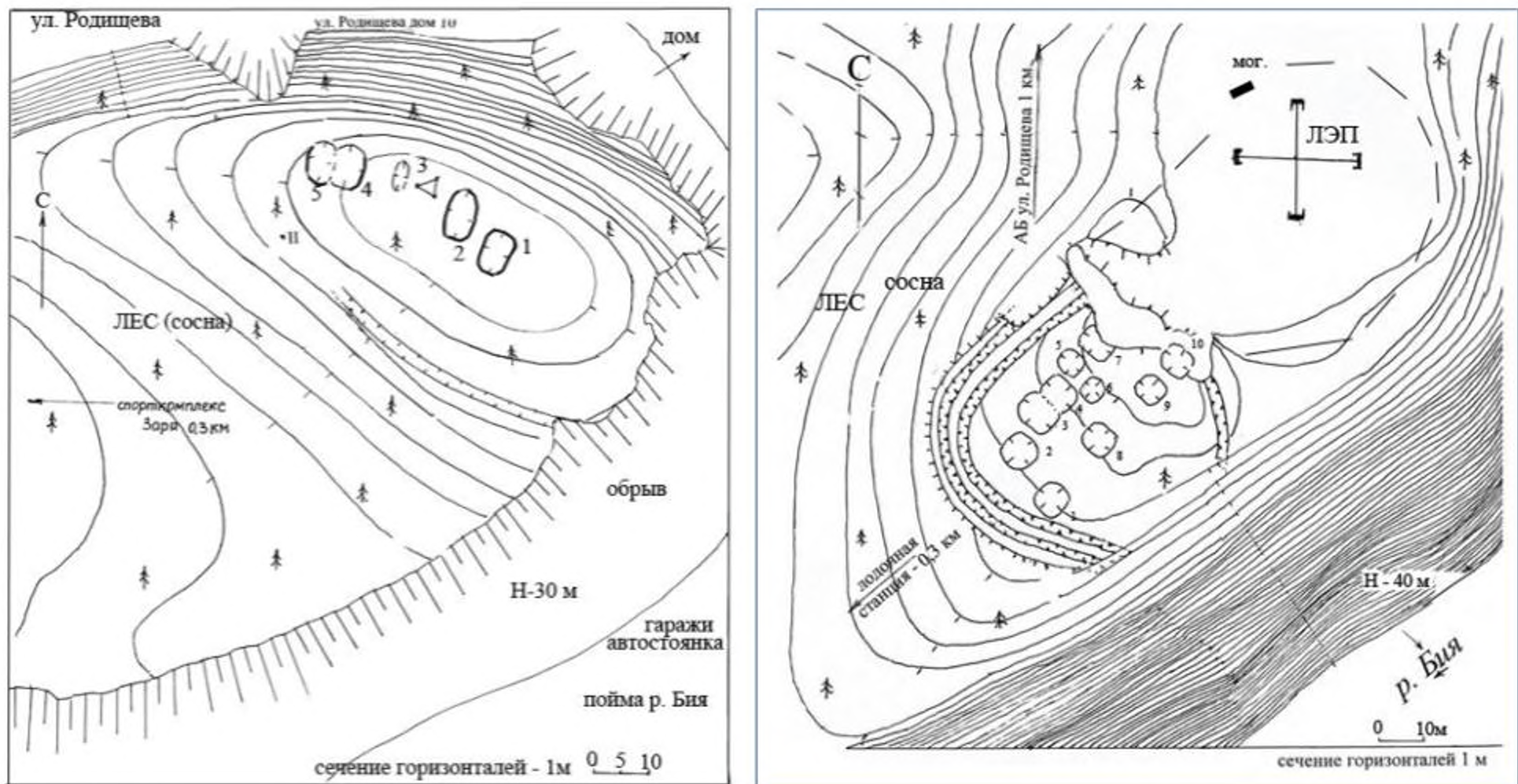

Рис. 1. План расположения бийских городищ.
 I – Бийские городища-2–8, «7-й км Смоленского тракта»;
 II – городища Одинцовские, Фоминское, Чемровка;
 III – поселения и городище у с. Енисейское, Малоугренёво, ст. Бехтемир;
 IV – городища на оз. Иткуль.

1

2

Рис. 2. 1 – Бийское городище-2; 2 – Бийское городище-4.

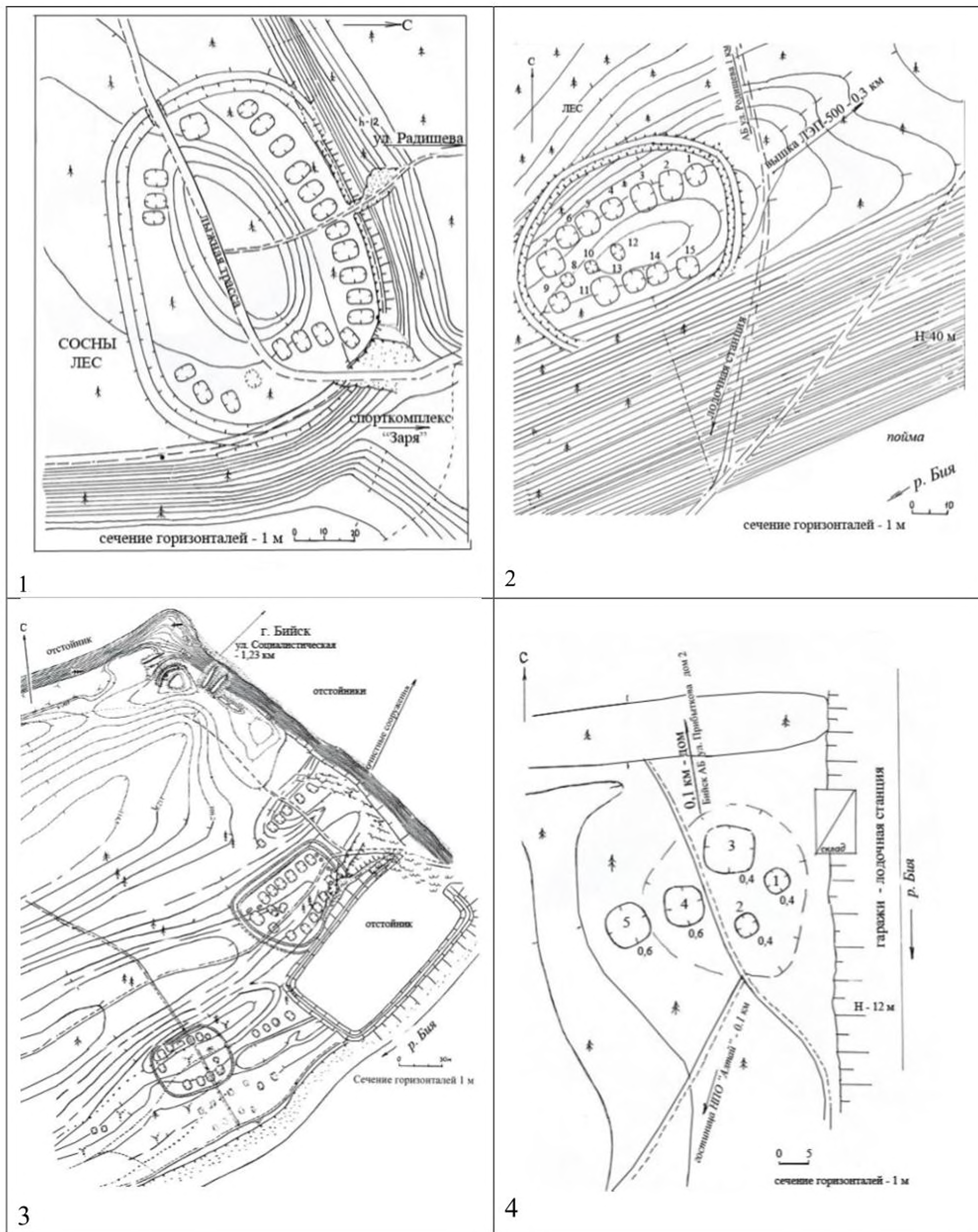

Рис. 3. 1 – Бийское городище-3; 2 – Бийское городище-5;
3 – Бийские городища-7, 8; 4 – поселение ул. Прибыткова.

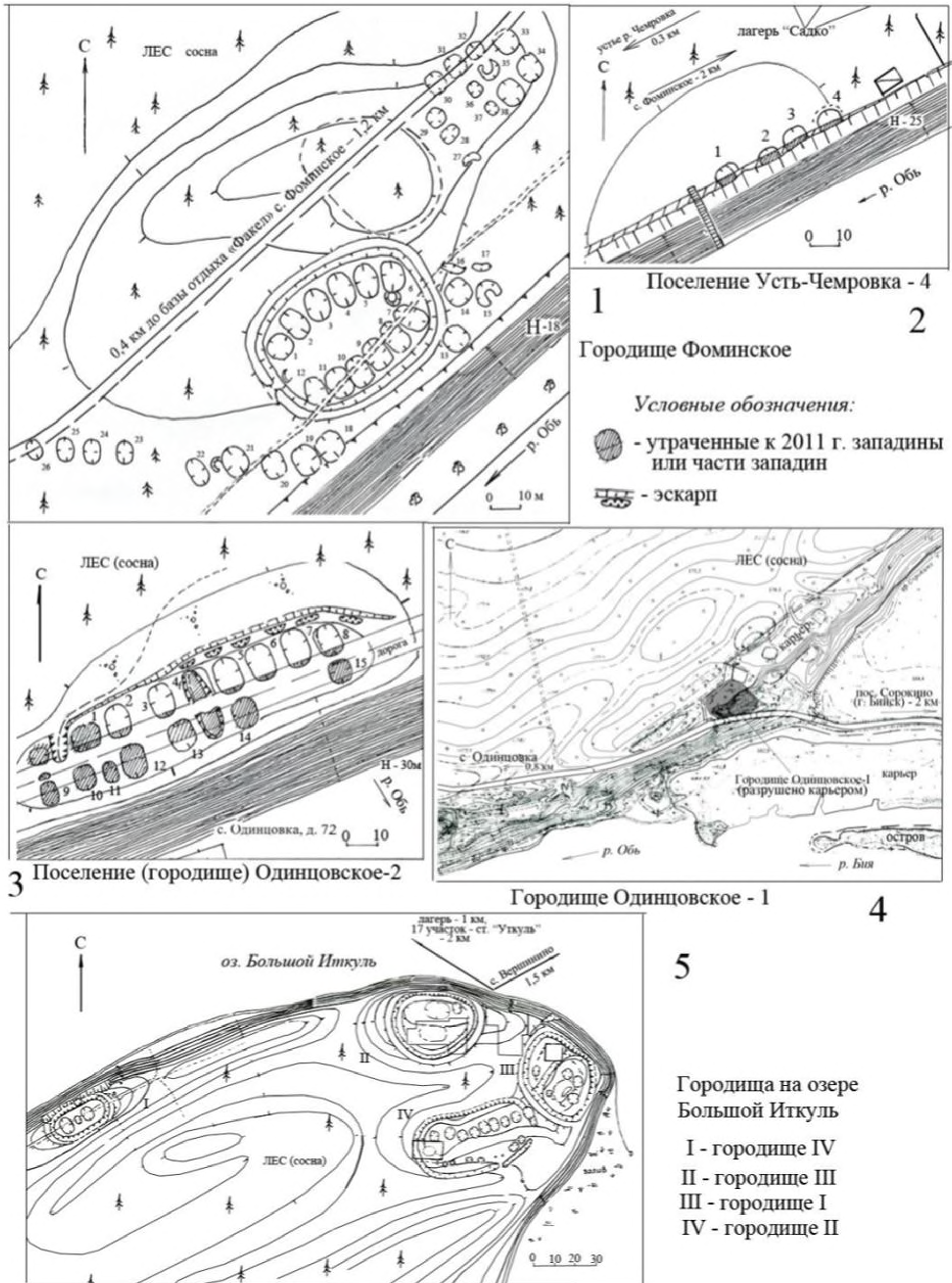

Рис. 4. 1 – городище Фоминское; 2 – поселение Усть-Чемровка-4; 3 – городище Одинцовское-2; 4 – городище Одинцовское-1; 5 – Городища-I-IV на оз. Большой Иткуль.

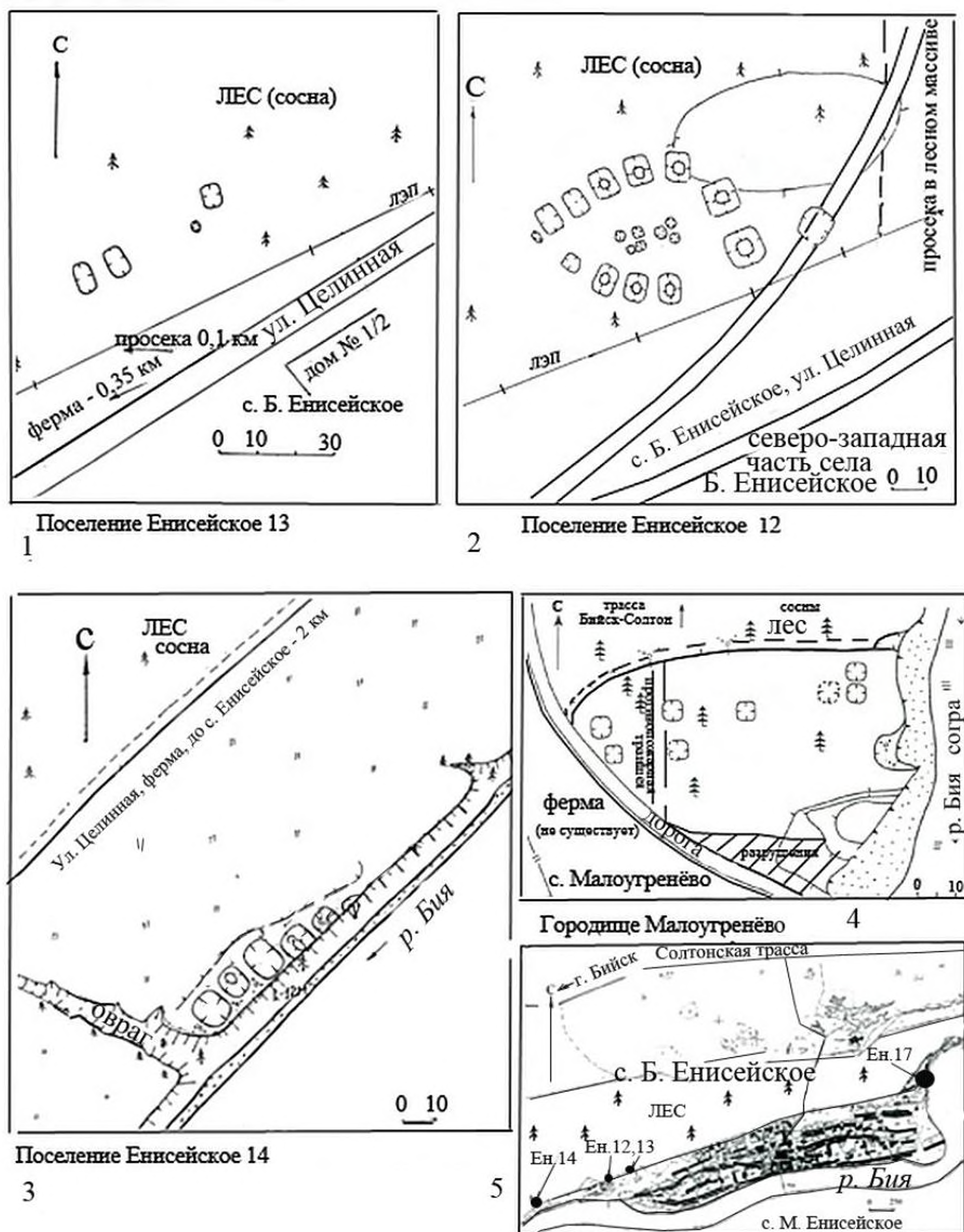

Рис. 5. 1 – поселение Енисейское-13; 2 – поселение Енисейское-12;
 3 – поселение Енисейское-14; 4 – городище Малоугренёво;
 5 – план расположения поселений и городища у с. Б. Енисейское.

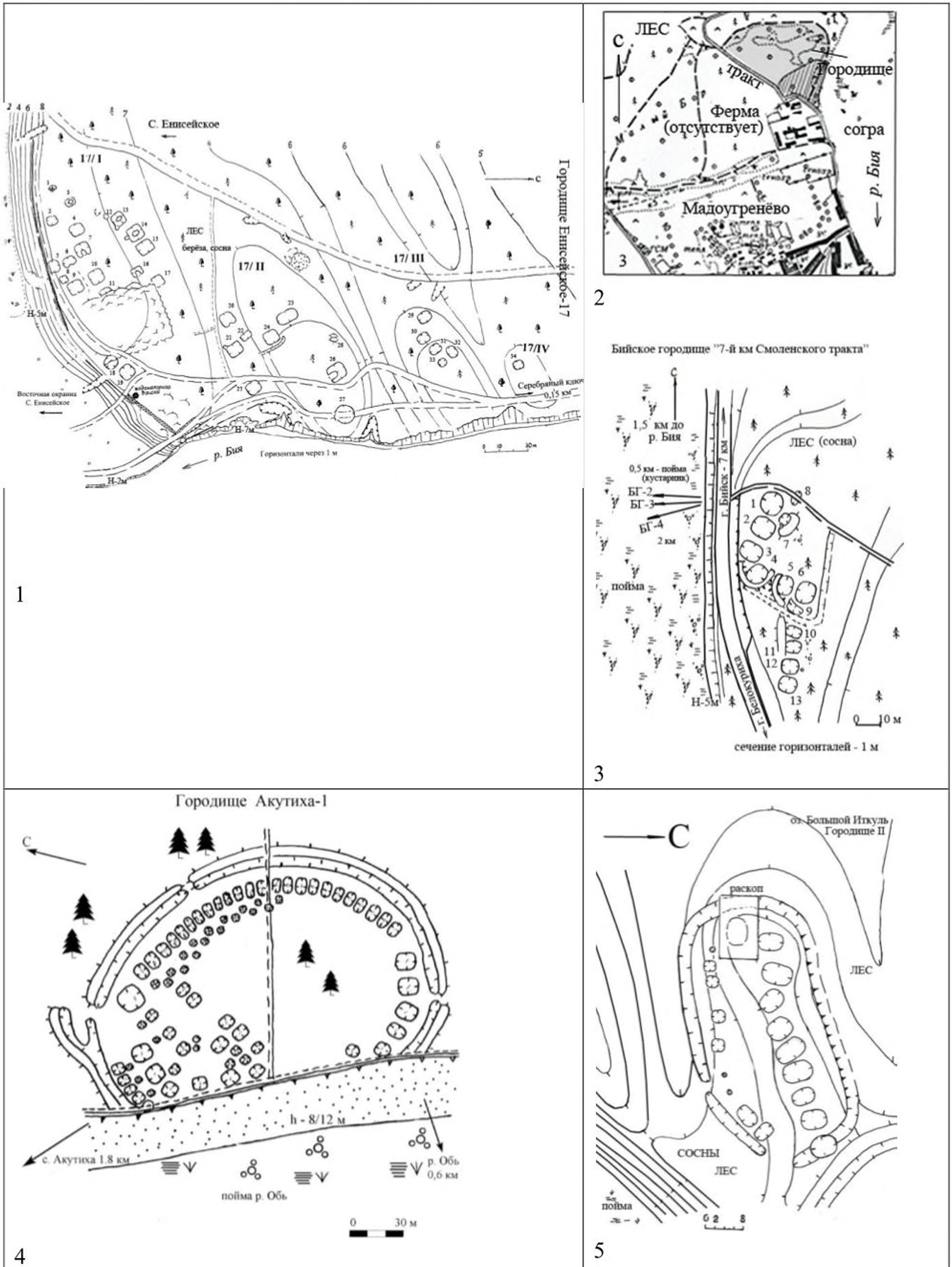

Рис. 6. 1 – Городище Енисейское-17: 17/I, 17/II, 17/III, 17/IV; 2 – место расположения городища Малоугренёво; 3 – городище «7-й км Смоленского тракта»; 4 – городище Акутиха-1; Городище-II оз. Большой Иткуль.

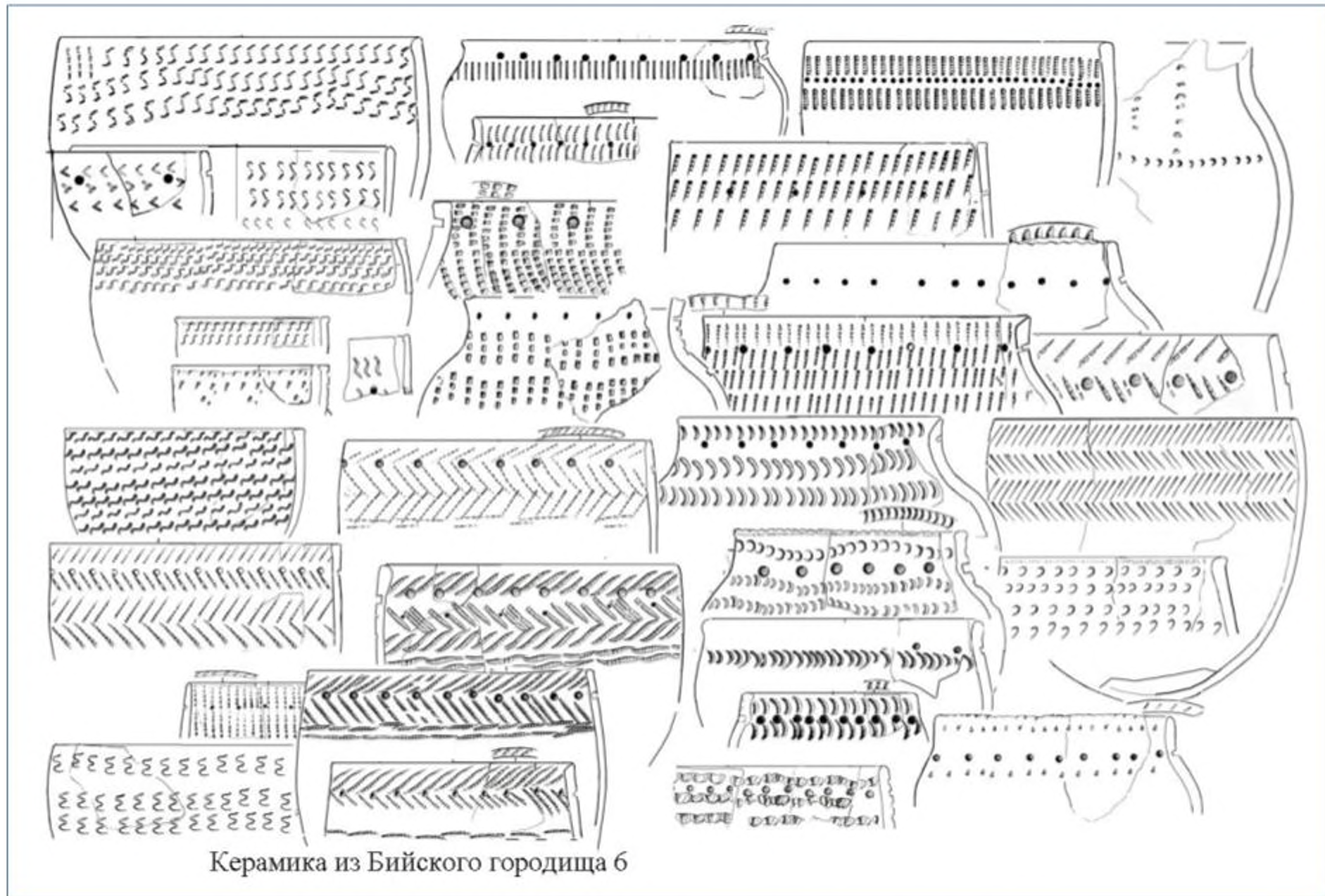

Рис. 7. Свод видов керамики из Бийского городища-6.

Рис. 8. Свод видов керамики из Бийского городища-7, городища Малоугренёво.

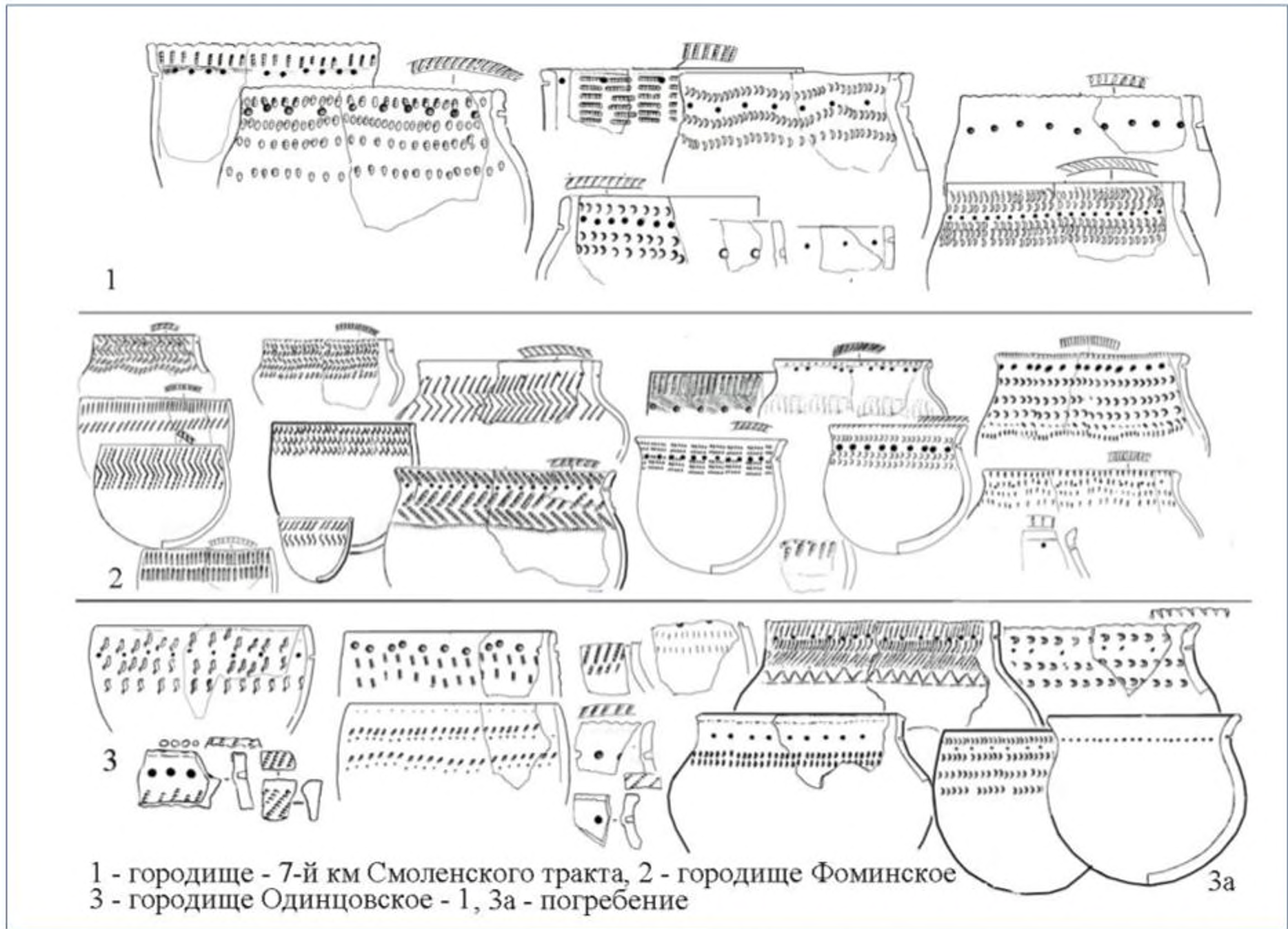

Рис. 9. Свод видов керамики из городища «7-й км Смоленского тракта»; городища Фоминское; городища Одинцовское-1.

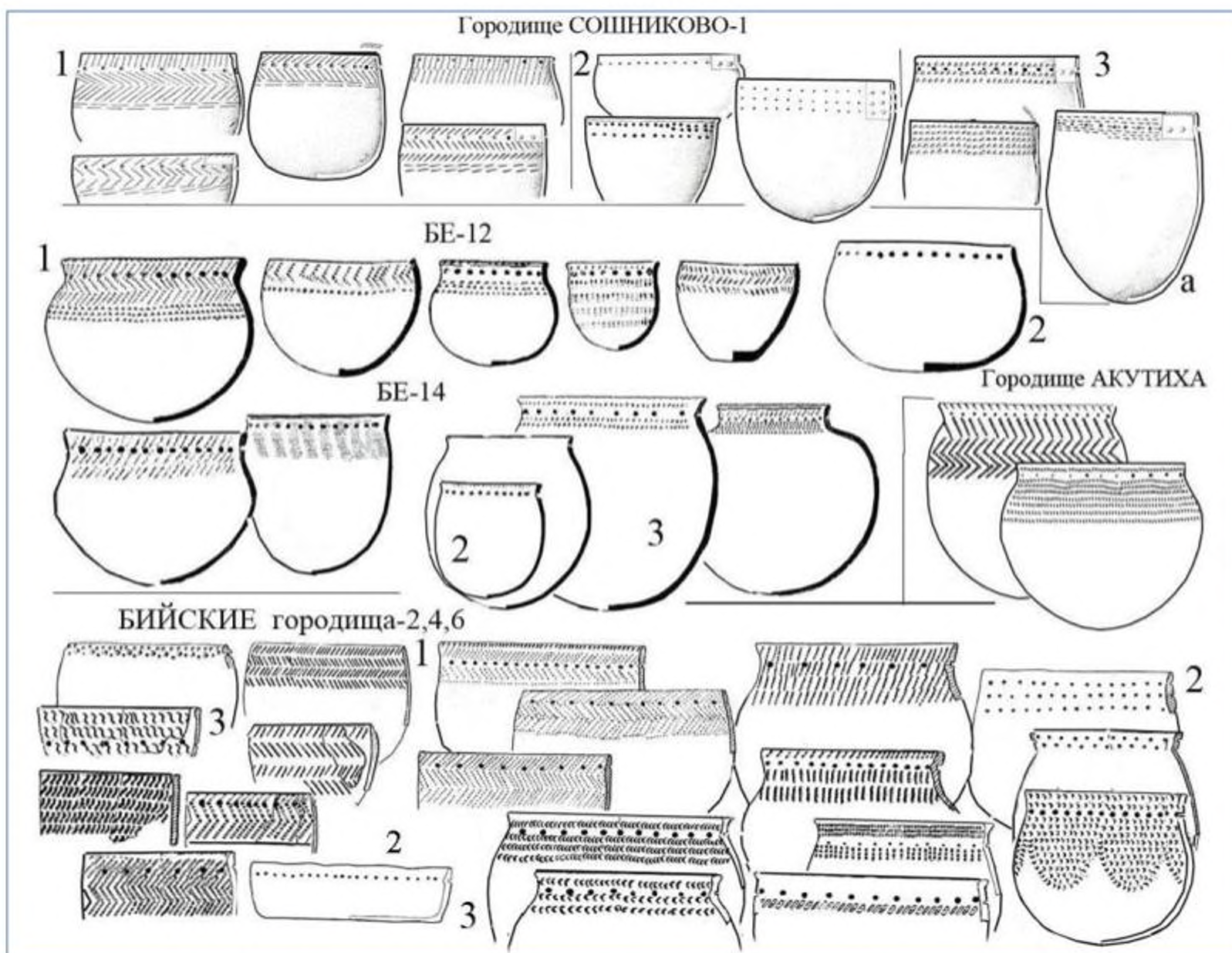

Рис. 10. Свод видов керамики из городища Сошниково-1; БЕ-12; БЕ-14; Бийских городищ-2, 4, 6.

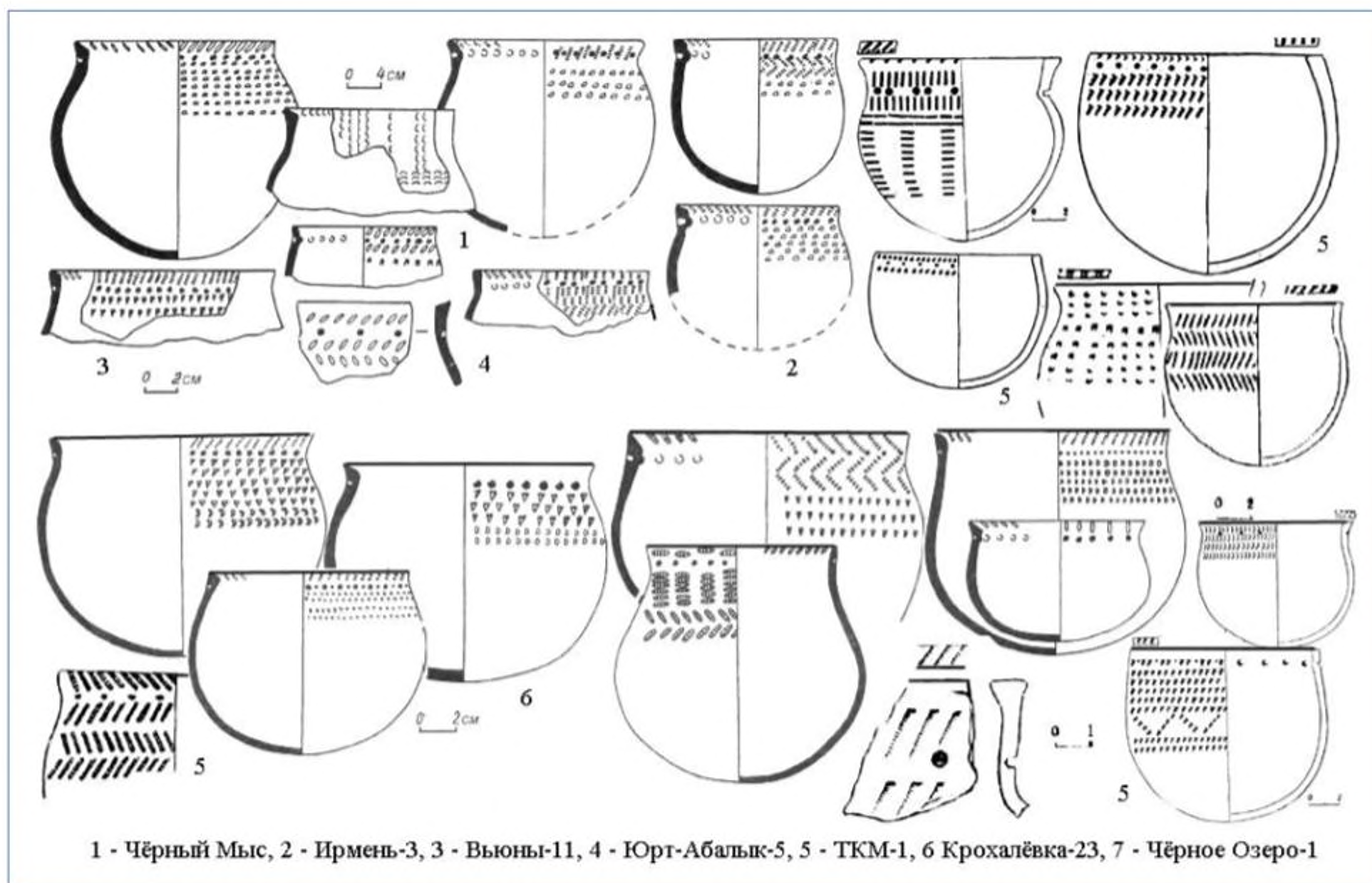

Рис. 11. Свод видов одинцовской керамики из Новосибирского Приобья.

УДК 902.3

Лихачева Ольга Сергеевна

Кандидат исторических наук

Хранитель фондов музея археологии и этнографии Алтай

Алтайский государственный университет, Россия

656049, г. Барнаул, ул. Песчаная, д. 89, кв. 139

lihaolga@yandex.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОИНА IV–V ВВ. Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ТАТАРСКИЕ МОГИЛКИ*

Аннотация. В рамках представленной статьи проводится воссоздание воина IV–V вв. н.э. по материалам могилы № 4 памятника Татарские Могилки. Этот закрытый комплекс интересен тем, что содержал достаточно полный комплект, включающий не только оружие, но и доспех. Все это позволило максимально достоверно реконструировать один из возможных воинских наборов того времени. Работа включает обзор историографии, а также анализ сопроводительного инвентаря и планиграфии погребения.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай; археология; реконструкция; вооружение и военное дело.

Likhacheva Olga Sergeevna

The Candidate of Historical Sciences (PhD)

Custodian of funds of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai

Altai State University, Russia

656049, Barnaul, Peschanaya St. 89-139

RECONSTRUCTION OF A WARRIOR OF THE IV–V CENTURIES A.D. ON MATERIALS FROM THE TATARSKIE MOGILKI SITE

Abstract. Within the framework of the presented article, the reconstruction of the warrior of the IV–V centuries A.D. is carried out on the materials from the grave № 4 of the Tatarskie Mogilki site. This closed complex is interesting because it contained a fairly complete set, including not only weapons but also armor. All of this allowed maximally credibly reconstruct the one of possible military sets of that time. The work includes a review of historiography, as well as an analysis of the accompanying inventory and the burial planigraphy.

Keywords: the Forest-Steppe Altai; archaeology; reconstruction; armament and military affairs.

Эпоха «великого переселения народов» сыграла значительную роль в развитии военного дела племен, населявших степные пространства Евразии. Начавшиеся миграционные процессы неизбежно приводили к постоянным военным конфликтам, что порождало необходимость в совершенствовании как защитного, так и наступательного вооружения. При

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

этом благодаря активным контактам между этносами, все появляющиеся новинки очень быстро получали широкое распространение. Таким образом, сформировавшиеся в тот период комплексы вооружения включали в себя как местные элементы, так и привнесенные, что, безусловно, привлекает к ним особое внимание.

На территории Лесостепного Алтая ранний этап «эпохи великого переселения» народов связан с бытованием одинцовской археологической культуры [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 82-83]. Ее носители обладали весьма передовым для своего времени комплексом вооружения, что выражалось в применении ими ранее неизвестных на данной территории типов доспеха и оружия [Горбунов В.В., 2006, с. 95]. Одним из памятников, в котором наиболее полно представлено не только наступательное, но и защитное вооружение, является комплекс Татарские могилки. Он располагается на левом берегу р. Чумыш, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности, в одноименном урочище. При картографии 1995 г. ему было присвоено обозначение Куюк-1/4 [Горбунов В.В., 2002, с. 62]. В 1963 г. Алексеем Павловичем Уманским проводились аварийные раскопки на данном памятнике, в ходе которых было исследовано несколько грунтовых могил. Могила № 4 содержала парное захоронение мужчин и, как отмечал еще сам исследователь, отличалась богатым инвентарем [Уманский А.П., 1974, с. 142-143]. Датируется рассматриваемый объект IV–V вв. н.э. [Уманский А.П., Горбунов В.В., 1991, с. 164].

Ранее эти материалы уже привлекались для реконструкции, в том числе графической, вооружения воинов верхнеобского правобережья [Уманский А.П., Горбунов В.В., 1991, с. 161-164, рис. 1]. Тогда авторами исследования происходящий из погребения доспех был трактован как два отдельных нагрудника, поскольку две его половины были «распределены» между погребенными [Уманский А.П., Горбунов В.В., 1991, с. 161-162]. Впоследствии В.В. Горбуновым [2002, с. 62-78] была проведена реставрация панциря, позволившая установить, что это наспинник и нагрудник от одного изделия. Помимо указанной неточности при воссоздании защитного вооружения, в работе А.П. Уманского и В.В. Горбунова не уделено внимания поясам, хотя они являлись важным элементом воинского снаряжения. С учетом этих моментов, можно сказать, что ранее сделанная графическая реконструкция несет в себе ряд неточностей, которые необходимо дополнительно прояснить. В свою очередь, информативный потенциал источников из этого комплекса, оказался не исчерпан полностью. Следовательно, его повторный подробный анализ остается актуальным, несмотря на проведенные ранее исследования. В рамках данной статьи нами воссоздается комплект вооружения и снаряжения, относящийся к скелету № 1. Автор выражает свою благодарность В.В. Горбунову за предоставленные для работы материалы.

Остановимся первоначально на описание доспеха. Как отмечалось выше, нагрудник и наспинник панциря были уложены в погребение по отдельности [Уманский А.П., 1974, рис. 4]. На скелете № 1, как было впоследствии выяснено, располагался наспинник, а на скелете № 2 – нагрудник [Горбунов В.В., 2002, с. 63]. Панцирь имел ламеллярную структуру бронирования и покроем «кираса» [Горбунов В.В., 2002, с. 62-63]. Остановимся наиболее подробно на описании нагрудника, который при выбранном ракурсе фигуры виден на рисунке практически полностью. Он состоял из пяти горизонтальных рядов. Первый (счет идет снизу), второй и третий ряды, были набраны из 24 пластин прямоугольного абриса. Четвертый ряд составляли 14 овально-прямоугольных пластин, а пятый – 16 прямоугольных. Каждый ряд имел кожаный кант по краю [Горбунов В.В., 2002, с. 67-68, рис. 8 – 2]. Как было выявлено В.В. Горбуновым [2002, с. 72] в ходе моделирования нагрудник имел следующие параметры: наибольшая длина по горизонтали – 51 см, наибольшая высота по вертикали – 47 см. При таких размерах он закрывал корпус от ключиц до низа живота. Соединение нагрудника и наспинника осуществлялось при помощи оплечных и боковых ремней, которые застегивались пряжками [Горбунов В.В., 2002, с. 72, рис. 8 – 3].

Оружие, относящееся к скелету № 1, предназначалось для ведения боя на дальней и ближней дистанции. Первое включало лук, от которого сохранились только накладки, и стрелы, наличие которых фиксируется по наконечникам.

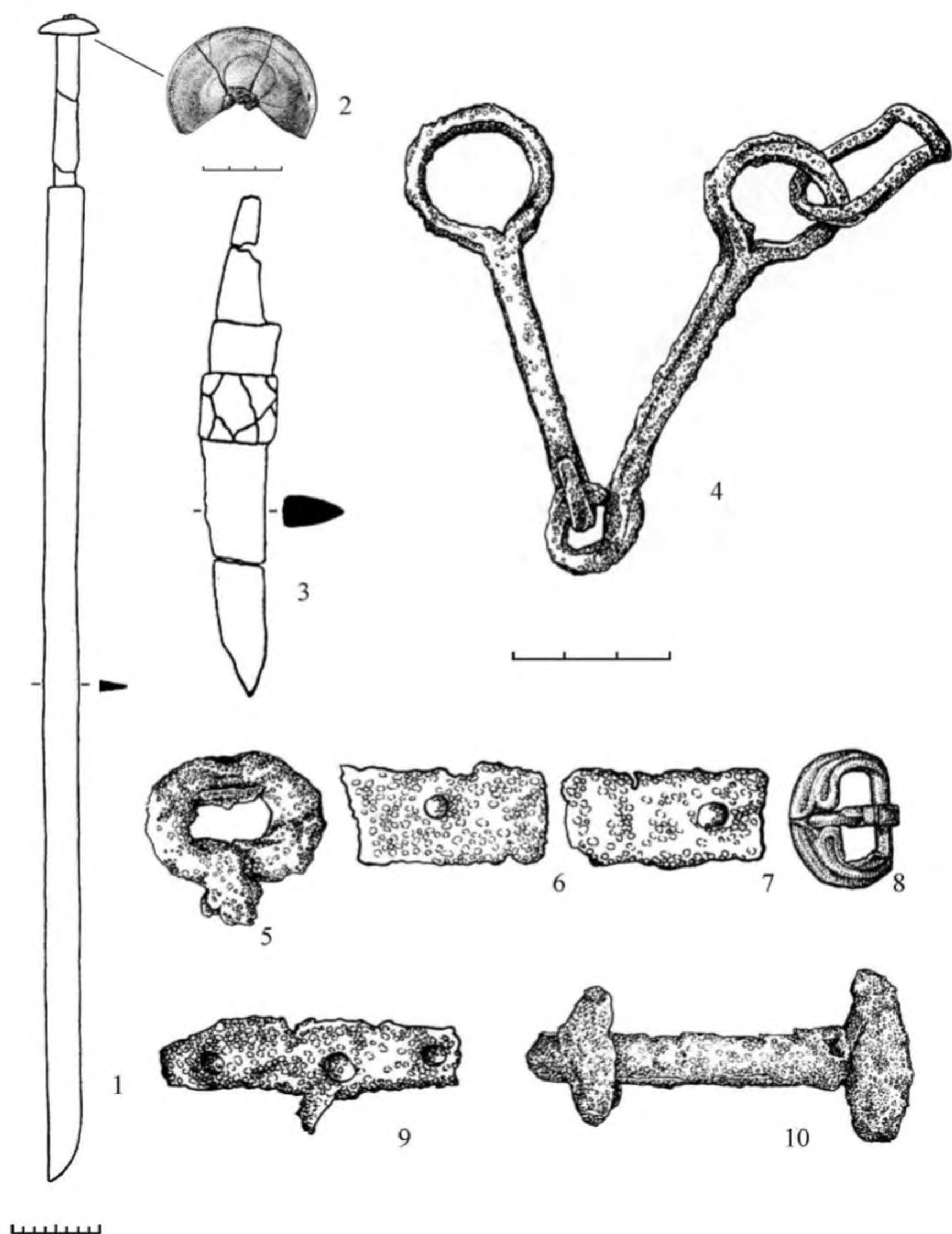

Рис. 1. Материалы для реконструкции из погребения № 4 памятника Татарские Могилки.
1 – меч; 2 – навершие меча; 3 – нож; 4 – удила с обоймой для повода;
5-8 – детали основного пояса; 9-10 – детали стрелкового пояса. 1 – железо, камень;
2 – камень; 3 – железо, дерево; 4-7, 9-10 – железо; 8 – бронза. [По: 1, 3 – Горбунов В.В., 2006].

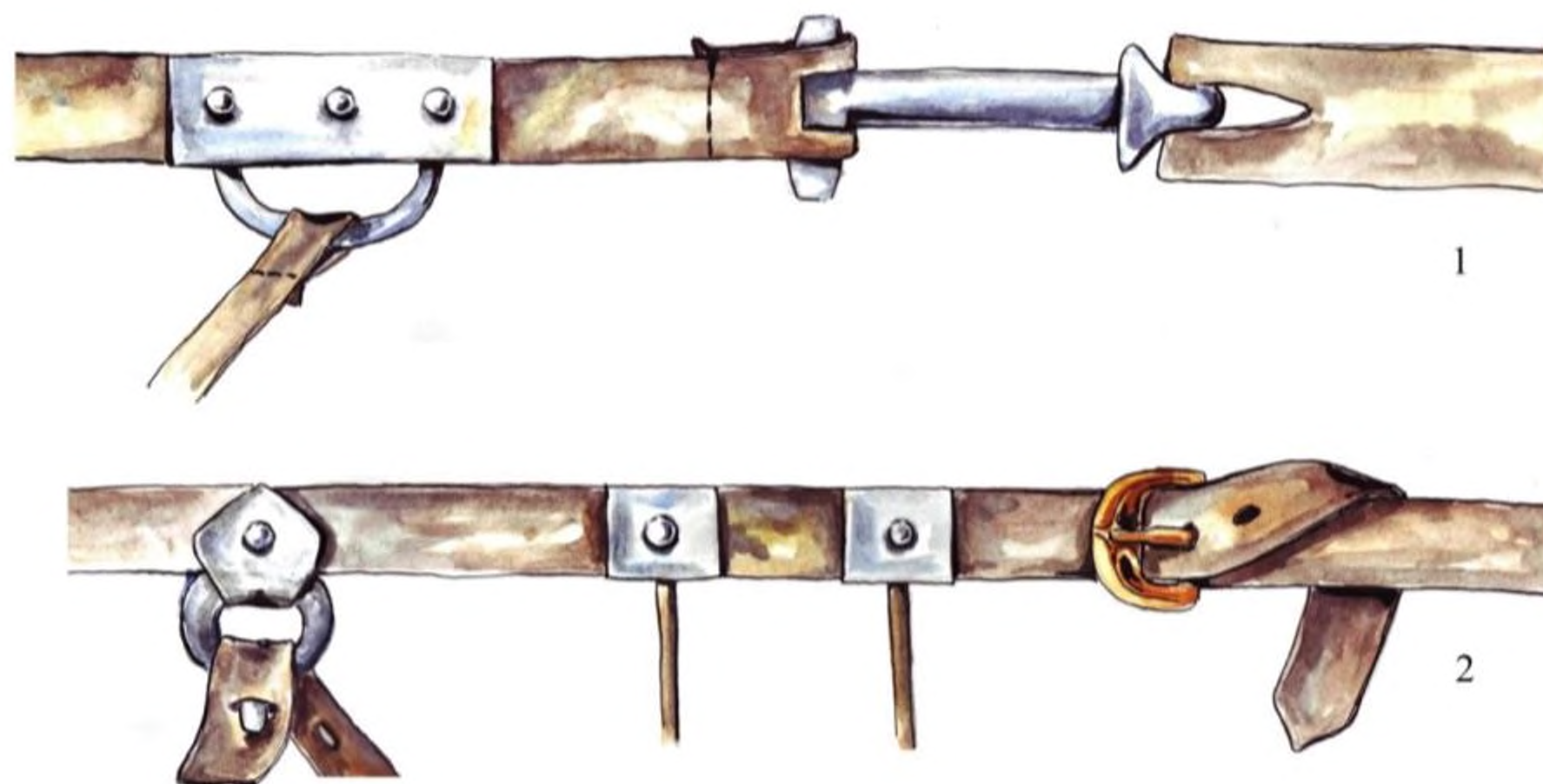

Рис. 2. Реконструкция поясов
по материалам погребения № 4 памятника Татарские Могилки.
1 – стрелковый пояс; 2 – основной пояс.

Накладок на лук семь. Они представлены двумя парами концевых боковых и срединными, включающими две боковых и тыльную. Концевые боковые накладки узкие, дуговидного абриса, общая их форма напоминает запятую. Они имеют закругленные окончания, с вырезом под тетиву и отверстием, предназначенным для железной заклепки, дополнительно скреплявшей пару накладок [Горбунов В.В., 2006, с. 10; Уманский А.П., 1974, с. 142]. Срединные боковые накладки достаточно широкие, длинные, имеют дуговидный изгиб, окончания незначительно приострены [Горбунов В.В., 2006, с. 11]. Срединная тыльная накладка узкая, средней длины. Ее абрис напоминает весло с двумя лопатковидными окончаниями, также на ней имеется орнамент в виде «елочки» [Горбунов В.В., 2006, с. 12; Уманский А.П., 1974, с. 142, рис. 1 – 8]. Накладки подобных форм, относятся к лукам так называемого «хуннского» типа. Со снятой тетивой, как это представлено на реконструкции, их абрис был С-видным, а длина составляла от 140 до 155 см [Горбунов В.В., 2006, с. 21, 23-24]. В погребении накладки лежали справа от скелета на промежутке от плечевой кости до коленного сустава, что, по всей вероятности, указывает на сторону, с которой носился этот вид оружия. Луки при транспортировке и хранении помещали в налучья, повторяющие форму кибита при снятой тетиве. Такие футляры изготавливались из кожи и могли иметь как глухой верх, так и с разрезом, откуда выглядывал верхний рог [Горбунов В.В., 2006, с. 26-27]. Нами использовался второй вариант, позволяющий продемонстрировать верхнюю часть изделия.

Рис. 3. Реконструкция воина одинцовской культуры IV–V вв. н.э.
по материалам памятника Татарские Могилки.

Пустой колчан, представляющий собой берестяной футляр с открытым верхом, находился слева от скелета № 1, на уровне левых берцовых костей [Уманский А.П., 1974, рис. 4 – 10]. При этом все стрелы были уложены возле второго погребенного, на что указывает расположение оставшихся от них наконечников: одно скопление у черепа, другое – у стопы, в обоих случаях, как и колчан, слева от скелета [Уманский А.П., 1974, рис. 4 – 3]. Таким образом, при выбранном ракурсе полностью данной части стрелкового комплекса видно не будет. В тоже время, открытый тип колчана и большая длина самих стрел в пределах 80–85 см, позволяют частично их показать на рисунке. С учетом того, что та часть наконечников, которая лежала в непосредственной близости от двух колчанов была расположена окончаниями вниз, как они помещались в колчане, то видно будет конец древков, снабженный оперением.

Для ношения налучья и колчана применялся отдельный, так называемый стрелковый, пояс [Горбунов В.В., 2006, с. 44]. Из сохранившихся от него деталей у скелета № 1 фиксируется только застежка – колчаный крюк (рис. 1 – 10). Судя по плану погребения, он располагался на наспиннике панциря, справа от погребенного, рядом со срединными накладками от лука [Уманский А.П., 1974, рис. 4 – 9]. Изделие представляет собой железный стержень, загнутый с одного края, что придает ему форму крюка. На окончаниях он Т-образно раскован. Крепление могло осуществляться следующим образом: один край ремня подгибался и пришивался, в этом месте делался прямоугольный вырез, образующий две петли, накидывавшиеся на перпендикулярную планку крюка. На загнутый край надевался свободный конец пояса, фиксируясь при помощи прорезей в нем (рис. 2 – 1).

Вероятно, к стрелковому поясу могли также относиться железные бляхи-накладки, фиксируемые у скелета № 2. Поскольку мелкие изделия, как отмечал А.П. Уманский [1974, с. 145], были сильно потревожены грызунами, не исключено, что одна из них изначально крепилась к поясу первого погребенного. Рассматриваемое изделие прямоугольно абриса (рис. 1 – 9). По одному длинному краю читается обломленный выступ, расположенный под острым углом относительно щитка, вероятно, остаток петли. К ней присоединялся ремешок от налучья. К ремню бляшка крепилась при помощи трех шпеньков (рис. 2 – 1). Аналогичное изделие могло использоваться для крепления колчана.

Оружие ближнего боя, относящееся к скелету № 1 включает меч и боевой нож.

Меч однолезвийный, с окончанием в виде полусегмента и прямой рукоятью. Перекрестие у данного экземпляра отсутствует, а навершие изготовлено из камня и имеет форму диска (рис. 1 – 1-2) [Горбунов В.В., 2006, с. 59; Уманский А.П., 1974, рис. 5 – 1]. В погребении меч располагался следующим образом: по диагонали от правой кисти (возле нее находилась рукоять) к левым берцовым костям [Уманский А.П., 1974, с. 42, рис. 4 – 1]. Видимо, он был в «боевой» позиции, а не подвешенным в ножнах. На это, на наш взгляд, указывает близость рукояти к кисти, а также тяготение его к правому боку погребенного, тогда как длинноклинковое оружие носилось с левой стороны [Горбунов В.В., 2006, с. 74]. Помещался меч в ножны, о наличие которых свидетельствует скоба для их крепления, находившаяся под правой лопаткой скелета. Это дуговидно изогнутая пластина, снабженная отверстиями для крепления [Уманский А.П., 1974, с. 142, рис. 5 – 21]. Основа ножен была из дерева, поверх они могли обтягиваться кожей или обклеиваться берестой [Горбунов В.В., 2006, с. 73].

Нож имеет слегка выгнутую спинку, прямое лезвие и наклонную рукоять. Окончание его вогнуто-острое (рис. 1 – 3) [Горбунов В.В., 2006, с. 74; Уманский А.П., 1974, рис. 4 – 4; 5 – 3]. Он помещен в ножны, снабженные железной оковкой. В погребении изделие фиксировалось чуть выше таза, на уровне пояса, рукоятью вверх, в том положении, как носилось.

Клинковое оружие подвешивалось к основному поясу. К его деталям, найденным у скелета № 1, можно отнести бронзовую и железную пряжки (рис. 1 – 5, 8). Вероятно, к нему относится и часть блях-накладок с заклепками (рис. 1 – 6-7). Бронзовая пряжка была зафиксирована на поясничных позвонках. Изделие состоит из фигурной рамки с нанесенным на нее орнаментом и имеет подвижный язычок. Она использовалась для застегивания пояса и пришивалась к одному свободному концу ремня. Железная пряжка также найдена в районе пояса. Она включает овальную рамку с неподвижным язычком, которая обхватывалась пяти-

угольной обоймой. Обойма крепилась к поясу при помощи заклепки. Это изделие могло предназначаться для пристегивания ножен. Один конец портупейного ремня пропущался через рамку и фиксировался при помощи язычка, который продевался в прорезанные на нем отверстия (рис. 2 – 2). Вторым концом пропущался через скобу на ножнах и затем также крепился к поясу. Ножны не были жестко зафиксированы и перемещались по портупейному ремню. Бляхи-накладки располагались, на поясе спереди, закрепляясь при помощи заклепок, и использовались для подвешивания ножа: к ним присоединялись ремешки, которые затем пропущались через железную оковку на его ножнах (рис. 2 – 2).

У правых берцовых костей скелета № 1 находились железные кольчато-крюковые удила (рис. 1 – 4). Они имеют стержневидные грызла, внешние концы которых оформлены в виде колец, а внутренние загнуты в виде крюка. На одном из внешних колец сохранилась обойма для повода. Данная находка указывает на то, что погребенный являлся конным воином, поэтому отдельно остановимся на конструкции узды и седла. Первая в то время, судя по западным аналогиям, включала следующие ремни: налобный, суголовный подбородный и наносный [Засецкая И.П., 1994, с. 43]. Седло, в свою очередь, исходя из материалов с других территорий, имело жесткую конструкцию, с выраженными передней и задней луками [Засецкая И.П., 1994, с. 49]. Крепилось оно при помощи подпружного, подхвостного и нагрудного ремней [Никоноров В.П., 2002, с. 21].

Проведенная работа позволила более полно использовать материалы, происходящие из рассматриваемого погребения и создать на их основе графическую реконструкцию воина одинцовской культуры. На ней представлен один из возможных комплектов средневооруженного всадника сошниковского этапа (рис. 3). Важным с точки зрения достоверности является то, что в основе реконструкции лежат материалы одного закрытого комплекса. Выбранный ракурс позволяет наиболее выгодно показать основные виды защитного и наступательного вооружения. В тоже время, от зрителя полностью скрыт наспинник панциря. Кроме того, за рамками исследования остался не менее интересный по своему составу комплект, относящийся к скелету № 2. Следовательно, автором планируется дальнейший подробный анализ материалов рассматриваемого погребения.

Библиографический список

1. Горбунов В.В. Панцирь из Татарских Могил (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 62-78.
2. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н.э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
3. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: «Эллипс. Лтд», 1994. 224 с.
4. Никоноров В.П. К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 21-27.
5. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. № 9. С. 82-91.
6. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып.4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Изд-во «Наука». Сибирское отделение, 1974. С. 136-149.
7. Уманский А.П., Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов верхнеобского правобережья в IV–V вв. н.э. // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 161-165.

УДК 902/904

Кунгуров Владимир Артурович

Старший научный сотрудник ООО «Сибарс», Россия

656010, Барнаул, а/я 3004

huklop@mail.ru

Кунгурова Наталья Юрьевна

Кандидат исторических наук, директор ООО «Сибарс», Россия

656010, Барнаул, а/я 3004

kungurova@mail.ru

НЕКРОПОЛЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. В БАССЕЙНЕ Р. КАН

Аннотация. Область расположения могильника находится на северо-восточной периферии распространения аскизской культуры перв. пол. II тыс. н.э. Могильник включает сожжения вещей и грунтовые погребения. В отличие от ранее охарактеризованных И.Л. Кызласовым могильников Минусинской котловины и Саян, здесь совершенно отсутствуют надмогильные сооружения, при этом сохраняется богатая самобытность кыргызской культуры, вобравшей в себя разнообразие элементов культур I, II тыс. н.э.

Ключевые слова: грунтовые погребения; тайники; кремация; ингумация; трупоположения; разноэтническое население; аскизская культура; лесостепь; лепная керамика.

Kungurov Vladimir Arturovich

Senior Researcher of Ltd. «Sibars»,

656010, Barnaul, PO Box 3004

Kungurova Natalya Yurievna

Candidate of Historical Sciences

Director of Ltd. «Sibars»,

656010, Barnaul, PO Box 3004

NECROPOLIS OF THE FIRST HALF OF THE II MILLENIUM AD FROM THE KAN RIVER BASIN

Abstract. The cemetery location is on the northeastern periphery of the Asciz culture in the first half of the II millennium AD. The burial ground includes the burning of things and earth graves. In contrast to the previously characterized I.L. Kyzlasov burial grounds of the Minusinsk hollow and Sayan mountains, there are absolutely no gravestones. At the same time, the rich identity of Kyrgyz culture is preserved, which absorbed a variety of cultural elements of the I, II millennium AD.

Keywords: ground burials; hiding places; cremation; inhumation; heterogeneous population; Asciz culture; forest-steppe; coiling pottery.

Постановка проблемы

Аскизская культура известна по захоронениям, распространённым в Минусинской котловине и Саянским нагорьям в правобережье и левобережье Енисея. По результатам исследований, в область распространения культуры были включены разнородные по этническому составу группы, вобравшие традиции предшествующих археологических культур, с прочны-

ми внесениями инноваций тюркского мира, и получивших новое лицо в среде влияния Монгольской империи и отчуждения Китая. Аскизское население было вовлечено в события XIII века, при этом оставалось независимым (автономным) в составе Великой Монгольской империи. На обширных пространствах Минусинской котловины и Алтае-Саянских нагорий полтора тысячелетия существовал культурный конгломерат, объединявший группы населения с единой материальной культурой. И.Л. Кызласов систематизировал материалы из раскопок Л.Р. Кызласова, также М.П. Грязнова, Я.И. Сунчугашева, Я.А. Шера, А.И. Кулемзина из могильников Минусинской котловины и нагорий Саяна (из более чем 140 погребальных аскизских комплексов) и, проделав основательный типологический анализ предметов, пришёл к выводу об этапах аскизской культуры, охватывающих X – XIV вв. (малиновского и каменского этапов) и о стабильности материальной культуры в условиях политических перемен и демографических преобразований [Кызласов И.Л., 1983]. Если по письменным источникам были известны сведения, касающиеся политики отношений улуса Джучи и империи Юань с кыргызским каганатом в период до конца XIII века (1295 г.) [Бутанаев В.Я. и др., 2000], то ситуация, касающаяся групп населения в XIII – XIV веках, проживавших на северной периферии каганата – в лесостепных и лесных зонах к северо-востоку от основного этнического центра, не известна. В красноярско-канском регионе археологические материалы представлены в основном локальными находками у г. Красноярска и ниже его по Енисею, и в левобережье р. Кан, и в связи с отсутствием курганов и выкладок, грунтовые могильники не были известны и не исследованы. Для этих территорий существовала характерная как для таштыкской, так и для аскизской культур тенденция оставлять захоронения – зольники и ингумированные погребения, размещённые на горных склонах и в лесах, выявить которые по ландшафтно-растительным признакам не возможно. В последнее время они, как это ни парадоксально, обнаружены не археологами, а любителями поиска и случайными лицами.

Могильник, описание объектов

Один из некрополей северо-восточной периферии аскизской культуры в её Красноярско-Канском регионе (Канский административный район) был обнаружен по следам разрушений, исследовался в 2017 г. экспедицией ООО «СИБАРС», и назван Краснополянским грунтовым могильником (по постановке на учёт – ВОАН Краснополянск. Грунтовой могильник-1). В течение нескольких лет на территории Краснополянского могильника проводилась распашка, в ходе которой выворачивались на поверхность предметы: железные удила, стрелы, нашивки, тёсла, ножи, наконечники стрел. В ближайшее десятилетие местные охотники и грибники заинтересованно подкапывались в местах залегания «торчащих» вещей. Сами предметы оказались у находчиков из ближайших посёлков, передавались другим, при этом в музеях их не брали, ссылаясь на сомнительность обнаружения. В общей сложности на территории могильника мы зафиксировали более 30 мест прокопов с выкидами, находящихся в основном в густом лесу, часть из которых была нами осмотрена. Среди разрушений обнаружены четыре ямы с вынутыми костями людей. Основная часть ямок представляла собой тайники–зольники с захоронениями предметов, унесённых находчиками.

Могильник занимает верхний склоновый участок высокой гряды в области островного лиственного леса и его окраины. Высота его над уровнем подножия и поймы левобережья р. Кан – 100-120 м. Длина могильника достигает 0,44 км, ширина – 0,25 км. Большая часть могильника в 4,6 га занята берёзовым лесом.

Тайники – захоронения предметов.

Из 27 прокопов в лесу были исследованы четыре ямки–зольника. Их выкиды содержали пепел, оранжевую почву. На глубине 0,30 м от поверхности в светлом суглинке, под гумусом находилась оранжевая прокалённая глина мощностью до 0,04-0,05 м планиграфически образующая овальное или размытое подквадратное пятно. В одной из ямок (№ 25), как сообщают находчики, на глубине 0,35-0,40 м находилась большая закладка вещей. Удалось зафиксировать только серый пепел, остатки мелкого древесного угля и слабый оранжевый

прокал, распространённый до основания дёрна, общей мощностью – 0,20 м. В яме диаметром до 0,35 м попадались мелкие фрагменты сожженных неопределимых костей. В неё были вложены сабля в преднамеренно скрученном виде, остатки ножен, наконечники стрел – на дне плашмя. Яму заполняли окантовки седла, изогнутые под воздействием высокой температуры, предметы сбруи и металлические седельные крепления – пробои. Размеры ямы зольника: 0,35x0,35 м, в объёме которой уместились плотно «упакованные» выше названные артефакты. В другой ямке (№ 23) найдены только следы пепла и уголь. В ней была помещена костяная рукоять плети и железные остатки конской сбруи. Кость не была повреждена огнём при том, что железо несёт на себе красноватый прокал. Одна ямка (№ 26) на глубине 0,3 м от современной поверхности на уровне суглинка содержала овальное оранжевое пятно диаметром до 0,20 м, окружённое сгоревшими остатками прямоугольной рамки со сторонами 0,35 м, толщиной в 1,2-2 см. Точный набор и вид предметов в каждой из ямок не установлен, какие-либо остатки предметов в ямах не найдены. По словам рассказчиков, в ямках находили стремяна с удилами, украшения сбруи, в одной из ямок – «связку» наконечников стрел. Большинство предметов удалось прорисовать по фотографиям и частным коллекциям. Судя по увиденным предметам, металлические изделия были прокалены до красного нагара и очень хорошо сохранились.

Погребения способом ингумации найдены на окраине леса – поле. Исследованы два участка, содержавшие разрытые могилы. На одном участке выявлены мужское (№ 1) и женское (№ 2) захоронения, также и на другом – женское (№ 3) и мужское (№ 4) погребения, располагавшиеся рядом друг с другом (рис. 1). Могильные ямы прослеживались под гумусом в суглинке на глубине 0,20-0,25 м от поверхности. Поверхность над ними распахивалась, и лемехом были повреждены верхние перекрытия ям, иногда предметы. Все погребения преимущественно ориентированы головой на восток, либо со слабым отклонением (мужское), и одно, мужское погребение, – на северо-восток. Все – с одинаковым устройством прямоугольной обкладки ложа и двух берестяных или тонких древесных настилов: верхний настил, как правило, сожжён. Под верхним настилом наблюдается слой светлого суглинка, закрывавший погребение. Дно могилы простилалось тонкой древесиной (корой, берестой?). Женские погребения были подвержены кремации, мужские – не тронуты огнём за исключением верхнего перекрытия – настила. Близкую тенденцию расположения наслоений перекрытий и обкладок ложа, использование кремации можно видеть в одиночных познеташтыкских захоронениях.

Мужское погребение № 1 (рис. 2) было разрыто поисковиками, оставившими яму не закопанной с выброшенными из неё черепом и костями грудинно-плечевого отдела.

Яма могилы № 1 прямоугольной формы размерами 2x0,6 м, её дно – на глубине 0,7 м. Яма ориентирована ССВ-ЮЮЗ. Скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками головой на северо-северо-восток, кости не подвергались кремации. Вдоль длинных сторон, а также под длинными костями прослеживались остатки тонкой сожженной древесины и угля, локальных заполнений прокалённой глины. Каких-либо древесных перекрытий и конструкций не сохранилось. В заполнении перекрытий погребения отмечена слоистость: на глубине 0,25 м от поверхности распространялся оранжевый слой прокала толщиной до 5 см, ниже его залегал суглинок, которым был присыпан скелет. На уровне погребального ложа прослеживались остатки продольных древесных плах и тонкого настила. От вещей остались сильно окисленные железные пластины, украшавшие пояс. Одна из них по краю оформлена цепочкой тисненых перл (рис. 5 – 20). Подобная техника хорошо отражена на украшениях с Усть-Алейки-5, Кудыргэ [Тишкин А.А., 2007, рис.1 – 1, 2] Алтая. Во всех случаях использовалась техника выдавливания тонкого листового металла. Пластины блях соединялись с поясом методом клёпки. Под левой локтевой костью находился обломок железного ножа, рядом в стороне – железная вилка, гвоздь, металлическая прямоугольная петля.

Женское погребение № 2 (рис. 3). Располагалось в 2 м севернее могилы № 1. Яма с заполнением обнаружена на глубине 0,2 м от поверхности: это овальное пятно с прямыми продольными стенками и оранжевой внешней окантовкой, ориентированное осью запад – восток

с незначительным отклонением. Размеры пятна 1,4x0,5 м к дну – 1,8x0,65 м. Верхний уровень ямы был простелен тонким древесным слоем, в котором повсюду присутствовали фрагменты сгоревшей бересты толщиной до 3 мм. Слой толщиной до 10-15 см перекрытия определялся оранжевым прокалённым суглинком с чёрной угольной массой, наиболее плотной в середине ямы. Под прокалом верхнего перекрытия лежал чистый суглинок мощностью до 20 см, под ним – находился скелет и выгоревшее погребальное ложе. Погребальное ложе представляло собой прямоугольный «ящик» с боковыми деревянными обкладками. Конструкция сгорела, в результате чего сохранились: поперечное дерево в изголовье диаметром до 15 см. Хорошо сохранилась северная сторона обкладки могилы, состоявшая из жжёного дерева (либо сложенных друг на друга стволов) с общей высотой до 30 см, шириной – до 15 см. С обеих сторон ложа сохранились остатки несгоревшей древесины с расщепившимися продольными волокнами. Скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, затылочная часть черепа упиралась в деревянную «подушку» и приподнята. Длина скелета – 1,7 м. Кости сильно сожжены и при зачистке трескались и распадались. При этом отмечено, что швы черепа не заросли, крайние коренные зубы отсутствовали. Ориентация погребения – головой на восток, лицом на запад. Нижняя часть скелета прикрыта тонкой рыхлой массой обугленной органики. Между ног до щиколоток, на тазовых костях и рёбрах попадались фрагменты сожженной тонкой ткани (шёлк?). Рукава «платья» были вышиты мелким голубым бисером (рис. 3), в вышивке которого прослеживались петельчатые и строчные низки. Приём украшения петлями из низанного бисера известен у этнографических кыргызов и уйгуров. Часть бисера раскрошилось под воздействием высокой температуры, превратившись в порошок. На правой лопатке лежало разомкнутое кольцо (либо обойма?) с узким уплощённым щитком. Под правой локтевой костью и запястьем находилась железная вилочка. Под левой рукой лежал длинный железный нож – клинок длиной 24,5 см, короткий нож длиной 16,5 см находился также слева – на деревянной обкладке могилы (рис. 5 – 17, 18).

За деревянной обкладкой рядом с правым локтём был прикопан тайник с двумя поставленными на подножку стремянами (рис. 13 – 3, 4) и уздой (псалями и кольцами). Тут же, и в области досок, обнаружены седельные пробойные крепления.

Женское погребение № 3 (рис. 4 – 1) было потревожено грабительскими раскопами. Могильная яма, заполненная углем и оранжевым прокалённым суглинком, найдена на глубине – 0,25 м от современной поверхности под слоем гумуса и распашки. Яма прямоугольной формы длиной 1,95 м, шириной – 0,58-0,6 м, ориентирована осью запад – восток, её стенки выложены узкими брёвнами диаметром до 10 см. Погребение сверху было накрыто сгоревшими листьями бересты и тонкого дерева. Послойная расчистка установила, что погребённая была укрыта берестой, затем засыпана слоем чистого суглинка мощностью до 10-20 см, затем яма вновь была выстлана берестой или тонкими листьями древесины, подвергшимися сожжению. Сверху на настил, в восточной части над головой был поставлен вверх дном керамический сосуд – горшок (рис. 7 – 1). Дно горшка было снесено распашкой.

Скелет лежал вытянуто на спине головой на восток, череп повернут на право, раздавлен, швы не сросшиеся, коренные зубы не полностью сформировались. Поясная часть скелета и кости голени разрушены двумя ямами и выброшены из могилы современными грабителями. Поясные украшения и сопроводительные вещи (возможно, стремяна, удила и крепления) были вынуты грабителями – в центральной грабительской яме обнаружена бронзовая поясная стреловидная накладка (рис. 5 – 5). От ног остались нетронутыми бедренные кости и кости стоп. Общая длина скелета – 1,7 м. Сохранность костей – плохая в результате интенсивной кремации. Покойная была уложена на тонкий древесный настил (до 0,5 см толщиной), сохранились фрагменты сожженной бересты. Глубина дна с настилом – 0,58 м от поверхности. Везде в области таза и бедренных костей обнаружены мелкие фрагменты сожженной тонкой ткани одежды (шёлк?), как и в женской могиле № 2. Ткань подола длинного платья покрывала брёвна боковых обкладок погребения, и тлен её выделялся в области скелета, под ним и рядом более тёмным цветом и структурой, содержащей взаимно перпендикулярную структуру тончайших нитей. В погребении найдены вещи: на черепе сохранился

смятый берестяной цилиндрический футляр головного убора – бокка, слева – между черепом и футляром, лежала серьга – кольцо со скрученным креплением с пастовой круглой бусиной (рис. 5 – 3). Искошенные пастовые бусины находились в основании футляра бокка. Рядом с серьгой и черепом найден мелкий фрагмент бронзового накладного гравированного украшения – части серьги (рис. 5 – 9). Его фрагменты собраны также между бедренных костей – тазом. Рядом с правым виском найдено тонкое костяное жжёное плоское кольцо с прочерченным орнаментом, рядом разбросаны остатки аналогичных колец, сломанная костяная заколка–копоушка с таким же орнаментом (рис. 5 – 10). На правой лопатке лежало бронзовое разомкнутое кольцо (обойма) с плоским щитком (рис. 5 – 4). С внутренней стороны левой бедренной кости находился железный нож и двузубая вилка (рис. 5 – 1, 2).

Мужское погребение № 4 (рис. 4 – 2).

Яма заполнения погребения выявлена в суглинке на глубине – 0,30-0,33 м от современной поверхности под слоем гумуса и распашки. Верхнее заполнение могильной ямы – тонкий слой обугленного древесного настила с фрагментами бересты и оранжевый проквал мощностью – 3 см. Могильная яма прямоугольной формы длиной 2,05 м, шириной – 0,55 м, ориентирована длинной осью запад – восток. Стенки ямы прямые, вертикальные, прямые углы. В западной части находилась грабительская яма, в выбросе которой нами обнаружены коленная кость и фрагменты стопы, берцовая кость. Под ней – железная пряжка с вращающимся язычком от конской узды. Однако, как оказалось, вглубь грабитель не докопался, и сохранился тайник со стремями и удилами на глубине – 0,85 м от современной поверхности и от 0. В заполнении могилы, также, как и в предыдущих погребениях, прослеживалась слоистость, состоящая из верхнего сгоревшего настила, слоя чистого суглинка мощностью 0,17-0,20 м, которым был засыпан покойный. Скелет лежал на глубине – 0,42-0,60 м в анатомическом порядке вытянуто на спине головой на восток, лицом на запад, руки вытянуты вдоль тела. Длина скелета – 1,85 м. Голова находилась в приподнятом со стороны затылка положении, упиралась в деревянную «подушку». Дерево в изголовье сохранилось плохо – в виде продольных волокон и сплошного коричневого тлена. Кости скелета хорошей сохранности: крупные плотные кости конечностей, мощные – широкие ключицы. Швы черепных пластин полностью срослись, зубные ряды полностью сформированы – целые без разрушений эмали. В Алтайском краевом бюро судебно-медицинской экспертизы была проведена графическая реконструкция лица, свидетельствующая о принадлежности к европеоидному типу. Скелет не был подвержен кремации и сохранился полностью. Судя по фрагментам слабого и тонкого древесного тлена, покойный был уложен на какой-то органический настил. По краям погребения слабо видны тонкие вмазки древесного тлена (ветки, береста?) – конструкция не сохранилась. Ниже скелета находился светлый чистый суглинок.

В погребении находился сопроводительный инвентарь.

На левой плечевой кости лежала «связка» из 10 плоских железных наконечников стрел с костяными свистунками (рис. 7 – 2; 8 – 1-12). Признаки берестяного колчана не выявлены. В районе кисти правой руки находился длинный железный нож, с внутренней стороны левой локтевой кости лежал такой же, но короткий нож (рис. 8 – 13, 14); рядом с левой бедренной костью находилась двузубая железная вилка; между ног располагались железные ременные пряжки с вращающимся язычком и петельчатые крепления.

Слева у стоп находилась яма–тайник 25 x 30 см. Её дно на глубине – 0,85 м (глубина от уровня ложа погребения – 0,20 м. В яме лежали железные стремяна, под ними – витые псалы с кольцами (рис. 6 – 1, 3).

Предметы из погребений

1. Берестяной чехол бокка из погребения № 3 (рис. 7 – 1, 3) вплотную примыкал к затылку черепа женщины, его длина 30-32 см (диаметр – 10,2 см), высота 17 см. Чехол сделан из прямоугольного куска бересты. Внутри чехла у основания находилась спёкшаяся чёрная ворсовая органика с остатками пастовых бусин. Подобные чехлы (накосники) характерны

для женских причёсок таштыкской эпохи, найдены в погребениях и склепах III – VI вв. Э.Б. Вадецкая дала им подробную характеристику [Вадецкая Э.Б., 1999, с. 49-54], указав высоту 9,5-12 см, диаметр до 7,5-8,5 см «накосников» найденных в могильниках Оглахты I, у д. Комарковой, Красная Грива, Копи, Тепсей III [Вадецкая Э.Б., 1999, рис. 27]. Такой головной убор – бокка известен на миниатюрах и фресках XIII – XIV вв. в Монголии, Турфане, в погребениях Восточного Казахстана, Поволжья, Алтая [Хасенова Б.М., с. 449-452, рис. 2; Пилипенко С.А., 2007, с. 131] в период Золотой Орды. Отмечается, что бокка сопровождается подвесками из бересты и бусинами. С.А. Пилипенко отмечает, что ленты подвязок бока украшались берестяными украшениями, наклепленными на ленты. Не исключено, что встреченные кружочки из тонкой кости или бересты были такими украшениями.

2. Костяная заколка с окончанием в виде ложечки, могла использоваться и как копушка, лежала в районе головы, была сожжена и фрагментирована. Длина сохранённых частей – до 8,3 см – 12 см, диаметр – 0,4 см. На ней были нанесены пояски прочерченного орнамента – линии, сетка. Аналогичная заколка найдена в женском погребении Часовенной горы [Савинов Д.Г., 1990, рис. 1 – 6].

3. Окончание остриевой части костяной заколки диаметром 0,6 см найдено в мужском погребении № 4 (рис. 8 – 18), что не исключает использование её для волос.

4. Костяные (берестяные?) кружочки – целый и фрагментированный (рис. 5 – 6-8), а также фрагмент сдвоенного изделия также в районе головы и заколки в могиле женщины. Диаметр первых двух – 2 см, сдвоенных – 1,5 см и 1,8 см, ширина – 3 мм, толщина – 1 мм. На целом предмете видны точечные ямки и прочерченная сетка.

5. Бусины бисера из женских погребений № 2 и № 3 диаметром от 2 мм до 6 мм. Крупные бусины использованы для серьги и в вышивке. В вышивке в основном использовался мелкий голубой бисер (рис. 3).

6. Ножи железные с черешком. Найдены в женских и мужских погребениях: под левой рукой, с левой стороны, рядом с обеими руками, с внутренней стороны левой ноги. Нож – клинок из женского погребения № 2 длиной 24,5 см (лезвие – 19,5 см), нож длиной 16,5 см (лезвие – 13,5 см) (рис. 5 – 17, 18): оба одинаковой формы с вогнутой причерешковой частью лезвия и бородкой на обушковой стороне, так называемые «тюркские ножи-клинки». Аналогичная форма ножа из женского погребения № 3 (рис. 5 – 1). Его длина – 18 см, лезвия – 14 см. Ножи из мужского погребения № 4 одинаковой прямой формы с поперечной пластиной упора, но разной длины (рис. 8 – 13, 14). При том, отмечаются преднамеренные поломки: у одного обломано острие (на 2 см) и черешок, у другого – скручено острие. Длины ножей – 14 см с лезвием 11,5 см, 14,5 с лезвием – 14(16 см) (концы обломаны). Ножи подобных форм появились в тюркское время и существовали в течение средневековья.

7. Вилки железные с коротким черешком найдены во всех погребениях (рис. 5 – 2, 16; 8 – 15), и все идентичны. У женщины из погребения № 2 вилка лежала около правой руки, в остальных – в левой половине рядом с бедром. В погребениях № 1, № 2, № 3 вилки мелкие длиной до 6 см, 7,5-7,7 см, имеют шейку и круглый, либо уплощённый перехват. Вилка из погребения № 4 длиной 12,8 см с шейкой и уплощённым перехватом овальной формы. В опубликованных материалах аскизской культуры вилки имеют цельные ручки с упором [Кызласов И.Л., 1983, табл. XXIII – 20-22].

8. Серьги найдены в женских погребениях № 2 и № 3 – по одной в каждом (рис. 5 – 3, 15). Серьги сделаны из бронзовой проволоки, согнутой кольцом диаметром 2,5 см. На отогнутом штырьке закреплена крупная пастовая бусина, либо две.

9. Наконечники стрел находились в мужском погребении № 2, их 10 шт. (рис. 8 – 1-12): это в основном крупные плоские черешковые наконечники: острие четырёхгранное длиной 10,5 см, с двумя короткими лопастями черешковое – 1 шт.; плоские широкие (шириной 3,6-3,8 см, 4,1 см, длиной 9,5 см, 10,3 см, 9,7 см) наконечники со свистунками – 3 шт., плоские долотовидные и ромбические – 4 шт. длиной см, 7,3 см, шириной – 2,5 см, 2 см; плоские примитивные листовые – 2 шт.; костяные свистунки 4 шт. с отверстиями и без отверстий; из них 2 шт. – с поперечными резными линиями. Наконечники относятся к монгольскому периоду.

10. Крепления-пробой с кольцом, с фигурной – четырёхлепестковой, гербовидной, либо прямоугольной подложкой, их называют седельными бляхами и пробоями. Кольца диаметром – 2,5-2,7 см, 3 см, мелкие – до 1,5 см. Встречены во всех погребениях № 1, № 2, № 4 в наборе с конской уздой: стременами, удилами, ременными пряжками (рис. 5 – 11-13, 23; 6 – 5-9). При этом деревянные фрагменты седла и оковок не встречены. Детали характерны для аскизского инвентаря XIII – XIV вв.

11. Пряжки уздечных ремней стандартны – имеют прямоугольные рамки с подвижным язычком. В погребении № 4 подпружная пряжка длиной 4,7 см, шириной – 3 см, с внутренним проходом для ремня – 2,3 см. Другая уздечная пряжка вытянутая прямоугольно-овальная длиной 4 см для ремня шириной до 1,5 см (рис. 8 – 16, 17). Аналогичная первой пряжка шириной до 1,3 см длиной 4 см найдена в женском погребении № 2 (рис. 5 – 19).

12. Удила с подвижными кольцами (рис. 6 – 3, 4), с витым и круглым в сечении грызлами (2 шт.) в погребении № 4 имеют длину – 10 см и 11,2 см, диаметр – 0,9 см, диаметр колец – 4,5-5 см. Аналогичные по параметрам, составу удила с кольцами находились в женском погребении № 2. Из мужского погребения № 1 набор всадника был вытаскен охотниками. Остались только два седельных крепления – пробоя, соединительное кольцо диаметром до 3 см и жёсткая прямоугольная петля. Упоровые удила с кольчатыми псалиями характерны для монгольского времени, но не являются аскизской особенностью.

13. Стремена в женском погребении № 2 и мужском погребении № 4 – аналогичны друг другу (рис. 6 – 1, 2): с арочной дужкой и врезным прямоугольным отверстием для ремня. Параметры: высота 13 см, 13,4 см; ширина – 13 см; ширина подножки – 5,5 см. Аналогичное стремя найдено в пахоте. Особенности формы стремян характерны для монгольского времени. Пара стремян найдена в погребении № 2 (рис. 13 – 3, 4): одно стремя округлой формы с петлевидным отверстием для ремня, другое – также – с округлыми дужками и рамчатой планкой на шейке и выделенными бортиками с прямоугольным отверстием для путлища. Стремена имеют узкую выпуклую подножку шириной до 2,5 см. Ширина одного стремени – 11,5 см, другого – 13 см, высота внутренней части без петли одинакова – 10 см. Стремена аналогичных форм находили в ямке зольника в лесу и в пахоте.

14. В женском погребении № 3 найден лепной керамический горшок с орнаментом: вдавлениями по краю венчика, ямками и нарезными штрихами по горлышку, круглыми точечными заполнениями по плечикам. Диаметр венчика – 21 см (рис. 7 – 1).

Предметы из зольников и тайников

1. Наконечники стрел железные представлены 12 видами плоских и трёхлопастных категорий. В систематизации видов будем придерживаться типологии наконечников стрел, предложенной А.Ф. Медведевым [1966].

Плоские:

1. Срезни в виде узких длинных лопаточек 5 шт. (рис. 10): 2 – с овальным острием, 3 – с прямоугольным и остроугольным острием; длина 10,5-13 см, ширина пера – от 2 до 2,3 см; пропорции пера 1:2,7 – 1:3,3, в среднем 1:3;

2. Двурогие срезни (рис. 10): а. 2 шт. – широкие низкие с поперечным лезвием, длиной 12 см, 13,6 см, пропорции 1:0,6; б. 2 шт. – с треугольным пером и глубокой выемкой и скошенными остриями, длиной 11,9 см и 15,7 см, пропорции пера 1:1,3;

3. Пятиугольные срезни – 3 шт., длина 10,9 см, 12,9 см, 15,2 см; пропорции пера 1:1,3;

4. Килевидные: а. килевидный плоский с укороченным пером и шейкой – 1 шт., длиной 12,5 см; пропорции пера 1:2,8.; б. мелкий килевидный плоский с длинной шейкой, длиной 11,5 см, пропорции 1:4,8;

5. Килевидные мелкие трёхлопастные без выделенной шейки – 10, длина от 6,8 до 9,5 см, пропорции пера 1: 2,3 – 1:2,8., из них один – крупный с двумя круглыми отверстиями, пропорции: 1:3.

6. Долотовидные мелкие (утрированные) плоские с поперечным лезвием – 3 шт. длиной 6,3 см, 7 см, пропорции пера 1:1, 1:2,5, 1:3;
7. Боеголовковые плоские: а. с короткой головкой и длинной шейкой – 5 шт., длиной 7,5 см, 9 см, 9,6 см, 11 см; пропорции пера 1:3 – 1:4;
8. Веслообразные плоские мелкие – 2 шт. – без шейки, либо с короткой шейкой, длиной 7,5 см, 7,8 см; пропорции 1:3 – 1:3,3;
9. Фигурнолистные: плоский 1 шт. пропорции пера 1:2,8, и трёхлопастной 1 шт. с металлической свистункой и фигурными вырезами на лопастях, длиной 17,7 см; пропорции 1:2;
10. Трёхлопастные с вырезами на лопастях (рис. 9):
 - а. Широкие фигурнолистные с вырезами в виде лепестка – 6 шт., длиной от 11 см до 15 см, в среднем – 11 см и 12,5 см; пропорции пера 1:1,2 – 1:1,7; один из них – ближе к шатровой форме 12б.
 - б. Широкие пятиугольные с круглыми вырезами – 6 шт., длина от 9 до 12,7 см, пропорции пера 1:1,1; 1:1,3 – 1:1,4 (из них 1 – мелкий утрированный без вырезов длиной 7 см с пропорциями 1:1,2; 2 – малых пропорций);
11. Трёхлопастные вытянутые прямоугольные с круглыми отверстиями на лопастях – 6 шт., длиной от 8 см до 10,4 см, в основном – 9 см; пропорции 1:3,4 – 1:3,8, 1:4,6, в среднем – 1:3,7;
12. Трёхлопастные шатровой формы с вырезами на лопастях 2 шт.: а. 1 – с остроугольным острием и круглыми вырезами длиной 13,3 см, пропорции пера 1:1,4; б. 1 – с тупоугольным острием и фигурными бородками, с треугольными вырезами длиной 13 см, пропорции пера 1:1,2;

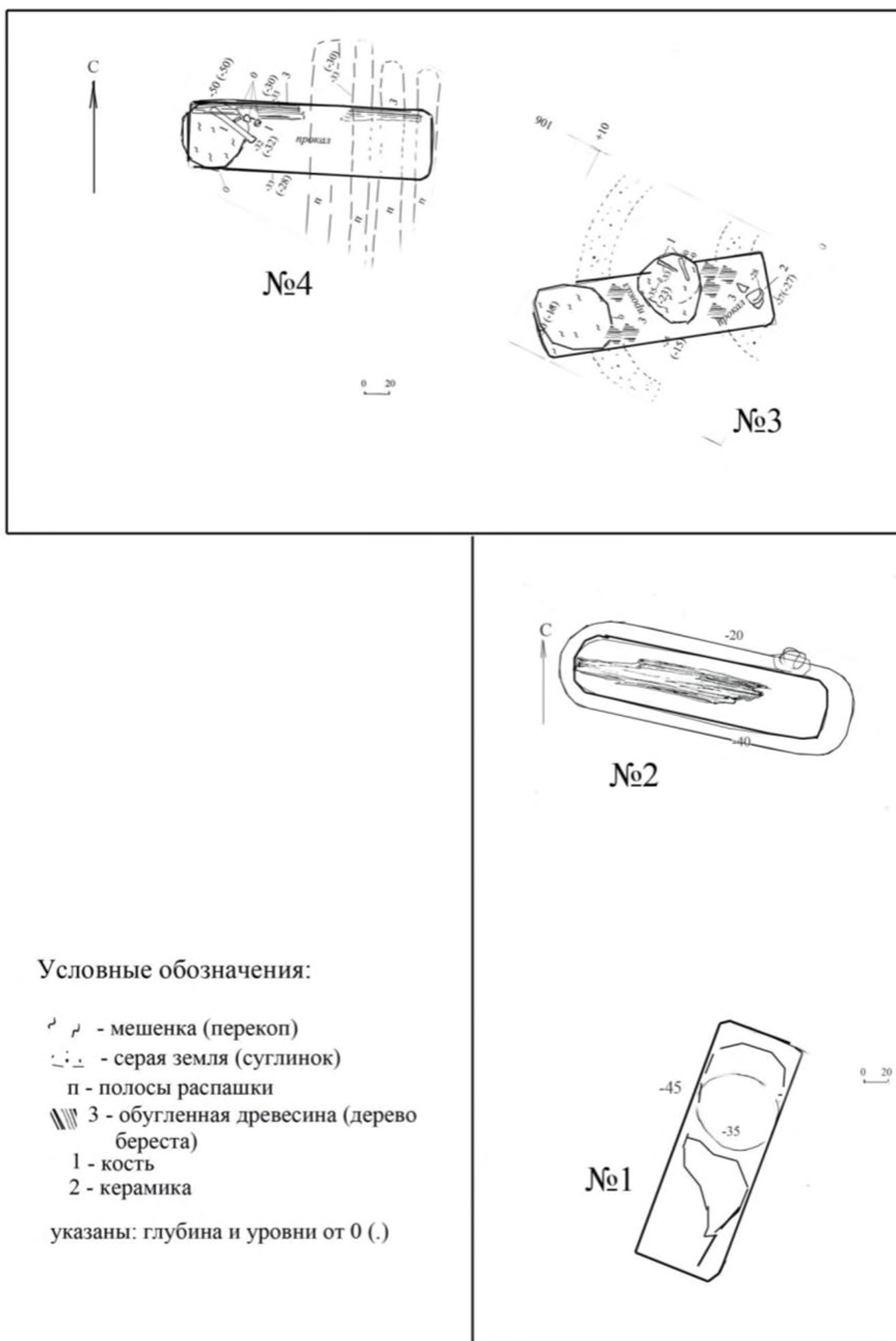
Наконечники имеют длинный черешок, пропорции пера от общей длины составляют 1:1,4 – 1:1,7 – 1:2,5 – 1:3,2 – 1:4. Самое короткое перо – у коротких срезной вида 2, наиболее длинное перо в отношении общей длины – у вида 11 и вида 1. Все наконечники имеют упор в виде уступа для древка.

Наконечники подобраны группами для каждой из ям–тайников. В одной из ям представлены наконечники видов: 5, 6, 10б, 11. В другой яме – наконечники 7, 8, 10а видов. В третьей яме – наконечники 1 – 4, 9 видов. В погребении № 4 – представлены разнообразные плоские наконечники, в большей части – в виде узкой лопаточки с прямоугольным острием и один – с прямым краем; два наконечника – фигурнолистной формы. Все наконечники характерны для монгольского времени.

II. Окантовки седла (рис. 11 – 3–9; 13 – 1).

Узкие рифлёные для окаймления и широкие металлические обивки, повторяют форму краёв седла, закреплялись насквозь короткими гвоздиками и через мелкие боковые петельки. Таким образом, ширина задней луки по форме окантовки – 15 см, высота – 8,5 см, ширина ленты окантовки – 0,8 см, без орнаментального оформления. Половинки передней луки с крыльями шириной 16 см, высотой 8 см, ленты окантовки шириной – 1 см. Этими лентами обивалась лука с двух сторон, между ними закреплялась узкая рифлёная полоса шириной – 0,4 см. Кроме этого были выпуклые обивки, закрепляющиеся гвоздиками с концов. По краю этих окантовок нанесено рифление, на других оформление отсутствует.

III. Сабля (рис. 11 – 1; рис. 14 – 3). В ямке № 25 находилась скрученная надвое сабля длиной 78 см, шириной лезвия – 2,8 см с черенком рукояти – 6 см, длиной лезвия – 71 см. Сабля прямой чуть изогнутой к острию формы и односторонней проковкой на конце. Черен имеет отверстие для крепления рукояти с заклёпкой. При переходе к перекрестию лезвие закреплено оковкой, спускающейся язычком. На сабле имеется съёмное овально-ромбическое перекрестие и сохранился хомут с петелькой от ножен. В этой же яме лежал металлический наконечник от ножен. Подобные сабли были распространены на широкой территории Хакасии, Горного Алтая, Тувы, Среднего Енисея с XII в. н.э. и использовались в монгольское время на территории тюркско-монгольского влияния [Худяков Ю.С., 1980, с. 42-43, табл. VIII, тип 1; Кызласов И.Л., 1983, с. 37, рис. 19 – 2,3].

Условные обозначения:

- ⤴ ⤵ - мешенка (перекоп)
- ⋯ - серая земля (суглинок)
- п - полосы распашки
- ▨ 3 - обугленная древесина (дерево береста)
- 1 - кость
- 2 - керамика

указаны: глубина и уровни от 0 (.)

Рис. 1. Грунтовый могильник Краснополянский-1.

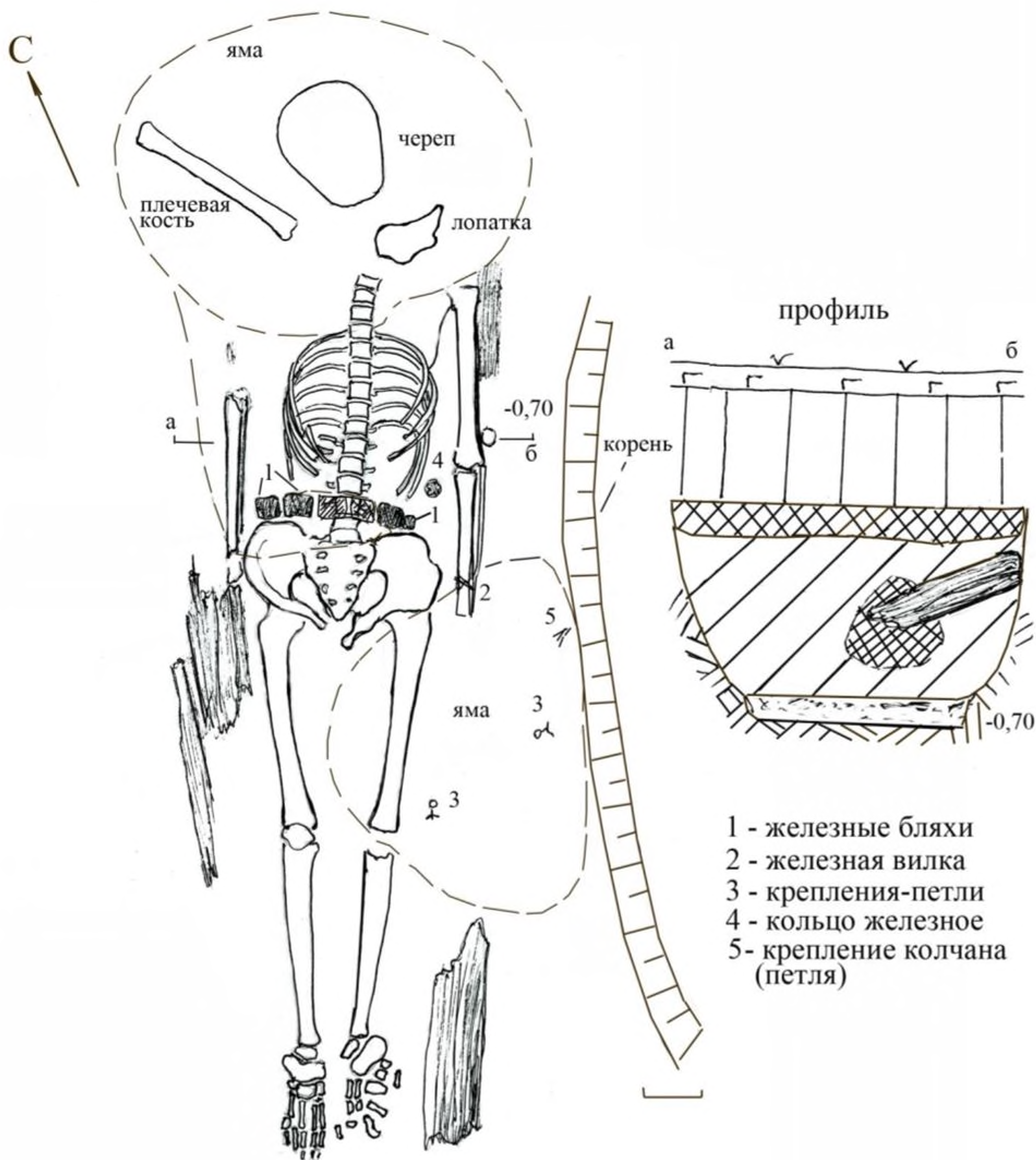

Рис. 2. Грунтовый могильник Краснополянский-1. Погребение № 1.

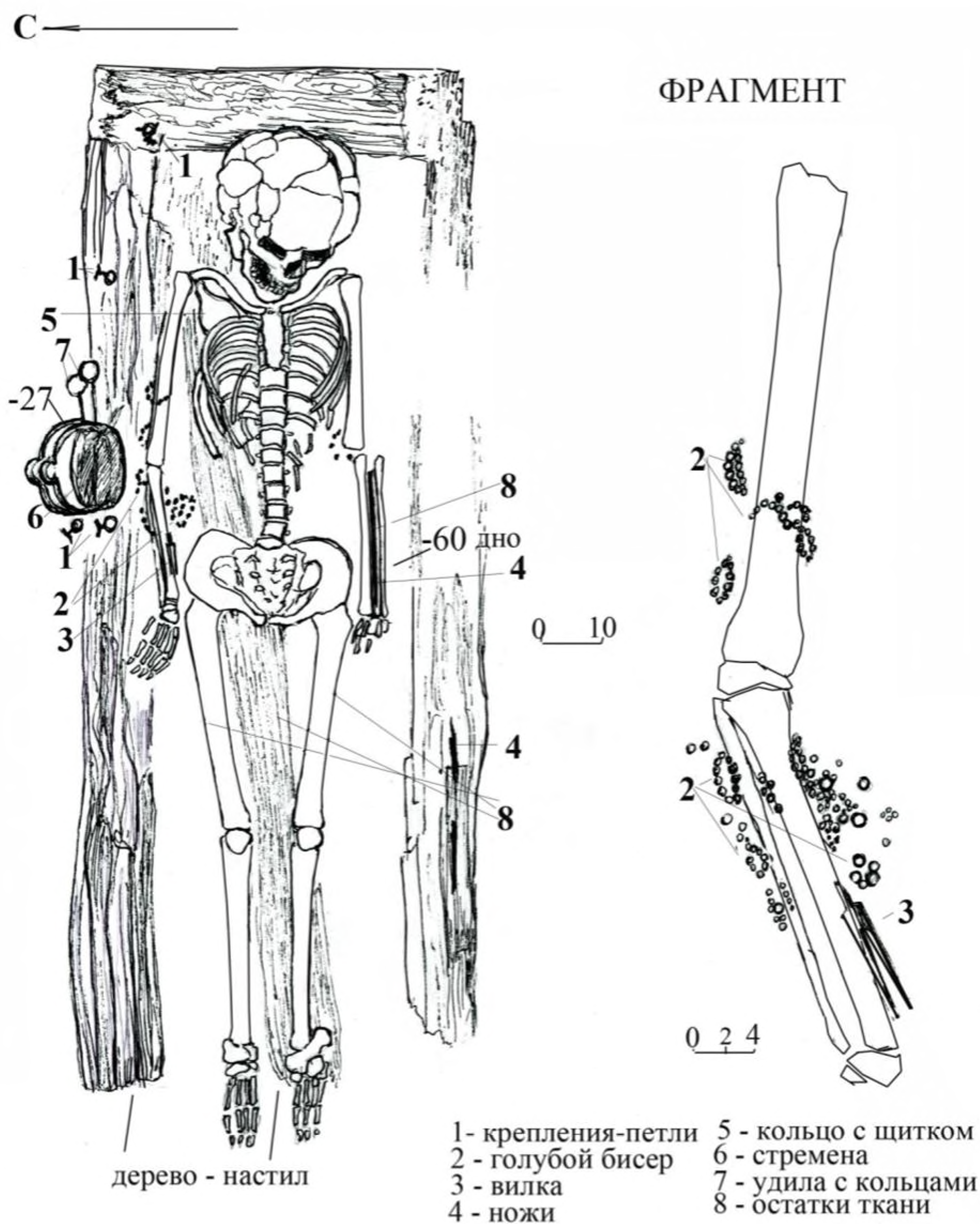

Рис. 3. Грунтовый могильник Краснополянский-1. Погребение № 2.

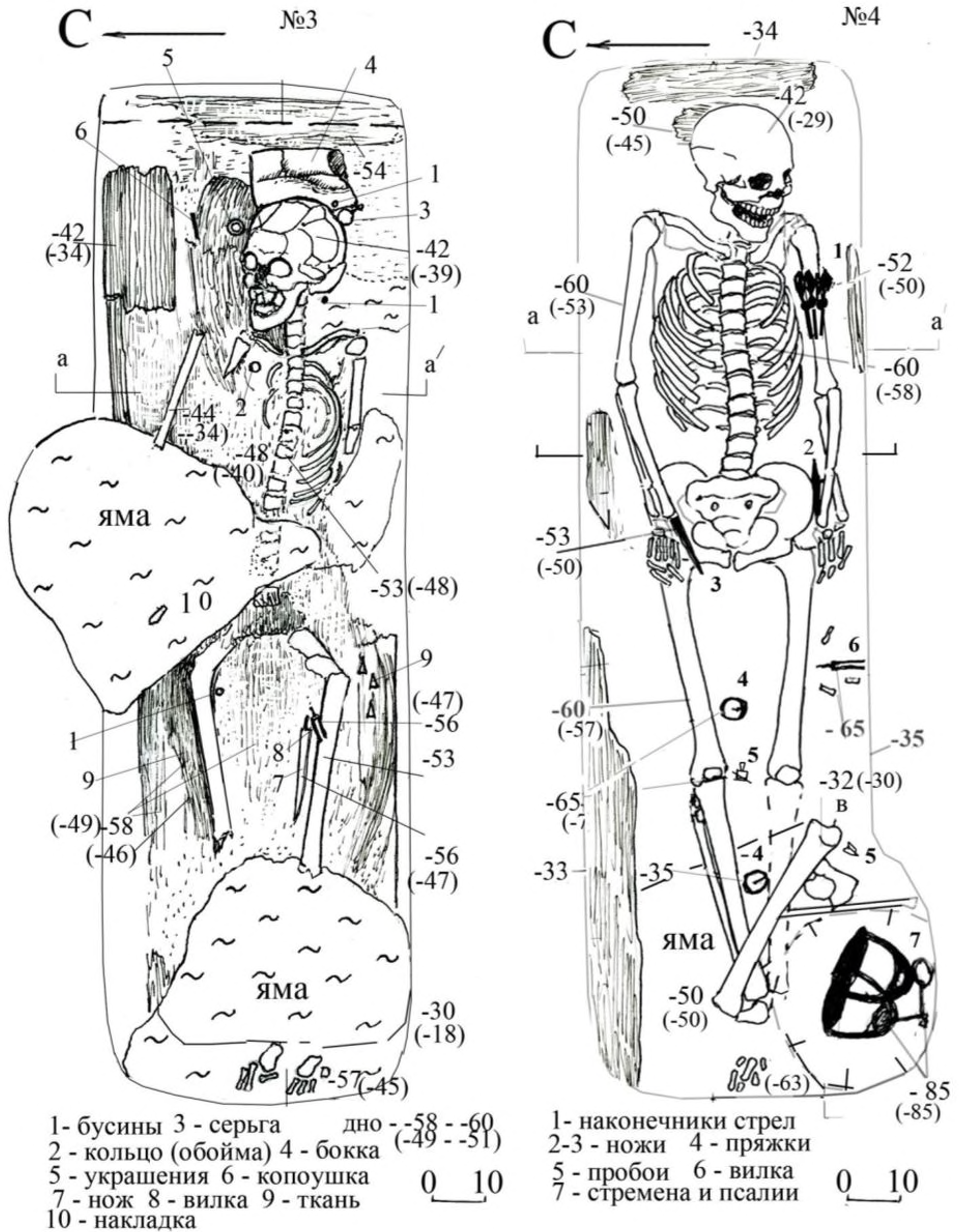

Рис. 4. Грунтовый могильник Краснополянский-1. Погребения № 3 и № 4.

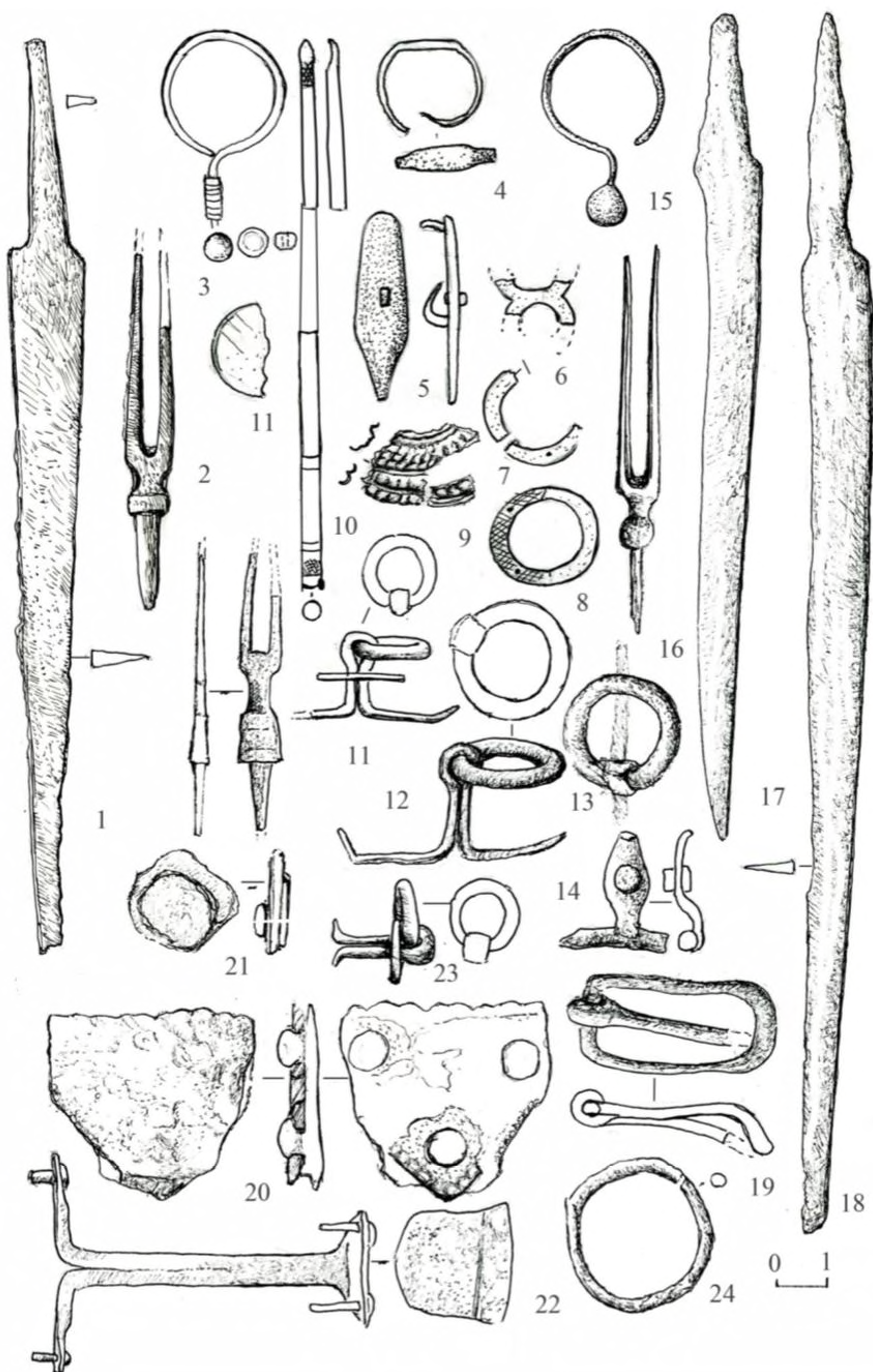

Рис. 5. Грунтовый могильник Краснополянский-1. 1-10 – погр. № 3; 11-19 – погр. № 2; 20-24 – погр. № 1. Железо; 3, 4, 15, 9 – бронза; 6-8 – кость.

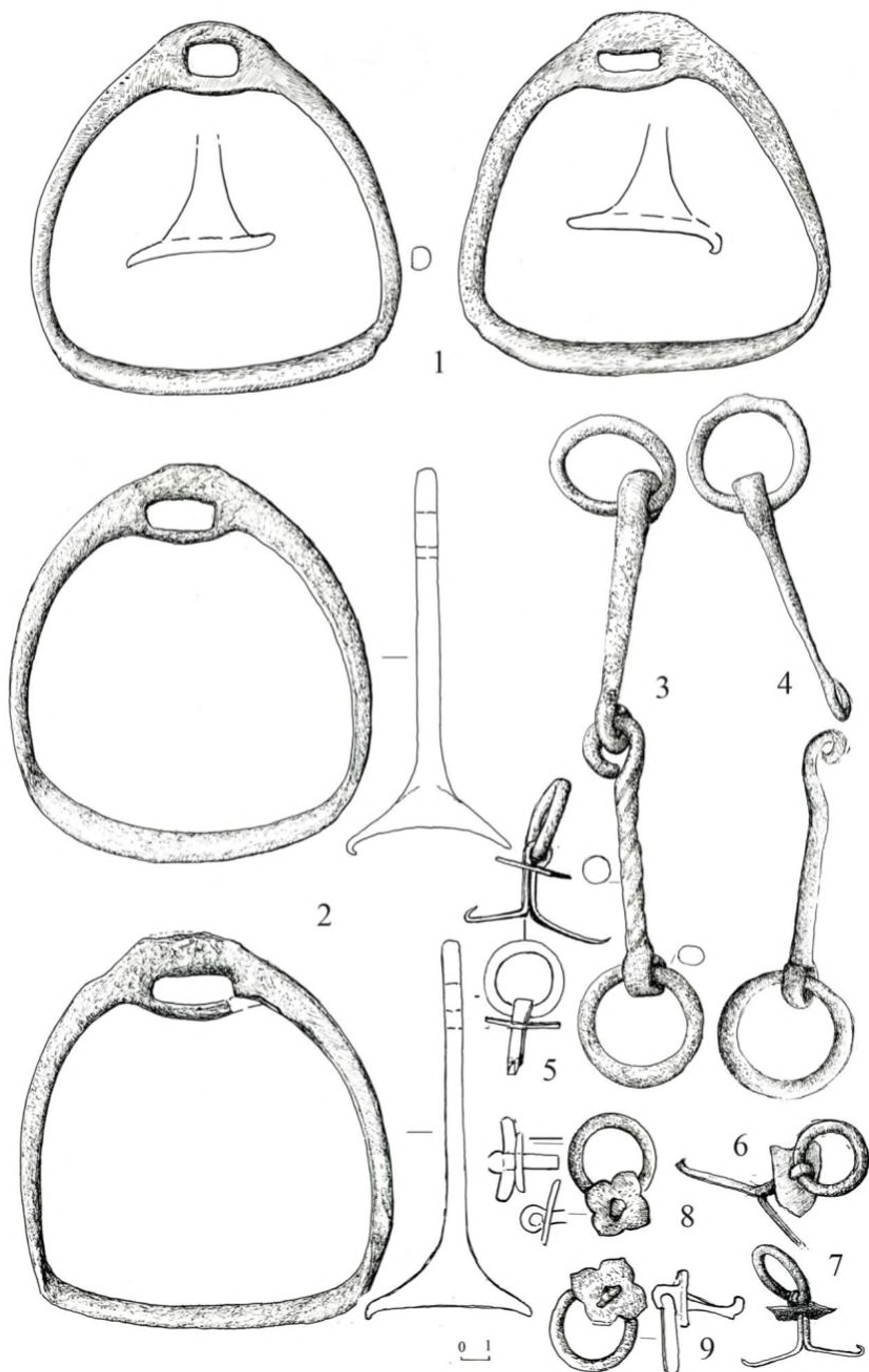

Рис. 6. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
1 – стремена из погр. № 4; 2 – стремена из погр. № 3; 3, 5-9 – погр. №4; 4 – погр. № 3.

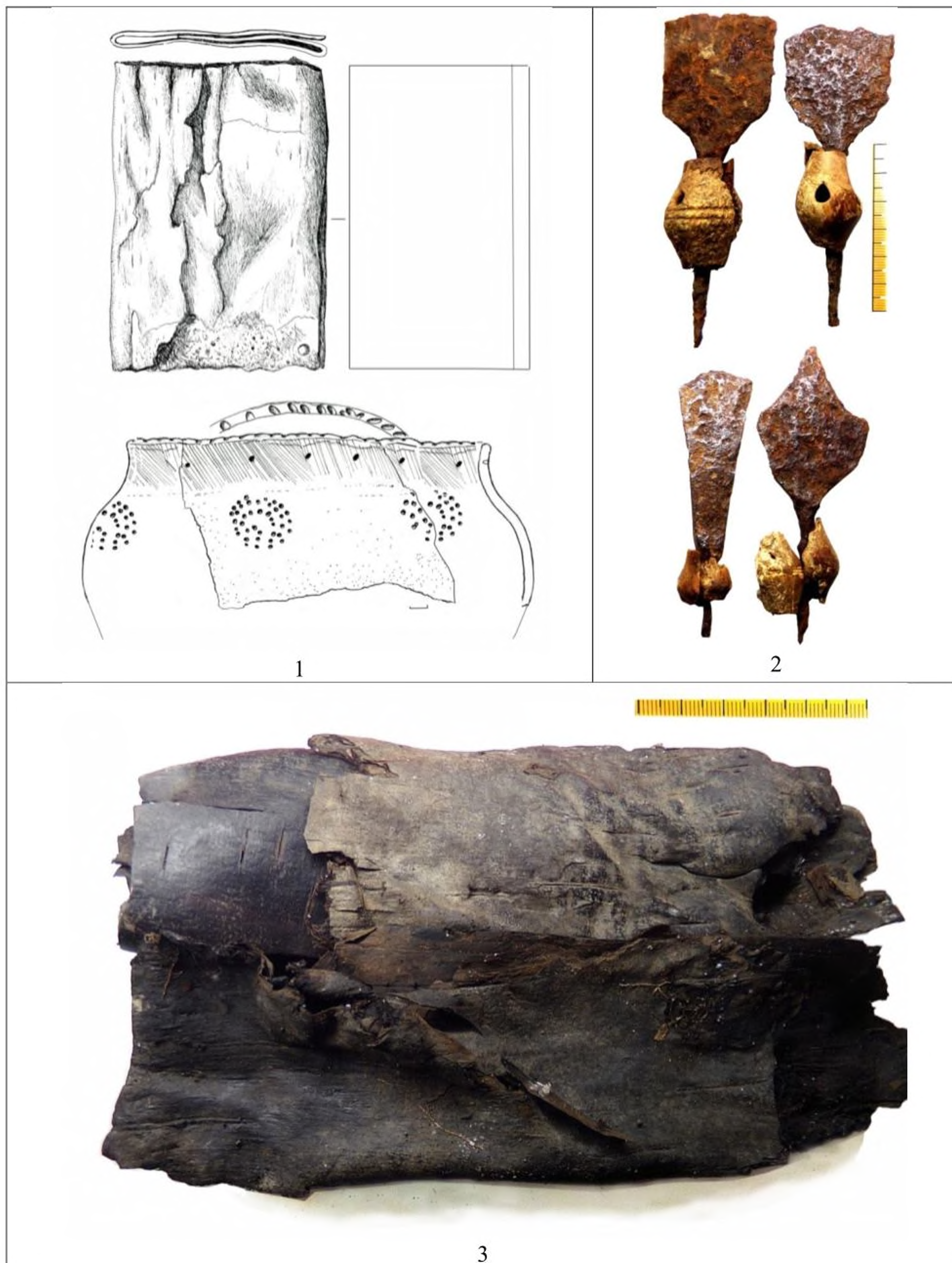

Рис. 7. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
1, 3 – береста (бокка), керамика из погр. № 3; 2 – наконечники стрел из погр. № 4.

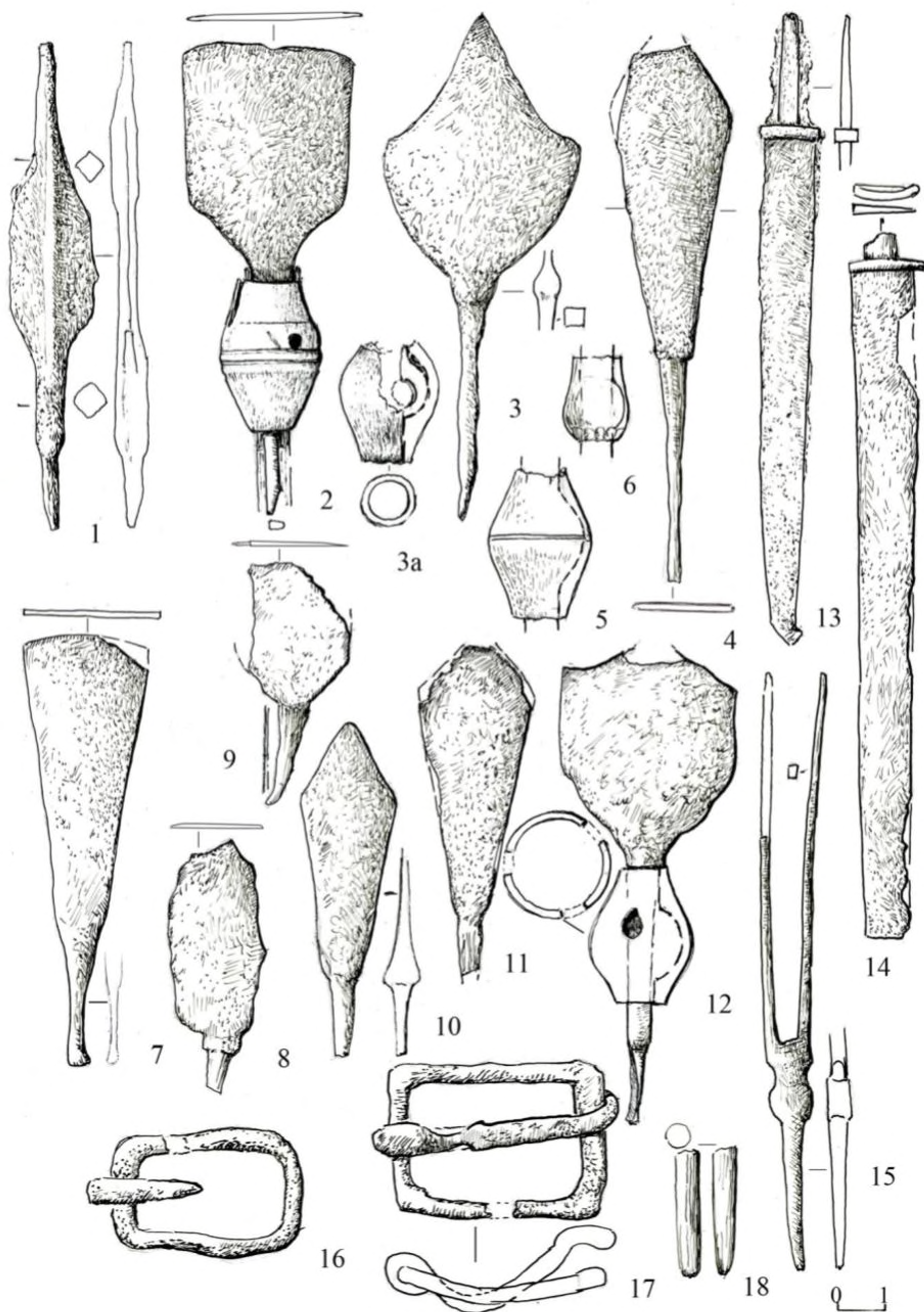

Рис. 8. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
1-12 – наконечники стрел; 13, 14 – ножи; 15 – вилка; 16, 17 – пряжки;
18 – обломок костяной заколки из погребения № 4.

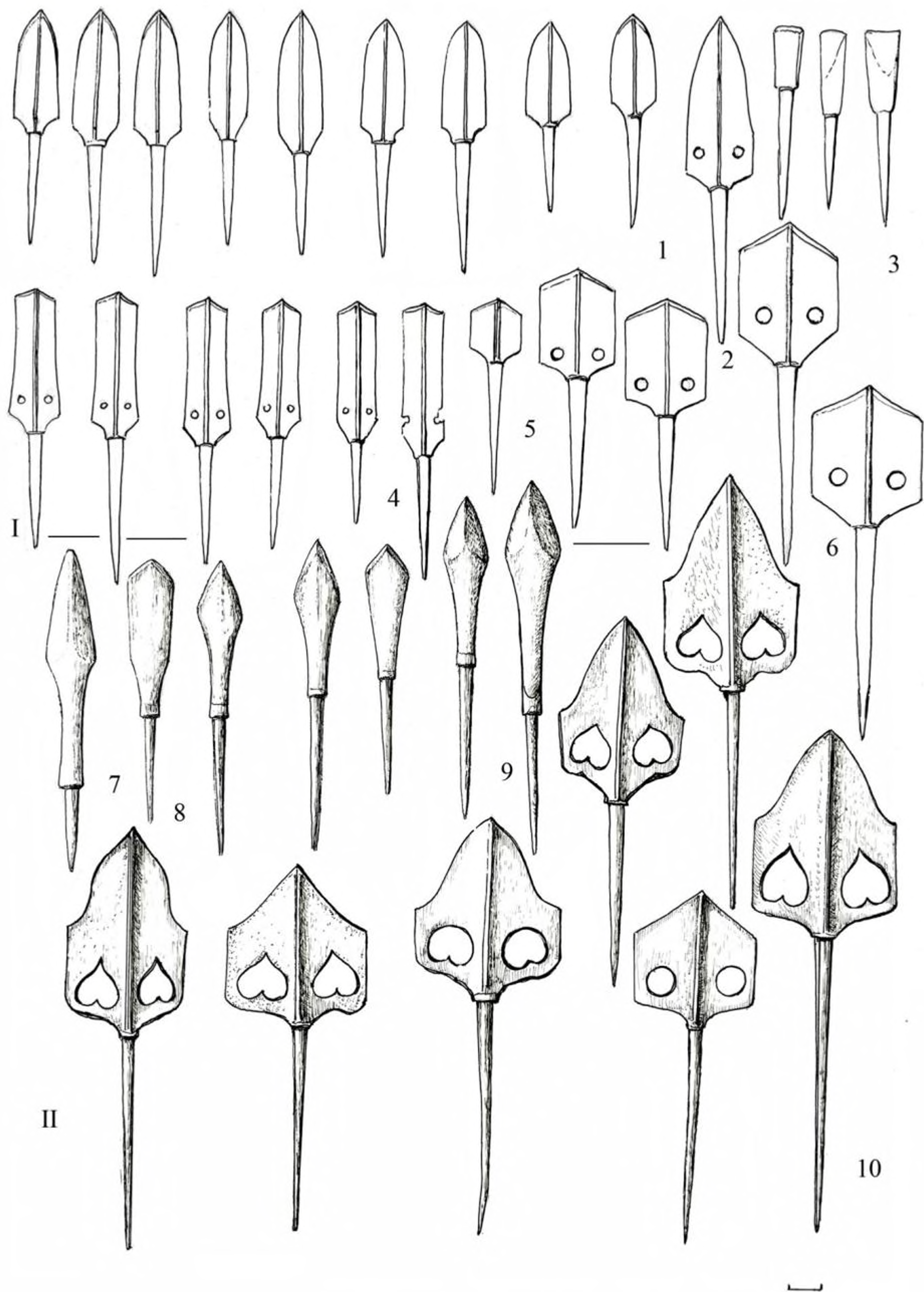

Рис. 9. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
Наконечники стрел из зольника.

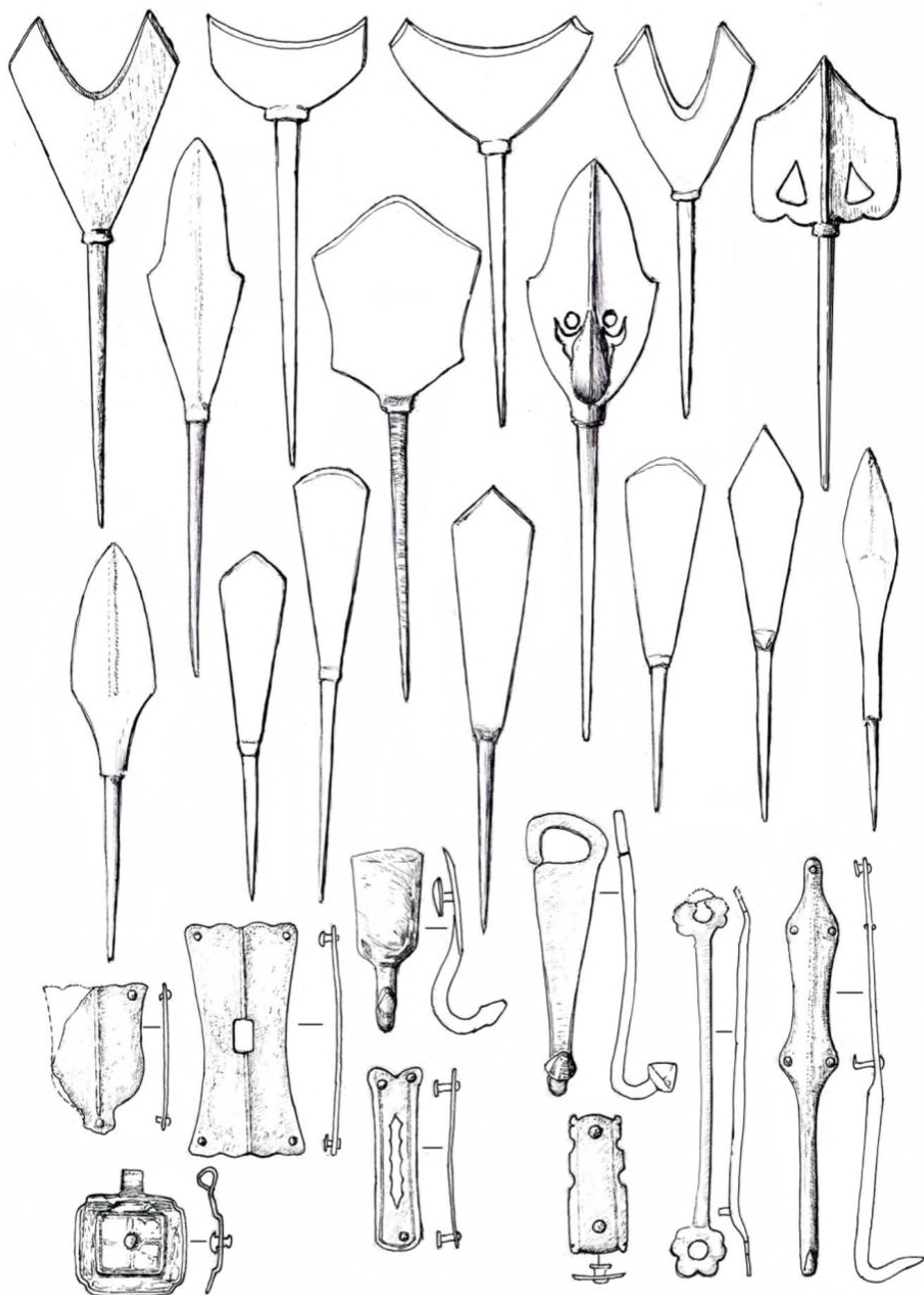

Рис. 10. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
Наконечники стрел и предметы из зольников.

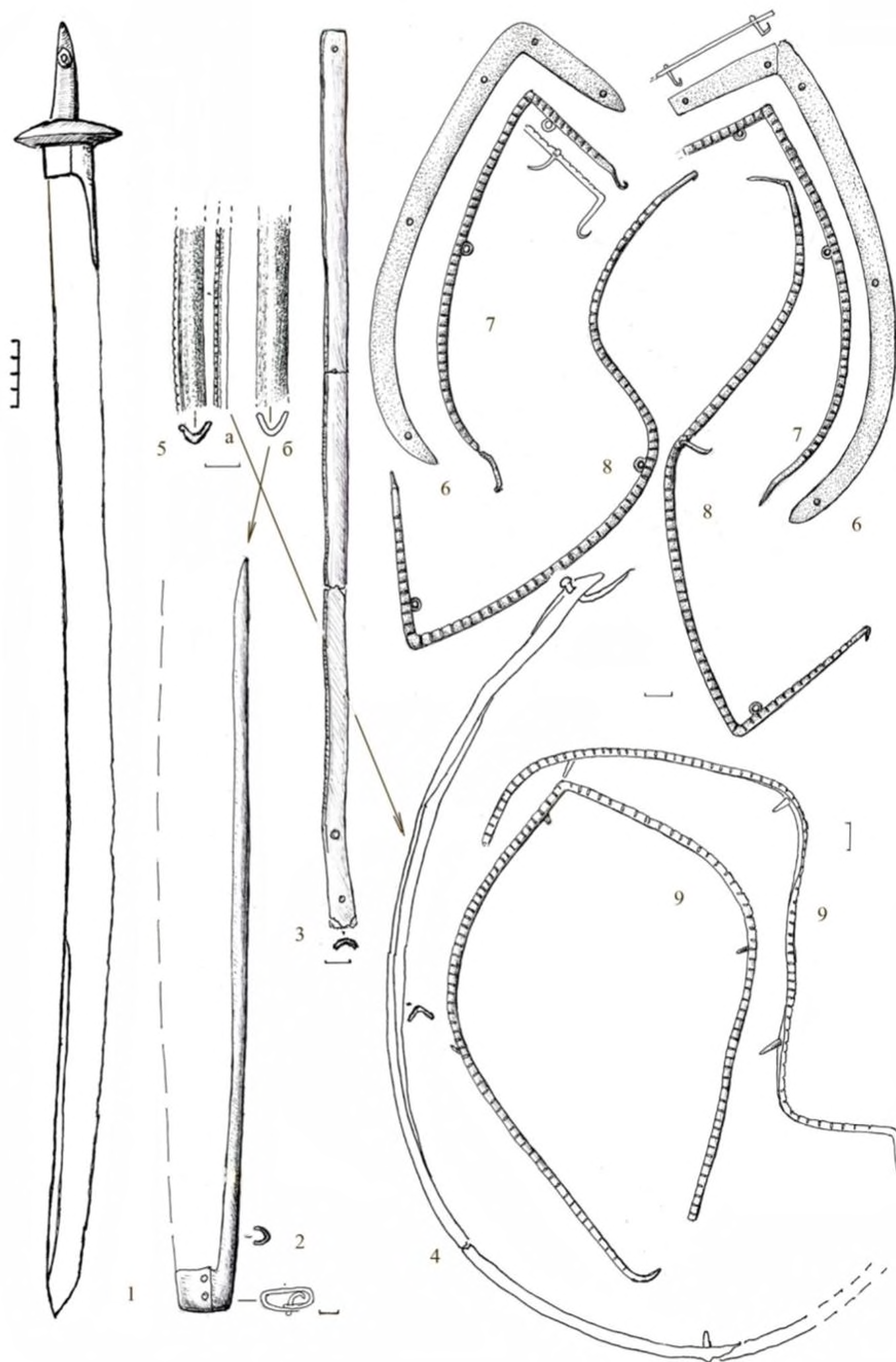

Рис. 11. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
Предметы из зольника № 25.

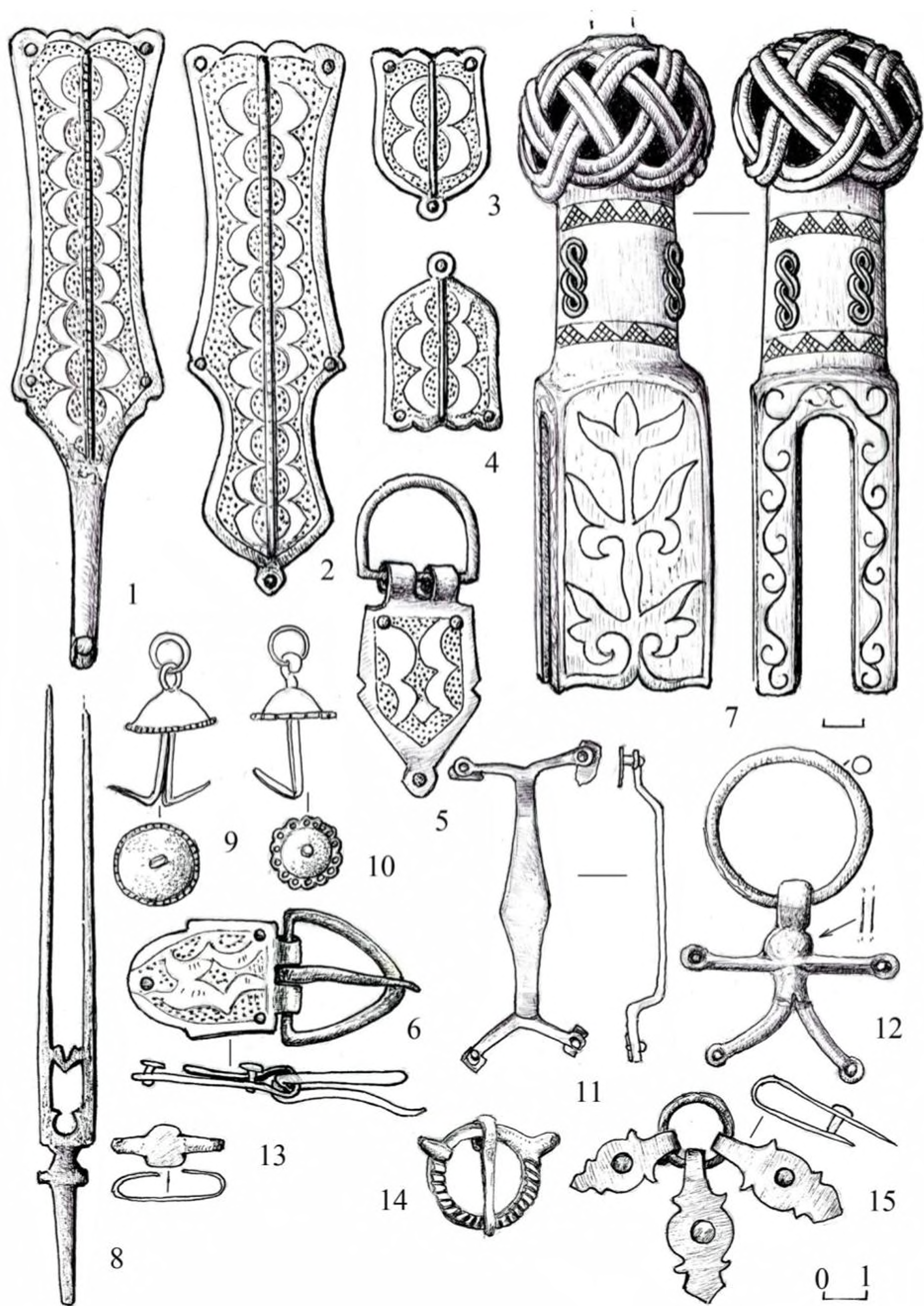

Рис. 12. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
Предметы из зольников.

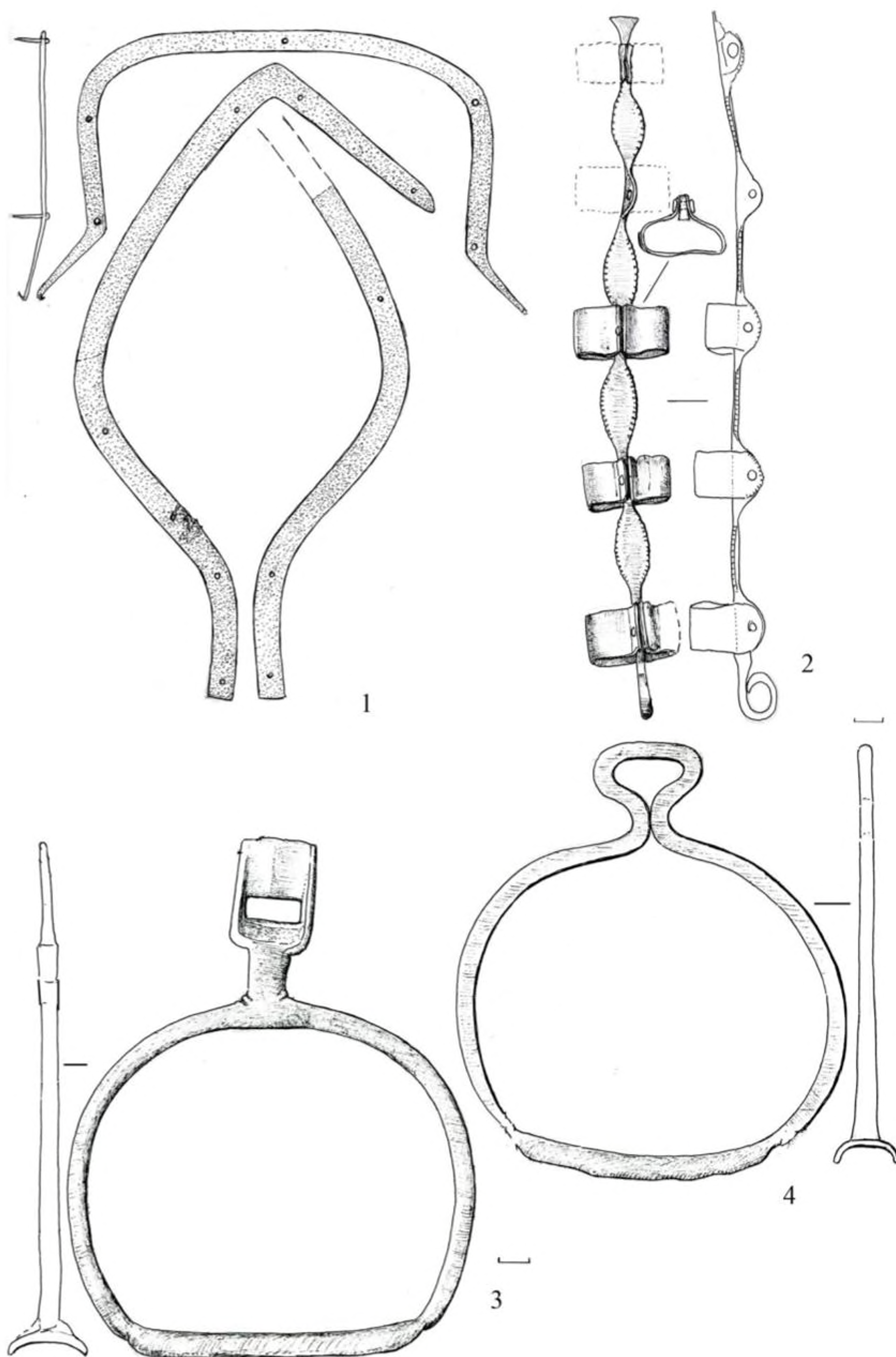

Рис. 13. Грунтовый могильник Краснополянский-1.
Зольник № 25. 1 – седельные накладки (железо), 2 – псалий;
3, 4 – стремена из погр. №2.

Рис. 14. Грунтовый могильник Краснополянский-1. Предметы из зольников.
1 – костяная рукоять плети; 2 – железный наконечник стрелы с цельнолитой свистункой;
3 – оковка и перекрестие сабли; 4, 5 – накладки.

IV. Поясные железные пряжки и накладки, найденные в зольнике (рис. 12; рис. 14 – 4, 5), представляют собой детали ремней, представляющие единый гарнитур, выполненный в едином стиле и с одинаковым орнаментом. В наборе также присутствует мелкая круглая рамчатая пряжка с ушками. Накладки крепились к коже с помощью гвоздиков–заклёпок. Здесь представлены: пластинчатая накладка–крюк, пластина для петли, две короткие пластины–украшения и две концевые пряжки – с подвижными проволочной рамкой и вращающимся язычком и петля. Орнамент на всех изделиях состоит из сомкнутых между собой полуovalов, с двойными границами, примыкающих к центральному ребру с насечками. Двойная граница оконтуривает края предметов. Фоновая поверхность заполнена точечными насечками, нанесёнными острым инструментом типа керна. Торцовые стороны накладок и выступающие углы оформлены в виде четырёх овальных выступов и врезок на углах. Изделия и их художественное оформление характерны для каменского этапа [Кызласов И.Л., 1983, табл. XXII – 22-27].

V. Костяная рукоять плети представляет собой уникальный предмет, выполненный сквозной и барельефной резьбой (рис. 12 – 7; 14 – 1). Шаровидное навершие оформлено сквозной резьбой в виде сложного плетения двойным шнуром. Тело рукояти призматическое с барельефными изображениями восьмёрковидного плетения из двойного шнура, подчёркнутых резными поясками со штрихованными треугольниками. Планки украшает резной растительный орнамент в виде соединений завитков и трёхъярусного дерева или стебля.

Итоги и выводы

Зольники и могилы с труположениями представляют собой единый некрополь, существовавший в период между XIII – XIV вв. н.э. Его площадь – до 4,58 га. Зольники–ямы с предметами, устроены без видимых признаков наземных сооружений, занимали лесной участок, а грунтовые могилы и зольники – открытый участок местности, что не исключает существование идентичных современным природным условий в монгольское время. Частичная выжженность почвы в зольниках при прокалённости вещей в них свидетельствует о ритуальном сожжении на стороне, в черте могильника. Вишнёвый прокал железа образуется при температуре 700–900° С, достигаемой в закрытом костре на берёзовых дровах (t – более 800° С). То же касается сожжения покойных. В могилах оранжевый прокал наблюдается лишь под верхним перекрытием. Во всех мужских и женских погребениях наблюдается слой чистого суглинка выстланный между могилой и верхним сжигаемым перекрытием, что может свидетельствовать о подсыпке как элементе погребального ритуала. Следует отметить также, что обряд погребения соблюдает различия между мужчинами и женщинами, выражающиеся в ориентации покойных, степени кремации: частичной для мужчин, и наиболее полной – для женщин. При этом обряд погребений, применявшийся в Краснополянском некрополе, в целом отличается от устройства курганных аскизских погребений Хакасско-Минусинской котловины. Отличительные особенности подкурганных захоронений от грунтового могильника состоят: в единстве пространства кургана, тайника с вещами, ритуальных зольников; в устройстве на горизонте остатков полного сожжения. Исследователи отмечают появление в период XIII – XIV вв. погребений со смешанной обрядностью, в том числе труположений с сожжениями на стороне. Ближайшие к Краснополянскому могильнику – захоронения XIII – XIV вв. на Часовенной горе [Савинов Д.Г., 1990, с. 114-115, 118], погребённые по обряду труположения на спине (зафиксированная ориентация – на северо-северо-восток), с ямами, вмещающими предметы, в частности, детали седел. Могилы с труположениями в колодах и с сожжением отмечены в групповых поздних погребениях монгольского времени в Саянском ущелье в Туве на могильнике Сарыг-Хая [Длужневская Г.В., 1976, с. 236; 1984, с. 199], где среди погребений – труположений в колодах также находилась женщина в берестяном бокка. Погребение ориентировано головой на северо-восток. Эти погребения отличаются от Краснополянских и Красноярских каменными сооружениями, колодами и частью – убранством. Д.Г. Савинов объясняет различия сложным этническим составом населения именно в

период конца XIII – начала XIV вв. н.э., временем существования Юаньской династии в Китае (1260 – 1368 гг.), к которой перешли территории Южной Сибири. К этому времени относятся подавления мятежных действий населения, известных по источникам, в числе которых – массовое переселение 700 семей из мятежных районов, устройство военных поселений. Краснополянский могильник содержит массовые предметы вооружения. В самих погребениях одежда женщин включает остатки дорогой тонкой материи, расшитой бисером. Обращает на себя внимание набор качественных, изысканных предметов из зольников. Это предполагает принадлежность могильника социально приоритетной группе населения.

Библиографический список

1. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов // Абакан: ХГУ, 2000. 272 с.
2. Длужневская Г.В. Работы в Саянском каньоне Енисея // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 236.
3. Длужневская Г.В. Продолжение раскопок средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 198-199.
4. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.
5. Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1986. № 2. С. 50-60.
6. Пилипенко С.А. К вопросу о выделении монголо-тянь-шаньской разновидности женского головного убора средневековых монголов «бокка»//Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 129-133.
7. Савинов Д.Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 114-131.
8. Тишкин А.А. Металлические украшения женских головных уборов Монгольского времени // Материальная и духовная культура кочевников в древности и средневековье Барнаул. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 155-159.
9. Хасенова Б.М. Костюм знатной женщины золотоордынского времени: бока, шёлк, жемчуг // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: Хикари, 2011. Вып.3. С. 446-454
10. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

УДК 391

Трифанова Сынару Вениаминовна,

Кандидат исторических наук

Старший научный сотрудник, руководитель отдела исторических наук

Научно-исследовательский центр истории и культуры тюркских народов

Горно-Алтайский государственный университет, Россия

649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д. 2.

trifanovasv@mail.ru

Аргокова Алена Александровна

Заведующая культурно-образовательным отделом

БУ РА «Национальный музей имени А.В. Анохина», Россия

649006, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, д. 46.

alyona-argo@mail.ru

СҮРҮ БӨРҮК – ТРАДИЦИОННЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР АЛТАЙЦЕВ¹

Аннотация. Самобытный головной убор – *сүрү бөрүк* является важной частью традиционного костюмного комплекса алтайцев. В статье вводится в научный оборот шапка, хранящаяся в фондах БУ РА «Национальный музей имени А.В. Анохина»; рассматривается ареал распространения данного вида изделий, а также половозрастная и социальная принадлежность обладателей. По мнению авторов, *сүрү бөрүк* первоначально являлся ритуальным головным убором сложной формы, затем стал праздничным, статусным убором. Данный вид шапок носили замужние женщины и взрослые мужчины, он являлся идентификатором этнической и половозрастной принадлежности алтай-кижи и теленгитов.

Ключевые слова. Алтай, этнография, головной убор, *сүрү бөрүк*, алтайцы, традиционный костюм.

Trifanova Synaru Veniaminovna

The Candidate of Historical Sciences (PhD)

Head of the Department of Historical Sciences

Research Center for the History and Culture of the Turkic peoples

Gorno-Altai State University, Russia

649000, Gorno-Altai, A. Lenkin St., 1

Argokova Alena Alexandrovna

Head of cultural and educational department

National Museum of A.V. Anokhin.

649006, Gorno-Altai, Choros-Gurkin st., 46.

alyona-argo@mail.ru

SҮRҮ BӨRҮK – TRADITIONAL HEADRESS OF ALTAIANS

Abstract: The *Syrü böryk* is an original headdress. It is an important part of the traditional costume of Altaians. In this article we introduced into the scientific circulation the cap which is kept in the funds of the National Museum of A.V. Anokhin. We reviewed the area of distribution of the *syrü böryk*; the gender, age and social affiliation of the owners. The *syrü böryk* was originally a ritual

¹ Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта ПЧ госзадания Минобрнауки Российской Федерации «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена» (№ 33.1971.2017/4.6).

headdress with complex shape, then became a festive and status headdress. This type of cap was worn by married women and adult men. It is an identifier of ethnic and age affiliation of Altaians.

Keywords. Altai, ethnography, headdress, *sürü böruk*, Altaian, traditional costume.

Головной убор является важной частью костюмного комплекса в традиционном обществе. Как отмечают этнографы, «... У самых разных народов Азии, Африки, Латинской Америки да и Европы головной убор – это идентификатор этнической или религиозной принадлежности, показатель социального статуса, атрибут моды или сакральный символ. Подчас символ даже более важный, чем весь костюм ...» [Бабаев К., 2001, с. 282]. Исследование головных уборов характерных только для населения Алтая внесет вклад в понимание «этнокультурной истории региона, представляющей собой результат одновременного притока/оттока разных групп населения, процесса смешения местных этнических и социальных объединений с мигрантами из дальних и ближних регионов Евразии на фоне их адаптации или невозможности приспособления к условиям Алтайских гор» [Соенов В.И., 2018, с. 6].

У алтайцев бытовали различные виды головных уборов, названия которых отражали форму изделия или материал: «*болчок böruk*» – круглая шапка, «*кийис böruk*» – шапка из войлока, «*киш böruk*» – соболья шапка телеутских женщин, «*сүрү böruk*» – остроконечная шапка из мерлушки, «*алтай böruk*» – шапка из лап лисы и пр. Из всего многообразия шапок выделяется самобытная алтайская шапка «*сүрү böruk*». В разных районах Алтая данный вид шапок называли по-разному: «*кураан böruk*», «*сүрү böruk*», «*кайгаши böruk*», «*кураган böruk*», «*алтай böruk*» и пр. На наш взгляд, наиболее точно отражающим морфологические особенности этого головного убора названием является «*сүрү böruk*».

Как показывает изучение источников по традиционной одежде алтайцев, первое письменное описание такого фасона шапок имеется в сборнике научных статей миссионера протоиерея В.И. Вербицкого «Алтайские инородцы». При описании одежды он отмечает, что южные алтайцы носят пирогообразную шапку и дает краткое описание данного головного убора [1993, с. 24]. Большой вклад в изучение культуры алтайцев внес Л.П. Потапов, который в своей работе «Одежда алтайцев» [1951] подробно рассматривает «*сүрү böruk*» или «*алтай böruk*» и приводит очень детальное описание этой шапки. Н.Ф. Прыткова в статье «Головные уборы» в «Историко-этнографическом атласе Сибири» дает подробное описание данного головного убора, но не указывает названия шапки [1961, с. 334, табл. 24 – 1]. В.П. Дьяконова в работе «Алтайцы» приводит информацию, полученную при изучении культуры теленгитов. Исследовательница не указывает названия шапки, приводит ее описание и сообщает, что такие шапки носили мужчины и женщины [2001, с. 100-102]. Изучая современный алтайский сценический костюм Е.П. Зайцева называет их «*сүүри böruk*» и отмечает, что это типичный женский головной убор южных алтайцев [1990, с. 1]). Изображения *сүрү böruk* зафиксированы в наскальных рисунках, датированных этнографическим временем [Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, с. 59, 121, 123, 128 150, 221, и др.], в эскизах и картинах художников [Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина. Альбом, 2014, с. 24, 25, 51, 58, 157, 166, 173-176, 185, 192, 202, 208, 234, 236], на фотографиях исследователей Алтая XVIII – начала XX веков. При анализе письменных источников следует обратить внимание на то, что исследователи имели трудности при описании данного вида головного убора из-за сложной формы изделия и способов изготовления.

В настоящей статье мы рассмотрим шапку – *сүрү böruk*, хранящуюся в фондах БУ РА «Национальный музей имени А.В. Анохина» (Инв. № 708/83) (рис. 1). Она поступила в музей в 1954 г. Шапка была приобретена в числе небольшой коллекции традиционной одежды алтайцев у Шульгиной Ирины Алексеевны – актрисы драматического театра.

Сүрү böruk состоит из тульи и отворота. Тулья сшита из склеенных между собой кусков холста и хлопчатобумажной ткани. Верх тульи заложен в восемь складок в области темени; отверстие в месте сборки закрыто круглым куском кожи, поверх которого нашита

декоративная накладка овальной формы из красного сукна. К тулье пришит отворот из меха черной мерлушки и красной хлопчатобумажной ткани, склеенных между собой. Он пришивался к тулье в нижней части и отгибался вверх, так чтобы с внешней (лицевой) стороны находилась меховая часть, а с внутренней – тканевая. В верхней части отворот крепился к тулье в нескольких местах, для того чтобы он не обвисал. Отворот скроен в виде неправильного четырехугольника, верхний край его слегка выгнут, а нижний – вогнут. В затылочной части шапки к нижнему краю пришиты две ленты. В настоящее время они выполняют декоративную функцию, однако этими лентами можно было завязывать околыш (отворот) [Вербицкий В.И., 1993, с. 24].

Обычно околыш такой шапки шили из черной мерлушки, богатые люди – из меха соболя или лисицы [Вербицкий В.И., 1993, с. 24; Потапов Л.П., 1951, с. 18; Прыткова Н.Ф., 1961, с. 334], кроме того, его могли украшать перьями с шеек диких селезней [Потапов Л.П., 1951, с. 38]. Л.П. Потапов пишет, что теленгиты, проживающие в районах, соседящих с Тувинской автономной областью и Северо-Западной Монголией, носили эту шапку таким образом, что спереди она расправлялась не острым гребнем, а плоскостью, и тогда она напоминает русский кокошник, при этом верхняя часть шапки не скрыта между боками, вся видна снаружи [1969, с. 38]. Тулью *сүрү бөрүк* шили из ткани желтого, зеленого, красного, белого цвета. У бедняков шапка целиком шилась из такни [Вербицкий В.И., 1993, с. 24; Потапов Л.П., 1951, с. 38; Прыткова Н.Ф., 1961, с. 334].

В.П. Дьяконова отметила еще одну особенность этих шапок «... у алтай-кижи и теленгитов околыш по фасону разный. У первых он был спереди остроконечным и закрывал тулью по высоте, у теленгитов – ровным и верх тульи несколько выступал над ним ...» [2005, с. 100].

Половозрастная и социальная принадлежность *сүрү бөрүк* также не однозначна. В работе Н.Ф. Прытковой есть информация о том, что такие шапки являлись старинным головным убором южных алтайцев. Они первоначально бытовали в качестве мужского и женского головных уборов, затем такие шапки носили только женщины, а позднее они стали свадебными головными уборами [1961, табл. 24 – 1]. Л.П. Потапов писал, «в первые годы после революции эта шапка превратилась в типично женскую, а мужчины перешли к ношению круглой овчиной шапки с кистью. В настоящее время ее перестали носить и женщины, и только изредка, чаще всего на свадьбе, ее можно увидеть, как головной убор старухи. Данная шапка являлась признаком семейного положения» [1951, с. 37]. По мнению Е. Зайцевой, это типичный головной убор женщин южных алтайцев [1990, с. 20]. В.П. Дьяконовой информаторы сообщили, что такие шапки были женскими [2001, с. 100]. Современные исследователи отмечают, что в середине XIX в. *сүрү бөрүк* носили люди, вступившие в брак, вне зависимости от пола, а в конце XIX в. — уже только замужние женщины [Тадина Н.А., 1995].

Шапки похожие на *сүрү бөрүк* можно найти среди головных уборов населения Хакасско-Минусинской котловины. Они называются «түлгү пөрик», шьются из меха чернубурой лисы. *Түлгү пөрик* входит в комплект костюма свахи. Согласно хакасскому фольклору, она сохранилась с кыргызских времен [Бутанаев В.Я., 1996, с. 94-95]. Кроме того, отметим некоторое сходство *сүрү бөрүк* с головным убором буддийских лам – островерхой шапкой желтого цвета *шасер*.

О том, что данный головной убор первоначально был ритуальным, а затем стал использоваться как праздничный можно предполагать, исходя из информации Л.П. Потапова о том, что околыши таких шапок украшались перьями с шеек диких селезней [1951, с. 38]. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что селезень не только имеет красивое оперение, а также является постоянным персонажем мифов и эпосов. Утки выступают как демиурги или посланники к жениху в свадебных обрядах. У алтайцев существует миф о происхождении мира, который повествует об огромном водном пространстве, по которому плавали две утки. Одной из них пришла идея сотворить землю из ила. Вторая нырнула и достала со дна ил, который первая утка стала разбрасывать по воде, в результате чего появилась земля. Вторая утка, выйдя на сушу, стала разбрасывать камешки и появились горы. В шаманском варианте первая утка – это Ульгень, вторая – Эрлик [Потапов Л.П., 1983].

Образ утки (гуся) характерен не только космогоническим мифам, но часто встречается и в героическом эпосе. В сказании «Алтай-Бучай» утка представлена в качестве вещи птицы:

"А жена Алтай-Бучая
Речь той вещи утки слышит
И письмо двум ханам пишет
На ошипанном крыле"
[Героический эпос народов СССР, 1975, с. 421].

Кроме того, утка выступает здесь как посланник (к женихам) [Чигаева В.Ю., 2003].

Рассмотрев *сүрү бөрүк* мы пришли к выводу, что данный вид головного убора был характерен для жителей Восточного, Южного и Центрального Алтая. Вероятно, *сүрү бөрүк* первоначально являлся ритуальным головным убором, поэтому имел такую сложную форму и украшался перьями с шеек диких селезней, а затем стал праздничным статусным головным убором. Утверждение о том, что данный вид шапок был только женским головным убором не подтверждается, оно также противоречит этнографическим рисункам Г.И. Чорос-Гуркина и фотографиям С.И. Борисова, датируемым началом XX вв., на которых мы можем наблюдать в таких шапках и мужчин и женщин. Нужно отметить, что данный вид шапок носили только замужние женщины и взрослые мужчины (рис. 2, 3).

Сүрү бөрүк – самобытная алтайская шапка, являвшаяся идентификатором этнической и возрастной принадлежности ее владельца. В настоящее время стилизованное изделие широко используется в театрально-сценическом, подиумном и повседневном направлениях как внешняя форма выражения принадлежности к алтайцам.

Библиографический список

1. Алтайский национальный костюм / [сост. Е. П. Зайцева; вступ. ст. Е. Зайцевой, Н. Шатиновой]. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-е Алт. кн. изд-ва, 1990. 80 с.
2. Бабаев К. В. Традиционные головные уборы: введение в изучение и классификацию // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. Вып. 21. С. 282-291.
3. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Пособие для учителей. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1996. 224 с.
4. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 268 с.
5. Героический эпос народов СССР. М: Художественная литература, 1975. 576 с.
6. Дьяконова В.П. Алтайцы: (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. 221 с.
7. Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. 346 с.
8. Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 13. С. 5-59.
9. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
10. Потапов Л.П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 96-110.
11. Прыткова Н.Ф. Головные уборы // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1961. С. 332-368.
12. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 207 с.
13. Чигаева В.Ю. Образы птиц в наскальном искусстве Алтая (мифо-эпические и этнографические параллели) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 10. С. 151-154.
14. Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина. Альбом. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2014. 252 с.

Рис. 1.
Сүрү бөрүк из фондов БУ РА «Национальный музей им А.В. Анохина». Инв. № 708/83.

Рис. 2.

Алтаец в традиционном головном уборе *сүрү бөрүк*.
По: [Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина, 2014, с. 58].

Рис. 3.

Алтайки в традиционном costume замужней женщины.
По: [Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина, 2014, с. 175].

**МАТЕРИАЛЫ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ А.С. СУРАЗАКОВА**

Суразаков Александр Сазонович
(10.12.1948 – 28.08.2018)

На 70-м году жизни из-за тяжелой болезни ушел от нас знаменитый алтайский археолог, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Суразаков Александр Сазонович. Сегодня два месяца, как мы потеряли открытого, доброго, жизнерадостного и целеустремленного коллегу-интеллектуала, стремившегося познать тайны прошлого и философию современного мира, чтобы бескорыстно поделиться со всеми своими открытиями...

Он родился в городе Новокаширске Московской области. Отец – уроженец села Сайдыс Майминского района Горно-Алтайской автономной области Сазон Саймович Суразаков – выдающийся алтайский ученый-фольклорист, писатель, литературовед, доктор филологи-

ческих наук, профессор Горно-Алтайского государственного педагогического института. Мать – Ольга Капитоновна – географ, уроженка села Тайдаково Тульской области. В 1950 г. семья Суразаковых с маленьким Александром переехала в город Горно-Алтайск, где он и вырос. Здесь А.С. Суразаков окончил школу, а затем – историко-филологический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института. Молодой специалист в 1973–1974 гг. работал учителем и методистом Горно-Алтайской областной заочной средней школы. В 1974–1977 гг. он проходил аспирантуру в Институте археологии АН СССР в Москве. Научным руководителем был К.Ф. Смирнов – один из крупнейших специалистов в области скифо-сарматской археологии. После окончания аспирантуры в 1977 г. первый профессиональный алтайский археолог А.С. Суразаков принят научным сотрудником в Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ), где плодотворно проработал много лет вплоть до выхода на пенсию.

В 1985 г. исследователь защитил кандидатскую диссертацию в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск) по теме «Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI – начале II вв. до н.э.». В 1988 г. Александр Сазонович назначен заведующим созданного им сектора археологии ГАНИИИЯЛ, который был первой организационно оформленной специализированной научной археологической структурой на Алтае, сыгравшей большую роль в становлении данного научного направления в Республике Алтай.

А.С. Суразаков в конце 1970-х – начале 1990-х гг. осуществлял широкомасштабные исследования разновременных археологических памятников в различных районах Горно-Алтайской автономной области со своими соратниками, сотрудниками сектора археологии ГАНИИИЯЛ и Горно-Алтайского областного краеведческого музея В.А. Кочеевым, С.М. Киреевым, О.В. Лариным, С.А. Тадыкиным и многими другими. Под руководством Александра Сазоновича раскапывались погребальные и поминальные объекты эпохи бронзы – раннего железа и раннего средневековья на памятниках Сары-Кобы, Ирбисту–II, Каракол, Кызык-Телань–I–II, Айрыдаш–I, Курота–II, Кор-Кобы–I, Урмулык, Кош-Тал, Котыр-Тас, Кызыл, Беш-Озек, Чоба–7, Ябоган–I–II и др., а также изучались святилища (Большой Яломан–III), оросительные системы (Чолушман), поселения (Майма–I). Работы на многих памятниках Алтая (Кызыл-Джар, Боротал–II–III, Бош-Туу, Сальдьяр–II, Мухор-Тархата–I, Большой Яломан–I–III, Алагаил и др.) осуществлялись А.С. Суразаковым совместно с доктором исторических наук, сотрудником Института археологии АН СССР В.А. Могильниковым.

С 1992 года А.С. Суразаков отходит от активной полевой археологической деятельности, став директором созданного им Агентства по культурно-историческому наследию (АКИН) при Комитете культуры Республики Алтай. Не оставляя научную и научно-организационную работу в институте, он вплотную занялся вопросами сохранения и популяризации культурного и исторического наследия народов Республики Алтай. Коллективом специалистов под его руководством разработано соответствующее реалиям того времени республиканское законодательство, которое было успешно реализовано и регулировало отношения в сфере охраны и использования памятников истории и культуры в первое постсоветское десятилетие до принятия в 2002 г. Федерального закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации". После ухода с должности директора АКИН в 1996 г., Александр Сазонович еще долгие годы по совместительству работал научным консультантом АКИН и Министерства культуры Республики Алтай, реализовав целый ряд важных для региона проектов и программ. В 2000–2002 гг. А.С. Суразаков параллельно работал ведущим научным сотрудником созданного А.М. Палкиным Центра науки и технологий при Правительстве Республики Алтай. С 2001 по 2005 год он возглавлял в Институте алтаистики им. С.С. Суразакова сектор философии и культурологи.

По результатам научных исследований Александром Сазоновичем подготовлено значительное количество публикаций. Он автор и соавтор более 280 научных, научно-популярных и публицистических работ, посвященных различным вопросам археологии Алтая, проблемам изучения древней и средневековой истории региона, а также философии и реконструкции мировоззренческих представлений наших предков (см.: Библиографический указатель к 50-

летию А.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1998; Суразаков Александр Сазонович. Библиографический указатель. Горно-Алтайск, 2008; Библиографический указатель А.С. Суразакова [Электронный ресурс]. URL: <https://evraz.wordpress.com/2013/03/11/214/>). Главным научным трудом Александра Сазоновича по археологии является монография «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» (Горно-Алтайск, 1988), где рассмотрены основные проблемы изучения скифского времени, детально проанализированы материалы алтайских памятников пазырыкского и кара-кобинского типов, а также предгорных погребений чумышско-ишимской группы. Эта монография стала первой обобщающей работой по скифскому периоду Алтая, вышедшая после длительного перерыва со времени выхода трудов С.И. Руденко.

Надо также отметить, что Александр Сазонович особое внимание уделял историческому образованию подрастающего поколения. Он подготовил целый ряд научно-популярных брошюр, написанных легким, живым языком доступным для школьников и студентов (см., например: *Стерегищие золото грифы*. Горно-Алтайск, 1980; *Предания старины глубокой*. Горно-Алтайск, 1985; *Древности Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1992; *Письмена далекого прошлого*. Горно-Алтайск, 1993; *Экспедиционные были*. Горно-Алтайск, 1994; и др.). Более того, А.С. Суразаков является автором трех специальных изданий, значимых для преподавателей и учащихся школ и средних специальных учебных заведений: *Горный Алтай в древности и средневековье. Материалы в помощь учителю истории средней школы*. Горно-Алтайск, 1990; *История и культура народов Горного Алтая. Часть I. Древность и средневековье. Учебник для старших классов средней школы*. Горно-Алтайск, 1994; *Мировоззрение древнего населения Алтая. Методическое пособие*. Горно-Алтайск, 2013.

А.С. Суразаков никогда не искал материальной выгоды для себя, работая в первую очередь во имя высоких целей и для блага нашего общества. Он редактировал целый ряд научных, научно-популярных и энциклопедических изданий, выпускал просветительские некоммерческие журналы «Кан-Алтай» и «Евразийцы». В 2014 г. Александр Сазонович основал новый, электронный, журнал «Алтай: метафизическая параллель» ([Электронный ресурс]. URL: <https://altmetpar.wordpress.com>) в качестве информационного портала для общения интересующихся метафизической сферой. Успел выпустить только три номера...

Творческое наследие А.С. Суразакова значительно и требует серьезного осмысления разными специалистами. Уверен, что его научные труды и научно-организационная деятельность уже в ближайшее время станут предметом специальных историографических исследований. Но наследие Александра Сазоновича не ограничивается исторической научной сферой, поскольку он был еще и одаренным философом, литератором и поэтом... Еще раз на примере жизни и творчества А.С. Суразакова мы убеждаемся в обоснованности и мудрости, ставшего народным, выражения: «Талантливый человек талантлив во всем». Именно таким – разносторонне одаренным, интеллектуалом – он навсегда останется в нашей памяти...

Соенов В.И.

НЮАНСЫ ЕГО БЫТИЯ. ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА СУРАЗАКОВА

Как и все в этом мире движется инициативой, мыслью и трудом каждого отдельного человека, так и наша археологическая деятельность ничем не отличается от других видов занятий и творчества. Именно личности создавали, создают, и всегда будут создавать в каждой из сфер человеческого бытия, в том числе и в археологии. В этих заметках изложу свое, сугубо личное и искреннее отношение, свое мнение о работе, опыте общения с таким интересным человеком как Александр Суразаков.

Археология Алтая прошла много этапов в своем движении, от ее начала поисками К.Ф. Ледебура и В.В. Радлова до великолепного взлета и выдающихся открытий М.П. Грязнова, С.И. Руденко, С.В. Киселева, А. А. Гавриловой и А.П. Окладникова. И сегодня она известна всему миру блестящими исследованиями В.Д. Кубарева, В.И. Молодина, Н.В. Полосьмак. Огромный вклад в историю древностей Горного Алтая внесли археологи барнаульской, новосибирской, ленинградской, кемеровской, московской школ.

На местном уровне археологии были взлеты и успехи, и падения, и годы, даже десятилетия отсутствия профессиональной археологии в нашем регионе. В период расцвета краеведения в тридцатые годы прошлого века у нас трудились и совершили достаточно важные открытия такие археологи как С.М. Сергеев, Г.П. Сергеев, В.А. Якубский. Но в системную школу археология Горного Алтая не превратилась, а затем на местном уровне в 40-60 гг. возникает пробел, даже провал. Связующим мостиком между маститыми учеными крупных научных центров страны, работающими в Горном Алтае и местными краеведами в эти промежуточные годы оставалась Л.А. Давыдова, научный сотрудник, заведующая отделом истории, а затем и директор Горно-Алтайского областного краеведческого музея, с 1948 по 1980 гг. на славу потрудившаяся в нем. Она работала с такими знаменитыми археологами, как С.И. Руденко, А.А. Гаврилова, С.С. Сорокин – учеными из Эрмитажа и Ленинградского отделения Института Археологии СССР. Она также сумела вернуть в Горный Алтай, в наш музей, все уникальные материалы раскопок памятников скифского и древнетюркского времени С.С. Сорокина и Д.Г. Савинова. Привезла из Ленинграда и небольшую коллекцию находок С.И. Руденко из Пазырыка. Археологические коллекции музея, основанные прежде в основном на раскопки 30-х гг. и случайных находках, значительно пополнились новыми уникальными материалами.

Но тема своей, собственной археологии всегда жила и стала еще более актуальной, когда с начала 60-х годов вновь произошел скачок массового археологического интереса к древнему прошлому Горного Алтая. Здесь проводили исследования экспедиции А.П. Окладникова, С.С. Сорокина, Е.М. Берс. А затем с начала 70-х работы Д.Г. Савинова, А.П. Погожевой, В.А. Могильникова, В.Д. Кубарева, В.И. Молодина, В.Т. Петрина и других. Горно-алтайская археология, можно сказать, ждала своего героя, основоположника нового этапа, и А.С. Суразаков воскресил и местную археологию, и основал собственное направление и настоящую, пусть пока небольшую, школу археологов. В раскопках С.И. Руденко на Башадаре вместе с И.С. Чевалковым, директором нашего музея, принимал участие и историк П.Е. Тадыев, сыгравший впоследствии, будучи руководителем научно-исследовательского института, определяющую роль в судьбе Александра, предложив молодому человеку неожиданный поворот в его жизни. Но по литературной версии самого Александра это случилось в какой-то степени случайно. Вот как он вспоминает об этом в книге своих литературных очерков «Экспедиционные были»: «Как-то приятным весенним солнечным днем мы встретились на одном из центральных перекрестков города Горно-Алтайска, со старым другом отца, Павлом Егоровичем Тадыевым. – так сам будущий археолог пишет об этом, – В аспирантуру поедешь? – без особых предисловий спросил Павел Егорович. – Археологи нам позарез нужны. Область наша от памятников древних, понимаешь ли, ломится, а собственных специалистов

по ним не имеется. – Поеду, – не задумываясь сказал я ему... Именно с этого самого момента началась для будущего археолога длинная бродяжья полевая тропа».

Стажировку Саша проходил в экспедиции тогда тоже еще молодого новосибирского исследователя Владимира Кубарева в Уландрыке на границе с Монголией. Здесь он получил первый бесценный опыт полевых работ. Здесь также состоялось его знакомство с уже известными состоявшимися археологами, заезжавшими в гости на раскопки и будущими археологами С.С. Зяблицким и В.А. Кочеевым. Учителем и наставником Александра в аспирантуре Института Археологии стал знаменитый исследователь сарматской культуры К.Ф. Смирнов. Саша уважительно называл его К.Ф., и не только он, но и все ученики К.Ф. Смирнова. Такова уж мода, называть своих руководителей или шефами, или аббревиатурой имени и отчества. «Мой шеф, Константин Федорович Смирнов был большим демократом. Очень интеллигентный человек и умный исследователь, он был напрочь лишен даже малейшего намека на какие-либо диктаторские замашки. Вполне справедливо полагал, что если парню от природы дано, то созреет сам, а если нет, то хоть кол на голове его ослиной теши, ничего не вдолбишь путевого, он мало вмешивался в научное становление», – вспоминал впоследствии Александр. Большим другом, коллегой и неразлучным спутником многих совместных экспедиций Александра стал известный московский археолог В.А. Могильников, интереснейший ученый и великолепный человек.

Подробнее об основных фактах биографии, его полевых археологических исследованиях легко можно узнать из справочной информации в интернете и по публикациям, потому я не буду повторяться. Ученый, исследователь, просветитель, родоначальник Горно-Алтайской школы археологов, пусть небольшой по кадрам и учреждениям, но собственной, нашей. Сейчас в Горно-Алтайске работают отличные археологи: В.И. Соенов, создавший новое археологическое направление и его ученики, А.В. Эбель, сеющий знания древней науки в университетских аудиториях, по-прежнему живет археология в Национальном музее. Жаль лишь, что после ухода Александра основанное им подразделение археологии в Институте алтаистики имени его отца прекратило свое существование.

Мое знакомство с А. Суразаковым произошло вскоре после начала работы в нашем областном краеведческом музее в августе 1981 года. Внешний вид его внушал уверенность и добротность – невысокий, крепкий, коренастый, быстрый в движениях и мысли, такой живчик, а еще хохотун, а энергетика так просто и «перла» из него. В разговоре удивил своей начитанностью, широкой эрудицией и кругозором, обширными знаниями по истории, географии, культуре. Много и интересно говорил о полузапрещенном тогда Л.Н. Гумилеве.

Были порой у меня с Александром и недопонимание, и даже серьезные разногласия, но со временем все это перетерлось с обеих сторон. Несмотря на то, что Саша обладал огромной харизмой, он был удивительно демократичен в хорошем смысле этого слова и у нас быстро сложились отличные отношения. Он меня называл на западный манер Сержем, я его – Саша, Александр, иногда Сазоныч. Но я всегда держал дистанцию, внутренне понимая значимость и статус Александра как единственного профессионального археолога нашей области, и первоначально даже несколько робел и благоговел перед его опытом, знаниями и кругом общения со знаменитыми учеными. Вскоре он меня и моего друга и коллегу Виктора Кочеева «взял в оборот», раздав и распределив темы для наших археологических специализаций. Звучало это так: «Виктор (с ударением на последний слог, по-французски) – милитарист, Серж – керамист». То есть, мне определялась тема исследования керамики, глиняной посуды, этого наиболее массового материала, практически всегда встречаемого в раскопках археологических памятников, особенно поселений. Тематика Виктора касалась изучения военного дела скифского времени Горного Алтая, тем более, что он уже начинал работать в этом направлении.

Два летних сезона я работал в его экспедициях в 1984 и 1987 гг. на раскопках знаменитого могильника гунно-сарматского времени Айрыдаш-I. Его также авторитетно, как это было принято в солидных экспедициях, называли «Шеф». И это ему, несомненно, нравилось. Саша, как и мой учитель В.Д. Кубарев рекомендовал меня на получение Открытого листа. В

1987 г, когда я переходил из краеведческого музея в педагогический институт, и интересовался его мнением об этом, он говорил: «Все нормально, будь в движении ты счастливый, Серж, в возрасте Христа, а это время особых свершений». Мои первые публикации были связаны также с инициативой Александра, помню, что тогда я сильно смущался – не рано ли. Убедил, надо, пора, щедро поделился рекомендациями, методикой и даже материалом. И так получилось, что первая моя статья по поселению Майма-I, вышедшая в далеком 1986 году стала до сих пор одной из самых объёмных публикаций по размеру.

Исследования и работы Александра достаточно хорошо известны и я не стану здесь проводить их анализ, что неоднократно сделано другими археологами. Сам он задачу и свое видение археологической науки в свойственной ему манере художественно-философской формы сформулировал в одной из своих научно-популярных работ. «... Не растворилось отнюдь в небытии отдаленное прошлое. Наоборот, тысячами еле заметных нитей вплелось оно в настоящее, постоянно напоминая о том мощном фундаменте, что был заложен сотнями прошлых поколений людей в основание того, что мы достигли сегодня ...». Также Александр считал, что археолог имеет дело с крайне фрагментарными, разрозненными, «молчаливыми» овеятыми артефактами, через которые необходимо реконструировать жизнедеятельность древних обществ, унесших с собой навсегда живые, нематериальные «нюансы своего бытия». Александр стал великолепным практиком и серьезным теоретиком. Им исследованы многочисленные памятники разнообразных культур, этносов, периодов. Его отличали смелость и новаторство выводов. Некоторые его выводы и гипотезы были достаточно смелы и даже авантюры, и бывало, подвергались критике оппонентов. Но и на это у него был красивый стихотворный ответ:

Плохо молоту без наковальни
Плохо творчеству без хулы,
Ведь в краях и близких, и дальних
Без огня не бывает золы.

По характеру Александр был большим жизнелюбом, являя собой истинный пример неисчерпаемого источника жизнерадостности и оптимизма. А еще он был большой шутник и балагур. Его знаменитый «Чай с курятиной» (когда он одновременно держал в одной руке чашку чая, а другой раскуривал сигарету) и «Категорически приветствую» помнят все знавшие его музейщики, преподаватели университета и сотрудники Института алтаистики. Он всегда приходил как ураган: шумный, яркий и увлеченный, открытый, моментально вступающий в разговор и беседу. С ним можно было поговорить обо всем и про все, но он, незаметно и быстро все разговоры умело переводил на проблемы древней истории. И с удовольствием делился своими идеями, гипотезами, мыслями, порой самыми неожиданными. Он всегда был интересен, востребован для разговоров, дискуссий.

Саша оставил разнообразное научное наследие: академические статьи, тезисы докладов, научную и художественную публицистику, философские размышления. А.С. Суразаков остается лучшим научно-популярным писателем и публицистом по древней, археологической тематике, как лучший популяризатор науки в республике. Его небольшие книги «Стережущие золото грифы» о пазырыкской культуре Алтая скифского времени и «Предания старины глубокой» об истории Горного Алтая в эпоху древнетюркских каганатов, бесспорно, необходимо переиздать в возможностях современной полиграфии.

Очень неравнодушный человек ко всем проявлениям жизни, частной и общественной, государственной, от нашей страны, до нашей республики. И в то же время достаточно простой, коммуникабельный парень.

Еще одну сторону его многогранной деятельности никак обойти нельзя. Александр был хорошим, даже великолепным организатором науки, различных научных и общественных проектов. И многое из его замыслов удалось воплотить в наших условиях, где любая самостоятельная идея, если уж не наказуема, то может проволочками чиновников, ждущих сиг-

нала свыше, затягиваться в реализации на долгие годы. По его инициативе был образован сектор археологии Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ныне Институт алтаистики, носящий имя его отца, замечательного ученого Сазона Саймовича). Саша впоследствии стал инициатором создания нового, несколько необычного для нашего региона, но очень естественного сектора философии в том же Институте алтаистики. Стал издавать журнал «Евразийцы» с пропагандой философии «Живой этики» и идей космогонизма, смело выдвигал гипотезы на темы археологии и древней истории Алтая, публиковал поэтические опыты. А он и ранее, даже в своих археологических статьях вместо сухого текста вводил философские размышления. Идея выявления и осмысленного понятия нематериального культурного наследия народа также принадлежит Александру. Впоследствии произошло ее воплощение в законе Республики Алтай. Отдельное его детище – это Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, сыгравшее важную роль в защите и сохранению не только памятников археологии, но и многих этнографических и исторических объектов. Также помню его серьезную, потрясающую по своему объему работу над подготовкой объемной Энциклопедии Республики Алтай, главным редактором которой он был. Я подготовил по его просьбе девять статей для этого фундаментального издания.

Отдельной обширной темой являются отношения А.А. Суразакова и его многолетние связи с Национальным музеем имени А.В. Анохина. Он много-много лет был большим и верным другом музея. Находился в отличных отношениях с В.Т. Липатовой, Р.М. Еркиновой, Г.Н. Кучияк, Г.Н. Никитиной, другими музейщиками, ну и конечно с нами – музейными археологами Виктором Кочеевым, Олегом Лариным, мной. Материалы всех его исследований скифского, гунно-сарматского, древнетюркского времени, других эпох, переданы в Национальный музей им. А.В. Анохина и составили золотой фонд археологической коллекции. Они привели к значительному росту поступлений археологических материалов, а коллекция раскопок памятника Айрыдаш-I до сих пор является самой значительной в нашем музее.

Его корни, истоки творчества, его вдохновение – это сам Алтай во всем его величии и многообразии проявлений. Саша – сын знаменитого ученого-фольклориста Сазона, внук шамана Сайму. Этим все сказано, и природа, вопреки народному мнению, не отдыхала на Александре, а щедро обогатила его всеми теми дарами таланта, прозрения и мудрости, что были даны его предкам.

Его безвременный уход в расцвете творческих сил и возраста, честно говоря, не стал для меня неожиданностью, хотя все произошло неожиданно. Все мы, его близкие и коллеги знали о тяжелой болезни, с которой упорно боролся Саша. Он не хотел, чтобы об этом знали, никогда не жаловался и при встречах был оптимистом и бывшим «живчиком».

Пока жив твой пламень горенья,
Ты творишь, ты движешься ввысь.
Без движенья одухотворенья
Не бывает, как не стремишь.

В последние годы перед его болезнью мы достаточно часто встречались. Саша работал над новыми проектами, в частности Энциклопедией Республики Алтай и регулярно забегал в музей были встречи и на других площадках. Он делился своими обширными замыслами и идеями, иногда таинственно, как это он умел делать один, дружелюбно похихикивая над тем, что нам, мне, всем непосвященным было не ведомо. Мы планировали организовать выставку в Национальном музее, посвященную 70-летию ученого, прижизненную, но так уж распорядилась судьба. До своего юбилея Саша не дожил всего-то три с небольшим месяца. И еще приведу в заключение одно слово Саши о будущем археологии, науке, которой он, полагаю, отдал себя более всего: «Щедра земля седого Алтая на древности, открывая из года в год перед изумленным взором современника все новые картины своего яркого прошлого. А сколько еще увлекательных открытий ожидает здесь вдумчивого исследователя?».

И наконец, Саша был разнообразным и в своих проявлениях возраста, настроения, идей, общественной ситуации, которыми, и в которых он жил в это время. И в этом был его то ли осознанный, то ли эмоциональный выбор, было его величайшее отношение к многообразию нашей бренной жизни. «К жизни можно относиться по-разному, – писал он, – Ее можно любить, наслаждаться своей живой проявленностью, строить внутри себя и вокруг себя чудесные райские кущи... Жизнь можно возненавидеть, тяжело страдать от своей живой проявленности и стремиться все и везде порушить, воцарив внутри себя ад. От жизни можно уйти... С жизнью можно дружески ладить, установив с ней отношения доброжелательного взаимодействия, и с ней можно бороться, пребывая в состоянии озлобленности и страданий». И Саша, говоря его словами, любил жизнь, он не просто дружески ладил с ней, но и радовался жизни во всех ее временных и пространственных проявлениях.

А как задалась его жизнь, да и у всех нас, у Александра и на это есть ответ:

Кто там грешен и кто безгрешен,
Пусть решает Высший Совет,
Боли всякие перетерпевшие,
После жизни получим ответ.

Киреев Сергей Михайлович
Старший научный сотрудник
Национальный музей имени А.В. Анохина
Республика Алтай, Россия
649000, г. Горно-Алтайск ул. Чорос-Гуркина, 46
kireevsm2013@yandex.ru

О ДРУГЕ И ШЕФЕ САНЕ СУРАЗАКОВЕ

Вспоминая Саню Суразакова, всплывает множество событий, значимых и не очень. Наверное, правильно было бы остановиться на первых, которые оставили след в моей жизни, а какую роль я играл в его жизни – не ведаю.

Если брать начало нашей дружбы, то нужно вернуться в далекий 1974 год. Мы, студенты истфака проходили археологическую практику после первого курса. У Сани в это же время и в том же месте была стажировка, как у будущего аспиранта Института археологии. Место это в урочище Уландрык на границе с Монголией. Честно сказать, в археологии мы ничего не сообщали. В нашем багаже были скудные сведения, извлеченные из учебника «Археология СССР» и преподавания курса археологии в лице нашего преподавателя-неархеолога. Думаю, этого человека многие помнят до сих пор. После этой практики все пошло своим чередом. Саня поступил в аспирантуру и учился он у К.Ф. Смирнова – ведущего специалиста по сарматской археологии, так что он прошел хорошую школу. Свои первые самостоятельные раскопки археолог Суразаков проводил в зоне затопления Чуйской ГЭС в долине Боротал за Акташом. Туда поехал и я. С этого времени наши пути пересеклись окончательно и бесповоротно. Вместе мы работали в различных районах Горного Алтая.

Вспоминая эпопею на раскопках уникального могильника гунно-сарматской эпохи Айрыдаш-I за с. Куюс, в планируемой зоне затопления Катунской ГЭС, где мы работали несколько сезонов подряд, могу сказать – было весело. Саня вообще жил весело, с присущим только ему жизнелюбием и оптимизмом. Весело было и на Яломане, в Ябогане, на Коире, в Котыр-Тасе, в общем, везде, где побывали «богатыри Суразакова» («Суразаковтын батырлары») – так нас называли местные жители. Но это одна сторона медали. Другая сторона медали – у Сани, несомненно, были лидерские качества. Он создал сектор археологии в Научно-исследовательском институте, привлекая к работе местные кадры, складывалась своя школа археологов. Не все проходило гладко, ему больше приходилось сражаться с так называемыми «ибэдэшниками» (имитаторы бурной деятельности), чем заниматься наукой. Но все равно сектор работал, издавал свои труды, проводил свои конференции. Хорошее было время...

Потом как-то незаметно и буднично Суразаков-археолог стал философом и поэтом, это был его личный выбор. Видимо, гены взяли свое. Последний раз живым Саню я видел на его творческом вечере, который проходил в нашем драмтеатре. Там он больше рассказывал о своем предке-шамане, о своих творческих планах и почти ничего об археологии, о ее настоящем и будущем. А жаль. Уверен, он думал и об этом.

Никто не будет спорить, что он оставил след в нашей археологии. В моей памяти он останется точно, слишком много нас связывало. Все не расскажешь... Хочу завершить свой рассказ словами одного из экспедиционных персонажей: «Шеп у нас...». Таковым им останется наш предводитель и главарь.

Кочев Виктор Александрович
г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия

Л.В. Михайлова и А.С. Суразаков.
На мероприятии в АКИНе. г. Горно-Алтайск, 8 марта 2004 года.
Фото С.В. Трифановой.

А.С. Суразаков на Тархатинском мегалитическом комплексе.
Чуйская котловина, август 2004 года. Фото Т.А. Акимовой.

И.Л. Кызласов и А.С. Суразаков.
Во дворе старого корпуса ГАГУ. г. Горно-Алтайск, 20 мая 2009 года.
Фото С.В. Трифановой.

В.Д. Кубарев, С.М. Киреев, А.С. Суразаков.
В Национальном музее имени А.В. Анохина. г. Горно-Алтайск, 2010 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Соенов Василий Иванович (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>) ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ДИНАМИКУ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА АЛТАЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ЧАСТЬ 1. ЭПОХА КАМНЯ И БРОНЗЫ Soenov Vasilii Ivanovich (<i>Gorno-Altai, Russia</i>) THE IMPACT OF MIGRATION ON THE DYNAMICS OF ETHNO-CULTURAL PROCESSES ON THE ALTAI IN THE ANCIENT AND THE MIDDLE AGES. PART 1. THE STONE AND BRONZE AGE.....	3-16
Константинов Никита Александрович (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>) Вавулин Михаил Викторович (<i>Томск, Россия</i>) Зайцева Ольга Викторовна (<i>Томск, Россия</i>) Урбушев Айдын Урматович (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>) ОБСЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДОЛИНЫ РЕКИ БОЛЬШОЙ УЛАГАН (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ) Konstantinov Nikita Alexandrovich (<i>Gorno-Altai, Russia</i>) Vavulin Mikhail Viktorovich (<i>Tomsk, Russia</i>) Zaitseva Olga Viktorovna (<i>Tomsk, Russia</i>) Urbushev Aidyn Urmatovich (<i>Gorno-Altai, Russia</i>) ARCHAEOLOGICAL SURVEY IN THE VALLEY OF BOLHSOY ULAGAN RIVER (EASTERN ALTAI).....	17-33
Оборин Юрий Владимирович (<i>Красноярск, Россия</i>) ЖЕЛЕЗНЫЕ ТОПОРЫ "ХУННСКОГО ТИПА". (НОВЫЕ НАХОДКИ) Oborin Yury V. (<i>Krasnoyarsk, Russia</i>) IRON AXES OF THE "XIONGNU TYPE". (NEW FINDS).....	34-40
Кунгурова Наталья Юрьевна (<i>Барнаул, Россия</i>) ГОРОДИЩА БИИ И ВЕРХОВЬЕВ ОБИ Kungurova Natalia Urievna (<i>Barnaul, Russia</i>) THE HILLFORTS ON THE RIVERS BIYA AND UPPER OB.....	41-61
Лихачева Ольга Сергеевна (<i>Барнаул, Россия</i>) РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОИНА IV–V ВВ. Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ТАТАРСКИЕ МОГИЛКИ Likhacheva Olga Sergeevna (<i>Barnaul, Russia</i>) RECONSTRUCTION OF A WARRIOR OF THE IV–V CENTURIES A.D. ON MATERIALS FROM THE TATARSKIE MOGILKI SITE.....	62-68
Кунгуров Владимир Артурович (<i>Барнаул, Россия</i>) Кунгурова Наталья Юрьевна (<i>Барнаул, Россия</i>) НЕКРОПОЛЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. В БАССЕЙНЕ Р. КАН Kungurov Vladimir Arturovich (<i>Barnaul, Russia</i>) Kungurova Natalya Yurievna (<i>Barnaul, Russia</i>) NECROPOLIS OF THE FIRST HALF OF THE II MILLENIUM AD FROM THE KAN RIVER BASIN.....	69-92

Трифанова Сынару Вениаминовна (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>)	
Аргокова Алена Александровна (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>)	
СҮРҮ БӨРҮК – ТРАДИЦИОННЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР АЛТАЙЦЕВ	
Trifanova Synaru Veniaminovna (<i>Gorno-Altaiisk, Russia</i>)	
Argokova Alena Alexandrovna (<i>Gorno-Altaiisk, Russia</i>)	
SҮRҮ BӨRҮK – TRADITIONAL HEADDRESS OF ALTAIANS	93-99

МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ А.С. СУРАЗАКОВА

Соенов Василий Иванович (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>)	
СУРАЗАКОВ АЛЕКСАНДР САЗОНОВИЧ	
(10.12.1948 – 28.08.2018)	101-103
Киреев Сергей Михайлович (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>)	
НЮАНСЫ ЕГО БЫТИЯ.	
ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА СУРАЗАКОВА	104-108
Кочеев Виктор Александрович (<i>Горно-Алтайск, Россия</i>)	
О ДРУГЕ И ШЕФЕ САНЕ СУРАЗАКОВЕ	109
Фотографии с А.С. Суразаковым	110-111

Научное электронное издание

Древности Сибири и Центральной Азии. № 9(21)

Ответственный редактор – В.И. Соенов

Статьи публикуются в авторской версии

Подписано в печать 08.11.2018. Формат 60x84 1/8.
Усл.печ.л. – 14,25. Объем – 25 Мб, 1 электрон. опт. диск (CD-R).
Заказ № 117. Тираж – 500 дисков.

Горно-Алтайский государственный университет.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д. 1, тел.: +7-38822-26439
<http://www.gasu.ru>